

(((СОНАР)))

№ 4, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

**В редколлегии (((СОНАР)))
все редакторы – главные.**

Борис Годин

Эйтан Адам

**Анатолий
Анимица**

Алекс Манфиш

Марина Симкина

Оглавление

Сергей Аврутин	3
Закат на Санторини	3
Алекс Манфиш	69
Переводы песен с иврита	69
Йонатан Видгоп	86
10 стихотворений	86
Елена Текс	92
Настоящий художник	92
Ирина Лир	103
С намордником наперевес. Мемуары.	103
Марина Симкина	141
Шесть рассказов для детей	141
Михаил Язмир	147
Наташа	147
Диана Беребицкая	154
Стихи	154
Леонид Дынкин	163
Московский романс	163
Борис Годин	166
Два маршала	166
Об авторах, художниках и редакторах	181

Галерея (((СОНАР)))	186
Светлана Ткаченко	186

В оформлении обложки использованы картины Светланы Ткаченко.

На 1-й странице: Черепашка, 60x40, масло.

На 3-й странице: Автопортрет, 70x80, масло.

На 4-й странице: Тигр, 120x100, масло.

Сергей Аврутин

Закат на Санторини

Пьеса в трех актах

Действующие лица

Джо Сикспакулос, страховой агент, проживает в г. Мамбафакервиль, штат Огайо, США

Мэри-Энн Сикспакулос, его жена, домохозяйка
Дебора Джонсон, их соседка, подруга Мэри-

Энн

Матвей Тимофеевич Головнюк, председатель Группы по Борьбе за Освобождение Ленинградской Области от Петербургских Захватчиков

Иван (Ванечка) Курвалайнен, финский террорист, активист Группы

Прочие члены Группы (Камарад-Член 1, Камарад-Член 2, Камарад-Член 3)

Лев Моисеевич Крестonosцев, пенсионер, бывший физик

Катя Крестonosцева, его дочь, сотрудник Театральной Библиотеки

Олесь Ягуарович Бэдэ, бывший аспирант Кре-

стоносцева, ныне специалист на все руки, человек с большими связями

Евгений Грушкин, поэт, преподаватель-почасовик Мамбафакервильского университета, факультет гуманитарных наук

Барбара, секретарша декана

Чарльз Брайдотти, декан факультета гуманитарных наук Мамбафакервильского университета

Ольга Павловна Тугодумова-Рабиняц, русская поэтесса

Дик Смол, преподаватель русской словесности Сиднейского университета

Фира Абрамовна, соседка Крестоносцевых

Тип с одесским говором

Экатерини, продавщица в бутике

Вера, однокурсница Кати Крестоносцевой

Мгабе, муж Веры

Флафик и Пуфик, хомячки-гомосексуалисты

Прочие персонажи

АКТ I

Сцена 1

Огайо, Мамбафакервиль, дом семьи Сикспакулос. Из-за закрытой двери туалета доносится голос хозяина дома.

Голос Джо (говорит с натугой). То опота ту ine Джо Sixpackulos. My name is Joe Sixpackulos. Меня зовут Джо Сикспакулос. Менo сто Огайо, Соединенные Штаты Америки... Соединенные Штаты Америки.. ton Inomenon Polition Amerikis... Йес... В городе Мамбафакервиль. Стин поли... ту Мамбафакервиль. Мне 45 лет. (*С натугой, характерной для сидения в туалете*) Име... сарандо... сорок пять... Черт, как же сорок пять-то будет? Ена, вио, триа... тесера... тесера... пенди... э-э-э экси, эпта, окто, энза... Йес, саранда пенди, значит... име саранда пенди хронон.

Вот. Саранда пенди... (молчание). Да. Саранда пенди. Сорок пять... И ничего... Ни-че-го... Страховой агент в Мамбафакервиле. Ничего не знаю, ничего не умею, ничего не имею... Ничего не могу. Даже корни свои изучить, как следует, не могу... Языка родного деда, бабушки родной – и то не знаю... Ни-че-го... Как там по-гречески 'ничего', кстати?.. Типота. Типота... Такая вот, блин, типота... (В этот момент в комнату входит Мэри-Энн, которая явно ищет мужа; подходит к двери в туалет, слушает внимательно.) То онома му ине Джо Сикспакулос. Има эна типота. Полный. Мою жену зовут Мэри Энн. Она тоже типота. То онома tis sizighu tu ине Мэри-Энн и она тоже полная типота. (Молчание; звук спускаемой воды, появляется Джо с самоучителем греческого языка в руках. При виде жены поспешно пытается спрятать его за спину.)

Мэри-Энн (напряженно, с потаенной угрозой). Что ты там делал?

Джо. Что?

Мэри-Энн. Скотина.

Джо. Мэрюся, почему скотина? Мне что, в туалет нельзя?

Мэри-Энн. Что ты там делал? Ты что, меня за полную идиотку принимаешь? Что ты прячешь? А ну покажи!

Джо (пытается храбриться). Почему я тебе должен показывать? Ничего у меня нет, отстань! Что хочу, то и прячу! Ничего не прячу... Отстань!

Мэри-Энн. Какая же ты все-таки скотина... Опять греческий язык учишь? Я же тебе запретила! Запретила! (Бросается на Джо с кулаками.) Я тебе, гаду, покажу **иос козис сакус**. Сволочь! Говнюк поганый!

Джо пытается не отдать самоучитель, но жена вырывает его из рук, рвет на части.

Мэри-Энн. Я тебе сколько раз говорила: не будешь учить греческий, не будешь! Придумал, скотина, корни свои познавать! Шел бы лучше раковину на кухне прочистил: как засорять – это ты, а как чистить – так на это времени нет, ему, видите ли, греческий учить надо... Зачем, зачем я с тобой живу, а? Жизнь на тебя угробила с твоими греческими корнями, с твоими предками говняными, гре-

ками погаными!

Джо. Мэрюсик, милый, ну успокойся, ну подумай, греческий учебник почитал... Ну что ты нервничаешь из-за пустяков?..

Мэри-Энн *(в ярости, бьет Джо кулаками по груди)*. Из-за пустяков?!! Из-за пустяков?!! Дома дел невпроворот, а он греческий, видите ли, учит! Скотина... Убирайся, чтоб я тебя не видела! Иди раковину чисти, подонок!

Джо смиренно уходит, на ходу подбирая порванные листки. Мэри-Энн, все еще в ярости, плюхается на диван перед телевизором, щелкает пультом.

Голос ученого, дающего интервью. ... даже у пингинов. Не говоря уже о более высокоразвитых организмах, таких, как человек, например, или обезьяна. Гомосексуальные явления являются нормальным, повторяю, нормальным способом проявления сексуальности биологических организмов.

Диктор. Перед вами выступал декан факультета гуманитарных наук Мамбафакервильского университета профессор Чарльз Брайдотти. Спасибо, профессор Брайдотти. И в заключении сводка новостей...

Звонит телефон.

Мэри-Энн. Алло?

Голос. Але, это я. Я уезжаю.

Мэри-Энн. Ну?

Голос. Что, ну? А кто за мальчиками последит? Возьмешь, а?

Мэри-Энн. О, Господи... Ну заходи, ладно. Ты скоро?

Голос. Ой, спасибочки! Сейчас заскочу. Слушай, а у тебя все есть? Морковочка там, капуста – они, гады, капризные. А то я сбегаю, куплю.

Мэри-Энн. Приходи скорей, а то мне еще обед готовить; у меня тут свой мальчик. *(Вешает трубку, садится опять к телевизору.)*

Диктор. Госдепартамент США выразил недовольство нарушениями прав человека в России. По словам представителя Госдепа, особую озабоченность вызывает преследование жителей Ленинградской области, страдаю-

щих от продолжающейся оккупации Петербургскими захватчиками. Конгресс США обещал в ближайшее время рассмотреть вопрос о финансовой поддержке Группы по Борьбе за Освобождение Ленинградской Области, несмотря на то, что российские власти считают эту организацию террористической...

Мэри-Энн выключает телевизор, некоторое время сидит молча. Резко встает, надевает передник, собирается идти на кухню. Звонок в дверь; Мэри-Энн открывает. Входит Деби с клеткой в руках; в клетке два хомяка.

Деби. Приветик, приветик, спасибочки тебе огромное; правда, ты меня так выручила, а то, понимаешь, Бобик мой решил мне романтическое путешествие устроить – едем в Луизиану, там, говорят, полный развал, ураган – Катрина, помнишь? – все к черту разломал, так романтично, сплошные развалины. В общем, он хочет меня порадовать. Развалины показать. Руины! История все-таки. Он же, знаешь, у меня интеллигентный, учитель в школе, историей увлекается. А мальчиков моих он не выносит, особенно Флафика, говорит, мол, у него вечная линька. А у Бобика аллергия.

Мэри-Энн. На Флафика?

Деби. И на Флафика, и на Пуфика, а они у меня такие сладкие, как на них можно алергировать? (*Целует клетку.*) Ути мои маленькие, пусечки-мусечки. Не любит вас злой Бобик, не любит, а я люблю, никому не отдам. Вот только Мэрику-Энику отдам, она хорошая, она вас морковочкой покормит... (*к Мэри-Энн*) А ты чего такая вялая? Опять твой козел греческий учит, что ли? (*Хохочет.*)

Мэри-Энн. Да ну... (*нехотя, но постепенно возбуждаясь.*) В сортире уже прячется, сволочь, понимаешь? Сидит и зубрит свой язык идиотский. Я ему говорю, иди, мол, лучше денег заработай, а он: у меня, мол, режим свободный, а клиентов сейчас нет. И снова за свое: **синус косис сиксапосис...** Козел.

Деби (*изриво*). Ну а что? Греческие корни, бабка, дед, понимаешь, надо знать свои истоки!.. А может, у него гречаночка какая, а? Пусечка-мусечка, знаешь, ставракис-мавракис. Седина в голову, бес в ребро – или как там у них,

у греков, говорят?

Мэри-Энн (*сердито*). Знаешь, лучше бы гречаночка, толку больше было бы. Потренировался бы, может, чего и со мной бы получилось. А то язык греческий... Корни. У меня, вон, может пра-пра-прадед из России приехал, что ж я, по-твоему, русский язык должна учить? Я бы скорее с русским потрахалась, чем голову чужими словами засорять.

Деби (*с интересом*). Чего, серьезно, что ли?

Мэри-Энн. Что серьезно?

Деби. Ну, потрахалась бы?

Мэри-Энн. Ну, не знаю... (*натужно смеется*.) А что, есть кто на примете?

Деби. У Дебулика все есть... И какой **кто!** Закачаешься. Знаешь, кем работает? Стихи пишет!

Мэри-Энн. ... Зачем?

Деби. Как зачем? Нравится! И еще других учит – у нас в университете Мамбафакервильском. Платят ему, правда, немного, судя по всему: я-то его как знаю. Он у меня за Флафиком и Пуфиком присматривал, когда я с Вильямом – помнишь Вильяма, длинный такой у меня был? – ну вот, когда я с ним ездила крокодилиий питомник смотреть, у меня Евгений этот подхалтуривал – мальчиков моих кормил. Десять долларов в час брал. Недорого... Ты тогда к Элен своей в Арканзас уезжала, вот мне и не с кем было оставить.

Мэри-Энн. Евгений – это имя, что ли?

Деби. Ну да! Русское имя, как наше Юджин, но не Юджин, а Евгений. Красиво, да?

Мэри-Энн *безразлично пожимает плечами*.

Хочешь позвоню? У меня и телефончик его остался где-то... (*ищет в мобильнике телефон*). Ага, вот он... Рабочий только, дома у него телефона нет вроде бы... Мобильного тоже нет, наверное... Не знаю. А у вас теперь и тема общая для разговора есть – мальчиков моих обсудите. Кто как ест, и вообще. Ну что, звонить?

За сценой слышится звук чего-то падающего – вероятно связанного с работами Джо по очищению раковины. Мэри-Энн оборачивается на звук, потом решительно поворачивается к Деби.

Мэри-Энн. Звони!

Деби набирает номер. Долгие гудки. Включается автоответчик.

Голос автоответчика. Добрый день, утро или вечер! Разрешите представиться: Евгений Грушкин, преподаватель факультета гуманитарных наук Мамбафакервильского университета. Скорее всего, в настоящий момент я нахожусь на заседании кафедры или же читаю лекцию студентам. Возможно, встречаюсь с аспирантами. В период с 30 октября по 5 ноября я буду отсутствовать в связи с выступлением на международном конгрессе литераторов в Европе, на острове Санторини. Будьте любезны, оставьте Ваше сообщение, и я обязательно перезвоню Вам при первой возможности. С уважением, Евгений.

Мэри-Энн делает Деби всяческие знаки, чтобы та не оставляла сообщение, но Деби не обращает внимания.

Деби (очень старается говорить интеллигентно). Евгений, Вы как всегда угадали: сейчас утро. Доброе утро! Голос, который Вы слышите, принадлежит Дебре, которой, в свою очередь, принадлежат Флафик и Пуфик, Вами кормленные. Помните? Так вот, Евгений, я уезжаю, а моя подруга и соседка Мэри-Энн Сикспакулос будет их кормить – я решила не отрывать Вас в этот раз от стихописания, я знаю, как это важно, и подруга моя тоже это знает, а телефон у нее вот такой: 555-9453. (не знает, точно, что еще сказать) Вот... Ну а я уезжаю изучать руины. До встречи, Евгений... 555-9453. Мэри-Энн. А я Деби. (Совсем запутавшись, вешает трубку, но быстро приходит в себя.) С поэтами, знаешь, надо позамысловатее, они это любят. Так что он тебе когда позвонит, ты уж там эдакое чего-нибудь загни, ладно?

Мэри-Энн. Да ну... может и не позвонит. Надо ему очень. Он вон на конференцию едет, на международную. В Мексику, что ли?

Деби. В Европу, говорит же, в Европу, понимаешь? Значит, не в Мексику. Санта Рини – слышала? Англия, наверное. Да ты не бойсь, позвонит – мне тут говорили, он американочек любит, чем-то мы ему приглянулись. Знаешь Дженнифер, маникюршу-педикюршу? Так вот, Евгений

этот у нее с котом сидел, когда она к дочери на рождество уезжала. А как вернулась – он все уходить не хотел, замуж просил выйти, с котом, говорит, всю жизнь сидеть буду за бесплатно, и тебя тоже любить буду. Стихи читал – и свои, и чужие, всякие. Очень романтично, да? Русские, наверное, все такие. Страстные! Ну все, я побежала, а то Бобик мой рассердится. Пока – пока, и вам, маленькие мои, тоже пока (*целует клетку*). У, мои сладенькие, ведите себя хорошо, не обижайте Мэрика, не обижайте Эника, и мужа ее греческого тоже не обижайте (*хохочет, довольная своей шуткой*). Все, пока, пока, целую (*убегает*).

Мэри-Энн одна, смотрит на клетку, что-то там привлекает ее внимание, но в то же время пугает. Берет телефон, не знает, звонить или нет, потом все-таки набирает номер.

Голос Деби. Не волнуйся, перезвонит он тебе, точно говорю. Невтерпез, что ли? (*Смеется.*)

Мэри-Энн. Да не... я не про то... Слушай, а они у тебя... не того?..

Голос Деби. Чего не того?

Мэри-Энн. Ну... нормальные? Тут по телевизору говорили... мол, даже у пингвинов бывает.

Голос Деби. Что бывает? Линька?

Мэри-Энн. Да не линька... Гомики бывают, понимаешь? Гомики. Пингвины, например, обезьяны. У людей тоже бывает, говорят. А твои эти... ну так, как то... очень уж друг с другом... близко...

Голос Деби (сердито). Ну ты совсем сдурела. Знала бы, что ты такое подумаешь, ни за что бы не отдала. Нормальные они у меня, нормальные, что я, мальчиков своих не знаю? А это они играют так, дружба у них, понимаешь (*потеплевшим голосом*). Дай ты им морковочки, они все забудут, ладно? Все, мне собираться надо, целую, и моих поцелуй в хвостики, они это любят.

Мэри-Энн. Пока...

Кладет трубку, некоторое время смотрит на клетку. Осторожно кидает туда морковку. Судя по всему, это не вызывает никакой реакции. Мэри-Энн подталкивает клетку, но хомяки заняты своим и не реагируют.

Мэри-Энн (раздраженно). А ну вас... Вы еще тут на мою голову! (Уходит.)

Голос приближающегося Джо (говорит с попыткой на решительность). Мэри-Энн! Мэри-Энн! Она не чистится!

Появляется Джо в вантузом в руках.

Джо (продолжает начатую за сценой речь). Я делал все по инструкции, она не про-чи-ща-ет-ся! (Замечает, что в комнате никого нет.) Мэри? Энн? Мэрюсечка? Энюсечка, ты где? (Замечает клетку.) А... (с ненавистью) А вы-то тут что делаете, Дебино отродье?.. Выкинула она вас, что ли? Мужичка нового завела, а вас на помойку? А к нам-то зачем? (Что-то в клетке привлекает его внимание.) Ух ты... (хихикает) Ух ты... Вы же вроде мальчики оба... Сучка ваша говорила, что оба мальчика. Флафик, Пуфик, или как там... А вы тут такое... на глазах у публики, можно сказать (довольно хохочет). Во дают! Во наяривают! Как в древней Греции! Там даже у людей такое было, я читал! А тут – хомяки!

Довольно хихикая, наблюдает процесс, не замечая, как входит Мэри-Энн. Она подходит к нему сзади, выхватывает вантуз, лупит по спине.

Мэри-Энн. Ты прочистил раковину? Ты прочистил раковину? Или тебе ... Тебе... сколько раз повторять надо?

Джо (закрываясь от ударов). Ты что, совсем сдурила? Он же грязный!

Мэри-Энн. Так тебе и надо, сам ты грязный, говно поганое, а ну убирайся.

Кидает в Джо вантуз. Джо подбирает вантуз, уходит; перед самым выходом со сцены оборачивается к Мэри-Энн.

Джо. Ты бы лучше посмотрела, чего они там в клетке выделывают! Подружка твоя их небось научила. Или сами в ее доме насмотрелись – у нее там и не такого насмотришься!

Мэри-Энн (с ненавистью). У-би-рай-ся!

Джо исчезает; Мэри-Энн некоторое время смотрит в упор на Флафика и Пуфика. Срывает с себя передник, бросает его на клетку.

Мэри-Энн (с отчаянием и ненавистью). Козлы во-
ночные! Все! (Уходит со сцены.)

*Пустая сцена с клеткой посередине. Из клетки до-
носится довольное попискивание.*

Занавес

Сцена 2

*69 километр Приозерского шоссе Ленинградской
области. Старая, полуразрушенная дача. Здесь проходит
тайное заседание Группы по Борьбе за Освобождение Ле-
нинградской Области от Петербургских захватчиков. За-
седание открывает убежденный сединами председатель,
Головнюк Матвей Тимофеевич.*

Головнюк. Все ли на месте, камарады? Можно
начинать?.. Я не вижу камарада Курвалайнена. Кто-нибудь
знает, что с ним?

Член 1. Что, что? Нажрался, наверное, как всегда,
спит где-нибудь.

Член 2. Ну почему сразу 'нажрался'? Может элек-
тричка задерживается – транспорт-то нынче плохо ходит.
Оккупация, как-никак!

Член 3. А че – плохо? Я на автобусе добрался.
Нормально.

Головнюк (встревоженно). Возможно, возможно.
Но меня волнует, не попал ли камарад Курвалайнен в плен
к Петербургским захватчикам? Не томится ли он в застен-
ках? Не пытаются ли его?

Член 1. Да он самого кого хочешь запытает. Гово-
рю – нажрался!

*Дверь открывается, входит Ванечка Курвалайнен.
Он слегка навеселе.*

Курвалайнен. Извиняйте, камарад начальник, кама-
рады, извиняйте – припозднился. Вери мач сорри, как гово-
рится (*пошатываясь, идет к стулу, плюхается на него*).

Член 1. О! А я чего говорил!

Член 2. Надо понять причины, почему камарад
Курвалайнен, да и другие камарады, иногда злоупотребля-
ют алкоголем. Я думаю, главная причина – это психологи-

ческое давление оккупации.

Член 3. А че? Немного-то можно. Если с закусью.

Головнюк (*по-отечески строго*). Иван, ты же знаешь, что в нашей организации дисциплина – это главное! Заседания, собрания, обсуждения – это священный долг каждого борца за независимость. Без всего этого, Ленинградская область навсегда останется оккупированной Петербургскими захватчиками. Ты же этого не хочешь, Иван?

Курвалайнен. Да базара нет, камарад начальник, нету базара. Ну припозднился разок.

Головнюк. Ну хорошо. Надеюсь, у тебя будет возможность искупить свое поведение действием.

Курвалайнен. Базара нет. Искуплю.

Головнюк. Так, все в сборе. Кворум имеет место, можно начинать. Повестка дня на сегодня. Обсуждение выполнения решений предыдущего заседания. Обзор разбора тем сегодняшнего заседания. Выбор тем дальнейших заседаний. Методика определения выбора тем для разбора их определения. Определение даты и места следующего заседания. Есть ли какие-нибудь замечания, возражения в отношении повестки дня?

Курвалайнен. А нельзя чего-нибудь того... мотануть... ну... исключить. А то мне еще бомбу сегодня делать, а вечером Зенит играет.

Член 2 (*с интересом*). С кем играет?

Курвалайнен. С кем, с кем? Не следишь, что ли? 1/16 финала кубка чемпионов, с греками на своем поле играют. Санторини юнайтед. Конкретный клуб, не лохи. Но мы их замочим.

Член 1. Да уж как же, замочим. Без Шершавина-то. И у Гробнюка травма.

Член 2. Вот ведь неприятность какая! Кого же вместо Гробнюка выпускать? Выпускать-то некого. Придется по левому краю атаковать, а у греков правые защитники – ого-го-го!

Член 3. А че? Можно и по левому.

Курвалайнен. Да какие там ого-го? Казлюкис, что ли? Тоже мне защитник. Стоит, как столб – его и обойти можно. Не-е... замочим, замочим.

Член 1 (*распалаясь*). Вот, блин, заладил: 'замочим, замочим'. А если они Жопаниса выпустят, а? Он вон в какой форме.

Курвалайнен (*тоже распалается*). Да чего ты мне своими Жопанисами-попанисами тычешь. Говорю, замочим, значит замочим! Ни хрена в футболе не понимает, а все туда же лезет. Террорист хренов.

Член 1. Это я, что ли, в футболе не понимаю? Ты базар-то фильтруй, козел!

Курвалайнен (*пошатываясь, с явной угрозой направляется к Члену 1*). Я чего-то не понял... а я чего-то не понял... Ты чего сказал? Кто козел, я, что ли? (*бьет Члена 1, тот отвечает, начинается драка с криками и взаимными оскорблениями*).

Головнюк (*бросается их разнимать*). Камарады! Камарады! Как вам не стыдно! Прекратите сейчас же! Мы же все камарады, товарищи! Товарищи камарады, прекратите немедленно! (*С трудом растаскивает дерущихся, садится обратно за стол.*) У нас, между прочим, драка в повестку дня не входила. И обсуждение Зенита тоже. И вообще – вы же знаете, что бывает с теми, кто болеет за Зенит... Это команда оккупантов, они на нашей исконной областной земле понастроили себе дач, выращивают картошку, продают ее на своих рынках, а на вырученные деньги разъезжают по миру, в футбол поигрывают, видите ли!

Член 3. А че? У меня и огурцы в этом году выросли. Нормально. В парнике, правда. А картошка чего-то не того.

Член 2. А Вы удобряете? Попробуйте калом.

Член 3. Да сыпал я говна, не помогает. Воняет как из сортира, а не растет ни хрена.

Головнюк. Камарады, давайте не отвлекаться. Прежде всего – позвольте мне краткий отчет за отчетный период. За период с нашего предыдущего заседания (время и место напоминать не буду в целях конспирации) наблюдалось некоторое снижение нашей активности. И это несмотря на то, что период отпусков в нашей организации еще не наступил. Так количество актов возмездия оккупантам снизилось на 16 процентов по сравнению с соответ-

ствующим периодом прошлого года. Количество запланированных, но сорванных актов увеличилось на 27 процентов. На 27! Это, камарады, совершенно неприемлемо, совершенно.

Член 1. А чего делать-то? Менты бушуют. Метут, суки, как суки.

Член 2. Мне кажется, необходимо усилить внутрицеховой контроль. Каждый из нас должен с большей ответственностью относиться к делу.

Курвалайнен. Да замочим мы их, начальник, не боись, замочим.

Член 3 (*тихо, на ухо Члену 2*). Я че думаю? Может, я с говном переборщил, а? Ну, переложил? А то у всех расстет, а у меня нет.

Член 2. А Вы его перегнивали?

Член 3. А че, надо?

Головнюк. Надо понять причины временных неудач. Это может быть и индивидуальная ответственность индивидуумов, может быть и объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Член 2 (*Члену 3*). Ну Вы, право, как маленький. Конечно, надо перегнивать.

Головнюк. Но мы не должны смиряться. Хочу сообщить вам, камарады, что в ближайшее время наша организация получит серьезное подкрепление.

Курвалайнен. Еще, что ли, кого завербовали, начальник? Может, девчонок каких найдете, а то сидим тут, как монахи. Взрыв хороший и то отметить не с кем.

Член 1. А тебе одно – лишь бы отметить. Видал, девок еще ему подавай!

Курвалайнен А тебе кого? Пидер, что ли? У нас с такими знаешь чего делают?

Член 2. Знаете, сексуальная ориентация – вещь спорная. Я бы не стал из-за нее идти на конфликт.

Головнюк. Конфликт с захватчиками переходит в высшую и последнюю стадию. Подкрепление, о котором я говорю, – это не люди, не женщины, как ты, Иван, выразился, а новое, сверхсекретное оружие возмездия оккупантам. И часа этого нам ждать уже не долго!

Член 3 (*Члену 2*). А долго?

Член 2. Что? Ждать?

Член 3. Да не, перегнивать?

Член 1. Давно пора. А то надоело уже трамваи под откос пускать.

Курвалайнен. Ха... трамваи... Ты бы еще троллейбус угнал... Лох.

Член 2 (*Члену 3*). Ну уж пару недель надо.

Член 1. Это я-то лох? Да на себя посмотри! Усрись ты со своим Зенитом!

Курвалайнен (*встает, направляется опять к Члену 1*). А я чего-то не понял... чего-то я не понял... Ты что – на Зенит наехал, что ли? Пидер, что ли?

Головнюк бросается разнимать почти начавшуюся драку.

Головнюк. Да хватит вам уже, правда! Сядьте. У нас тут борьба за независимость, а у них разборки. Как дети.

Курвалайнен. Да он первый начал, камарад начальник. Век воли не видать, первый!

Член 1. Не начинал я, вон у этих спросите (*показывает на Членов 2 и 3*)

Головнюк (*крайне сердито*). Прекратить, я сказал! Хватит! А то разбираться не буду, кто начал, кто кончил и с кем и вообще и все тут такое прочее. Всех в дисциплинарном порядке, единоразово, вот так вот! (*Смягчаясь.*) Мы же все вместе, камарады, все заодно. За свое боремся, не за чужое, так ведь? (*Все кивают. Головнюк обращается к Члену 2.*) Вот Вы, Вы: помните, как у вас в конструкторском бюро участка под Сосново раздавали, садоводство делили, а Вам-то и не досталось! Помните? Или забыть хотите? Понять? Простить? На Вашей земле теперь футболисты картошку выращивают, а Вы тут... прямо как... Вообще. Некорректно. (*Обращаясь к Члену 3.*) А у тебя – почему у тебя не растет, знаешь?

Член 3. Говна неперегнившего набросал.

Головнюк. Сам ты говно! Из-за оккупации не растет, из-за оккупации! Не терпит наш областной картофель рабства и порабощения! Никакими удобрениями ты его не

заманишь!

Член 3. ... а чего ж мне теперь делать-то?

Головнюк. Бороться за свободу! За независимость! Или ты вот (*Члену 1*). У тебя жена к кому ушла? К городскому! И квартиру твою, тебе на Охте от бабки доставшуюся, захапала. Захапала или не захапала, спрашиваю?

Член 1 (*нехотя*). Ну захапала...

Головнюк. А ушла к городскому? К городскому, спрашиваю, ушла?

Член 1. Ну ушла...

Головнюк. Вот, а ты тут... распускаешься. Туда-сюда, Зенит чемпион, Жопаниса припомнил. А она там, может, сейчас со всем Зенитом такое вытворяет! В твоей квартире, между прочим!

Член 1 (*кивает в сторону Курвалайнена*). Да это он все начал...

Головнюк (*Курвалайнену, с явным потеплением в голосе*). Да и тебе, Иван, стыдно должно быть. Ты же настоящий борец! Борец, спрашиваю?

Курвалайнен. Ну борец...

Головнюк. За свободу?

Курвалайнен. Ну можно и за свободу...

Головнюк. И жизнь твоя вся с областью нашей связана? Связана: ты где первые исправительно-трудовые работы проводил?

Курвалайнен. По молодости под Приозерском зону топтал. Потом под Лугой плыл. А чего, начальник, сами же все знаете, чего колете-то?

Головнюк. Тебя, Ванечка, никто не колет. Оккупанты питерские тебя колоть будут – и те не расколют, я тебя знаю! Я тебе просто напоминаю, кто ты есть! И фамилия у тебя какая – знаешь?

Курвалайнен. На воле или погоняло?

Головнюк. Курвалайнен ты! Понимаешь? Лай-нен! Курва! Финн ты! И земля, на которой мы сейчас наше заседание проводим – финская. Твоя, значит!

Курвалайнен. Вся, что ли?

Член 2 (*встревоженно, с обидой*). Подождите, подождите. А как же права собственности? А то что, мне у

камарада Курвалайнена мой участок в садоводстве выкупать придется? Я, извините, не за это борюсь!

Член 3. А че? Может, я тоже коренной, а у меня все равно не растет.

Член 1 (*злорадно*). Во-во. Я ж говорил – это он начал. Сначала землю ему, потом жену, потом квартиру в городе... Чтoб со всем Зенитом трахаться.

Курвалайнен (*встает, говорит с угрозой*). Ты че, опять на Зенит наехал?

Головнюк (*в гневе*). Немедленно прекратить внутривластные разборки! Отменить раздоры и шатавания! Все! Хватит! Заседание объявляется закрытым по техническим причинам. О месте и времени следующего заседания будет сообщено отдельно.

Члены группы расходятся; Курвалайнен пытается убежать первым.

Головнюк (*торжественно*). А тебя, Иван Курвалайнен, я попрошу остаться!

Курвалайнен (*с отчаянием*). Матвей Тимофеич! Футбол же сегодня!

Член 1 (*с ухмылкой*). Да ты не переживай... может, на дополнительное время успеешь (*уходит, радостно напевая “не печалься, любимая, за разлуку прости ты меня”*).

Член 2 и Член 3 тоже уходят, переговариваясь на ходу.

Член 3 (*Члену 2*). А вот Вы образованный. Скажите, может, мне лучше коровьего набросать?

Член 2. Можно и коровьего. Но перегнивать все равно надо.

Головнюк и Курвалайнен вдвоем.

Головнюк. Садись, Иван... То есть присаживайся. Разговор у нас будет серьезный. Чаю хочешь?

Курвалайнен. А ничего поконкретнее нету?

Головнюк. Вообще-то по уставу организации не положено. Но ради такого случая... (*Достает из портфеля бутылку водки, два огурца, два стакана. Разливает водку, чокается с Иваном.*) Наше дело, Иван, правое, и мы победим.

Курвалайнен. Поехали (*оба выпивают*).

Головнюк (*закусив огурцом*). Иван, скажи: ты настоящий областник?

Курвалайнен. Чего-чего?

Головнюк. Областник ты или нет, спрашиваю?

Курвалайнен. Ну допустим.

Головнюк. Это хорошо. Это правильно. Значит, и поймешь меня правильно.

Курвалайнен. Пойму, начальник, пойму. Ну что, по второй?

Головнюк (*разливает*). Мы тут, Иван, посоветовались и хотим, Иван, наградить тебя за смелость и отвагу и за успешную работу вообще.

Курвалайнен. Огурчик еще есть?

Головнюк протягивает ему огурец, подливает водки.

Головнюк. Хотим мы, Иван, твои успехи в труде, в борьбе, значит, отметить присуждением тебе бесплатной туристической поездки с посещением футбольного матча.

Курвалайнен (*мгновенно трезвеет*). Какого матча?

Головнюк. Какого, какого? Ты что сам сегодня говорил? Зенит твой на своем поле играет. А через две недели, значит, что будет?

Курвалайнен (*еще не совсем веря своему счастью*). На чужом...

Головнюк. Точно так! На вражеском! И ты, Ванечка, поедешь к ним в ихнюю Санторину, посмотреть, чего как, да и вообще как играют, и все, значит, такое прочее. Поболеть, короче.

Курвалайнен (*в полном счастье*). Гражданин начальник! Камарад Трофимович! Ну Вы того... Замаксали... Ну спасибо Вам, и друзьям Вашим. А чего, и билетик будет?

Головнюк. Все готово, Иван, все готово. И билет на самолет, и паспорт (как там у вас – ксива?) (*довольно хохочет*). И ксиву тебе заграничную сделали – у нашей организации, Иван, в городе свои люди есть. Так что через две недели будешь сидеть на стадионе в Греции и думать о нашем с тобой общем деле.

Курвалайнен (*бросается к Головнюку, обнимает*

его в полном счастье). Буду, Матвей Тимофеич, буду сидеть и думать буду, и сидеть буду – все равно думать буду, ну спасибо... прямо не знаю... (*Что-то вдруг приходит ему в голову, говорит с подозрением.*) Погодите, погодите, начальник... Вы же вроде на Зенит бочку катили – оккупанты там, мол, картофель сажают, села жгут, девок наших насиляют... А теперь – поезжай. Это как же так, а?

Головнюк (*смеется*). Ну ты, Иван, молодец, наблюдательный. Я думал – подметит или нет? А подметил! (*Серьезно.*) Я это, Иван, для конспирации. Понимаешь? Не всем я могу так доверять, как тебе. Вот и приходится мне иногда против Зенита чего сказать. Давай-ка мы, Иван, за победу выпьем (*разливает*). Зенит – чемпион! Сине-белоголубые! Сине-бело-голубые! Зенит – чемпион!

Курвалайнен подхватывает, оба орут зенитовские лозунги, одновременно опорожня стаканы, пока, наконец, оба не откидываются в изнеможении на спинки стульев.

Головнюк. Вот такие вот дела. (*Посерьезнев.*) Но и просьбочка у нас к тебе будет, Иван. Точнее, поручение. Задание.

Курвалайнен. Валяйте, начальник!

Головнюк. Нам, Ванечка, нашу организацию надо на международный уровень выводить. Ну, чтобы знали о нас, чтобы борцы за права человека за область нашу побарывались, снабжали нас, чем могут. Чтобы на борьбу нам выделяли – знаешь, там у них за бугром на это дело выделяют. Это, Ванечка, дело такое, я тебе скажу, политическое, можно сказать. Согласен?

Курвалайнен. Ну а как не согласиться? Согласен... Зенит чемпион! (*Пытается начать новую волну лозунгов.*)

Головнюк. Погоди, погоди. Так вот, умников таких много. Все хотят от выделений этих чего-нибудь себе поиметь. Мы ж с тобою не одни в мире. Арабы там всякие, косоворы, или как их там в Сербии зовут. В Африке тоже борются. И всем надо. А о нас кто знает? Мало пока кто, мало. Конгресс у них там один, Ванечка, на всех не хватает. А нам выделения ихние ой как нужны. И ты, Курвалайнен, нам в этом поможешь.

Курвалайнен (*по деловому*). Кассу брать будем?

Головнюк. Ну вроде как... Поручение такое. Перед отъездом тебе наши люди в городе вещицу одну передадут – небольшую такую, на себя наденешь. Типа как курточка такая. А в курточке там такое колечко будет. Так вот слушай, Иван: ты, когда на стадионе сидеть будешь... то есть когда ты там у них болеть за наш Zenit родной будешь, ты, значит, за это колечко потянешь – ну а все остальное мы за тебя сделаем.

Курвалайнен. А чего будет-то?

Головнюк. Как чего? Фейерверк будет, Ванюша, салют праздничный. В честь победы Zenita на чужом, враждебном им поле. Это же надо отметить, надо, спрашиваю?

Курвалайнен. А как же!

Головнюк. Ну вот и отметим, все вместе! Задание понял?

Курвалайнен. Чего не понять-то? Понял. Куртку одел, за колечко потянул, Zenit чемпион! И все, что ли?

Головнюк. Все! Zenit – чемпион, Курвалайнен – герой, а на нас выделяют. Ты только конца игры не дожидайся, в серединке где-нибудь, для поддержки родной команды. Я, мол, уверен, Zenit победит, вот уже и праздную. Понял?

Курвалайнен. Да я ж говорю, замочим, начальник, замочим! Давайте еще по одной, за победу!

Головнюк наливает, оба пьют.

Головнюк. Да, вот еще что: ты там чего-нибудь эдакое выкрикни перед тем, как задание выполнить... "Свободу Ленинградской Области!", например. Или, скажем... "Смерть Петербургским Захватчикам"! Или сам чего придумай. Ну чтоб знали о нас, знали, кому перечислять, понимаешь?

Курвалайнен. А по фене можно?

Головнюк. Что можно?

Курвалайнен. Крикнуть по фене можно? Ну там: ВОШЬ ЦВЕТНАЯ, НА ПОНТ БЕРИ! Или вот: БУГОР СЛЯГАВИТ, В ПЕТУШИНЫЙ ЗАГОН ЛЯЖЕТ! А можно: НОШУ НЕ ХАВАЛ, ВЕК ВОЛИ НЕ ВИДАТЬ! Мне так как-то полегче крикнуть будет...

Головнюк (*задумывается*). Знаешь, Иван, а идея-то это хорошая... Добрая идея. Пусть думают, что это наш язык такой. А то у всех свой язык есть, а мы оккупантским, питерским пользуемся. Не совсем, конечно, но все равно... Вон, боснюки повоевали, повоевали, денег от конгресса наполучали, на них свой язык, боснийский, завели. А чем мы, областнюки, хуже, чем они, боснюки?

Курвалайнен. Ничем не хуже.

Головнюк. Так что прав, ты, Иван. Без языка своего нас там, за бугром, за независимых не посчитают и борьбу нашу поддерживать всячески не будут... Что ты там про волю сказал? Век воли не видать? Это хорошо, это неплохо... Ты вот что-нибудь такое и крикни, перед тем как за колечко дернуть. А мы там объясним всем, что за волю, за свободу боремся и что на это выделить надо. Все понял?

Курвалайнен (*уже изрядно пьян*). Камарадыч, все понял, век воли не видать, Зенит чемпион и за колечко дерну... (*Поет.*) Дерну за колечко, выскочит сердечко...

Головнюк. Ну, давай на посошок... (*выпивают*). А теперь иди, жди связного с ксивой и инструкцией. Успехов, тебе, Иван Курвалайнен!

Курвалайнен, шатаясь, уходит, на ходу догрызая огурец и напевая веселую песенку.

Головнюк один. Некоторое время сидит молча, потом достает телефон. Голос автоответчика таинственно произносит: "Оставьте сообщение и мы вас найдем".

Головнюк. Пирог готов. Жду начинки. Повторяю: Пирог готов. Жду начинки. (*Вешает трубку, кладет пустую бутылку и остатки закуски в портфель, напевая: Дерну за колечко, выскочит сердечко...*) Еще как выскочит, Ванечка, еще как выскочит! (*Уходит.*)

Занавес

Сцена 3

Большая, но довольно запущенная квартира семьи Крестonosцевых. Множество книг по стенам, несколько картин, мебель времен существования ГДР. На стене гордо пылится плакат с объявлением о конференции физиков в

городе Утрехт, Нидерланды, с именем Крестоносцева как главного докладчика. Катя накрывает на стол. Лев Моисеевич, который совсем недавно освоил интернет, что-то читает в компьютере, полностью поглощенный обрушившимся на него потоком информации.

Катя. Папа, иди обедать.

Крестоносцев. Ага... (не двигается.)

Катя продолжает накрывать, ставит на стол электрический чайник, два пакетика с супным концентратом, приносит консервы, пытается открыть банку, но случайно режет себе палец. Вскрикивает от боли, идет в ванну, возвращается с кое-как забинтованным пальцем.

Катя. Папа, все накрыто, садись, пожалуйста.

Крестоносцев (весь в интернете). Сейчас, дочура, сейчас...

Катя садится за стол, но не ест, а открывает книгу стихов бывшего петербургского поэта Грушкина. Крестоносцев наконец-то изволит сесть за стол. В задумчивости открывает пакетик, насыпает содержимое себе в тарелку. Катя отрывается от поэзии, наливает папе кипяток.

Катя. Хочешь сухариков?

Крестоносцев (думая о чем-то своем). Ага...

Катя кладет отцу в тарелку сухарики. Он молча поглощает суп. Закончив суп, откидывается на спинку стула.

Крестоносцев. Знаешь, Катюша, в Пакистане совсем нехорошо.

Катя (безразлично). Что-нибудь случилось?

Крестоносцев. Думаю, война будет.

Катя. С кем?

Крестоносцев. Думаю, с Индией. А может быть, и с Китаем. Ситуация непростая.

Катя. Это тебе в интернете сказали?

Крестоносцев. В новостях прочитал. Лента ру называется. Все можно узнать теперь, не то, что раньше.

Катя. Да ну, папа, вся эта информация десять раз фильтруется, обрабатывается и потом подается тебе. А ты все за чистую монету принимаешь. В ФСБ целые отделы

этим занимаются. Ты тунца прямо из банки будешь или тебе в тарелку положить?

Крестоносцев. В тарелку. Мама твоя терпеть не могла, когда я из банки ел...

Некоторое время едят молча.

Крестоносцев. Знаешь, Катюша, и в Зимбабве непонятная ситуация. Думаю, война будет.

Катя. Как же наша Верочка? Ей еще только войны не хватало.

Крестоносцев. Какая Верочка?

Катя (с явным огорчением). Ну папа! Верочка со мной в университете училась, а потом замуж вышла в Зимбабве! За Мгабе; он тоже с нами учился, в параллельной группе. Она же у нас даже жила одно время, когда мама еще жива была. Толстенная такая. Совсем не помнишь?

Крестоносцев (с уверенным видом вращая голову). Как это не помню? Конечно, помню Верочку! Ну как ей там, кстати?

Катя. Ты знаешь, очень по Питеру скучает. По России, естественно, не скучает, а вот по Питеру очень. Никакой Хараре, пишет, не сравнится с нашим Петербургом! А может, это она просто так пишет, чтобы подозрений не вызывать... У нее же тут мама, а и-мэйлы все эфэсбэшники читают.

Крестоносцев. Обязательно передай ей от меня привет и скажи – пусть немедленно из Пакистана уезжает (засыпает на стуле).

Катя (с отчаянием в голосе). Папа!

Крестоносцев (резко просыпается, явно забыв, о чем идет речь). Что, дочура?

Катя. Папа, ты принимал свое лекарство?

Крестоносцев. Не принимал и не буду. Отстань от меня.

Катя. Папочка, но тебе же Яна Григорьевна прописала! Новое лекарство, американское, мы кучу денег потратили, а ты не принимаешь.

Крестоносцев (раздраженно). У меня все в порядке! На улице я пока не теряюсь, с лестницы не падаю, так что занимайся лучше собой.

Катя. Ну причем здесь с лестницы! Это же лекарство улучшает кровоснабжение мозга, память улучшает!

Крестоносцев. У меня все нормально с памятью! Я тебе говорю: занимайся собой! Выйдешь замуж, будешь своего мужа воспитывать, а меня уже нечего.

Недовольный, уходит обратно за компьютер. Катя убирает со стола. В середине уборки устало садится на стул, закрывает лицо руками. Через некоторое время снова появляется Крестоносцев, который явно что-то вспомнил.

Крестоносцев (извиняющимся тоном). Катюша, а какой сегодня день недели?

Катя (тайком вытирая слезы). Пятница.

Крестоносцев. Пятница... Странно, а я думал четверг... Это, наверное, в календаре что-то не так...

Катя. Папа, что случилось?

Крестоносцев. Знаешь, Катюша, я просто отвлекся... ну, забыл. Ты понимаешь, у нас сегодня гости.

Катя (с ужасом). О Господи! Какие гости, папа? Когда?

Крестоносцев. В семь часов...

Катя. Папа, сейчас уже без десяти семь! (В панике убирает со стола.) У нас даже к чаю нечего подать... (Опять случайно режет себе палец, пытается убрать банку с тунцом.) О Господи... Кто приходит, папа, сколько человек?

Крестоносцев (с гордостью в голосе). Мой бывший аспирант, Олесь. Он мне, между прочим, по электронной почте письмо написал. Буду в Питере, говорит, хочу со своим учителем повидаться. Во как! Да... Очень толковый молодой человек был, но вот видишь, как жизнь закрутила? Перестройка началась, он все и бросил. Диссертацию свою бросил, физику бросил... А мы с ним, между прочим, тему интересную развивали, доклад на международной конференции делали...

Катя. Ты бы хоть переоделся! Сними ты эти штаны ужасные. У тебя же костюм есть.

Крестоносцев. ... И комментариев много было...

(Все больше и больше возбуждается.) Мы же с Олесем придумали, как термодинамический эффект в пять тысяч раз усилить! Представляешь? Сто грамм дают эффект пяти тонн обычной взрывчатки. А? Как тебе эффектик? Ну а потом... потом все насмарку. Олесь уехал, а у нас институт закрыли... Всех в обязательный отпуск сначала, а потом взяли и закрыли... Вот так вот... Все готово было для полевых испытаний; у меня вон до сих пор все расчеты дома лежат, все формулы, вся технология... Даже материалы пробные – и те пришлось домой забрать. Только и надо было, что испытания провести. А они взяли и закрыли...

Катя. Папочка, я умоляю тебя: сними эти штаны!

Крестоносцев *(сердито)*. Да не сниму я штаны! Отстань! Это у вас, гуманитариев, на штаны смотрят. А у нас, физиков, главное, чтобы человек интересный был. Книжка даже такая была: Физики и Лирики. Читала? Или все своего Грушкина штудируешь?

Уходит к себе в комнату. Через некоторое время раздается звонок. Катя в отчаянии бросается к двери, на ходу заглядывая в зеркало. Из комнаты появляется Крестоносцев. Он все в тех же тренировочных штанах с мешками на коленках, но в галстуке.

Крестоносцев *(торжественно)*. Это ко мне, мои аспиранты. Катерина, ты там приготовь нам что-нибудь. Нам надо поработать. Чай можно ко мне в кабинет подать.

Катя уходит к себе в комнату, чтобы переодеться к приходу гостя. Крестоносцев открывает дверь, из-за которой появляется Олесь Ягуарович Бэдэ – невероятно импозантный, хорошо и дорого одетый лысеющий человек неопределенного возраста с артистически прибранным пони-тэйл. У него в руках бутылка престижного коньяка и коробка конфет.

Олесь *(периодически говорит белым стихом)*. Лев Мойсеевич! Дорогой! Сколько лет, сколько зим!

Боже ж мой, Боже ж мой! Вы все такой же, Вы все такой!

Можно Вас обнять? *(Обнимает и целует Кресто-*

носцева, который явно несколько опешил от солидного вида своего бывшего аспиранта.)

Крестоносцев. Здравствуй, здравствуй, Олесь, ох какой ты стал... Очень, очень солидный. Прямо профессор!..

Олесь. Ну, какой уж я профессор, Лев Моисеевич, ну какой уж там.

Куда уж мне до Вас, до Вас уж мне куда?

Ну что, может, в комнату пройдем или, как в старые добрые времена, будем в коридоре мировые проблемы решать? *(Весело хохочет.)*

Крестоносцев. Да проходи... проходите, конечно... прямо не знаю, как к тебе обращаться *(растерянно хихикает)*. Такой вот профессор солидный... Катя! Катюша! А у нас гость... Олесь – а вот отчества твоего я не припомню.

Олесь. Боже ж мой, Лев Моисеевич, Боже ж мой! Какое для Вас отчество!

Там, для других я – Ягуарыч, ну а для Вас – Олесь я навсегда!

Оба весело смеются.

Крестоносцев проводит гостя в кухню, где висит-ся гора немытой посуды; усаживает гостя. Олесь ставит коньяк на стол, садится, оглядываясь вокруг с антропологическим интересом).

Крестоносцев. Ну садись, Олесь, рассказывай *(берет бутылку, принесенную Олесем)*. Коньячку будешь? У меня тут неплохой коньячок завалился.

Ищут рюмки. В этот момент входит Катя, более или менее переодевшаяся к приему высокого гостя.

Катя. Папа, что ты делаешь на кухне? *(Замечает Олесю.)* Здравствуйте... Что же Вас папа на кухне принимает, пойдемте в комнату.

Крестоносцев. Олесь, познакомьтесь: это моя дочь, Екатерина. Сотрудник Театральной Библиотеки. Катерина, это Олесь Ягуарович, мой аспирант. Прошу любить и жаловать.

Олесь. А я Вас, Екатерина Львовна, помню – я од-

нажды к бабушке Вашему, Льву Моисеевичу, заходил, а Вы тогда изволили к школьным экзаменам готовиться, не изволили даже к нам на чай выйти.

Только 'здрасьте' сказали и скрылись опять: там учебники ждали упрямо!

Катя (несколько растерянно). Правда? Что-то такое припоминаю... Ну, Вы уж извините, что не вышла... Папа, идите в комнату, я сейчас накрою (*отбирает у Крестonosцев чайные чашки, в которые тот собирался наливать коньяк*).

Крестonosцев и Олесь садятся за стол в гостиной. Крестonosцев несколько не в своей тарелке, не знает о чем говорить.

Крестonosцев. Да... вот такой вот профессор Олесь! Ягуарович (*оба смеются. У Олесья звонит мобильный телефон.*)

Олесь. Извините, Лев Моисеевич. Можно я? Быстренько... (*В трубку.*) Бэдэ слушает. Oh, hi, how are you? No, no, I am in Russia. A couple of days, I guess.... I know, I know. No problem, delivery time as agreed. Good. Talk to you later. Извините, Лев Моисеевич, дела проклятые, дела.

Крестonosцев. Здорово ты по-английски. Где ты это так выучил? На курсах? Я тоже начал было на курсы ходить, но как-то не сложилось...

Олесь. На курсах жизни, Лев Моисеевич, на курсах жизни. Много где пожить пришлось за эти годы, много где. А английский язык – он ведь и в Африке английский. Везде нужен.

Входит Катя с подносом, на котором бутылка коньяка, конфеты Олесья, нарезанный лимон, полуоткрытая банка консервов и нечто, похожее на сыр ломтиками. У Олесья звонит телефон.

Бэдэ... Goede dag. Nee... op dit moment ben ik niet beschikbaar. Zou U een paar weken even kunnen wachten? Ik moet iets in Rusland regelen. Goed zo. Doe-e-i.

Крестonosцев (*Кате шепотом.*) А это что за язык такой жуткий?

Катя (*шепотом*). Голландский.

Крестоносцев. Ага...

Олесь. Извините, Екатерина Львовна, дела проклятые, дела, никак не бросить мне дела. Позвольте мне тост? (*Разливает всем коньяк.*) За все бывшее! (*Выпивают.*)

Крестоносцев. И у меня тост.

Катя. Папа, может быть, тебе больше не надо?

Крестоносцев. Я хочу, молодые люди, выпить за науку и за учителей наших, которые нас в науку привели. Помните, Олесь, был такой академик Гуценко? Мы с ним однажды вместе выступали на семинаре в Дубне, так вот он мне и говорит: Лева, без наших учителей мы с тобой были бы просто ничто! Очень хороший физик был, и человек интересный (*выпивают*).

Катя. Олесь Ягуарович, а где Вы живете? Мне папа ничего не рассказывает.

Олесь. Я много где живу, Екатерина Львовна, много где. Иногда в Европе, иногда в Америке, бывает и в Азию занесет. Хотя Азию я недолюбиваю.

Чужо мне там, чужо...

Но по-английски про меня можно сказать *Amsterdam based*. То есть, у меня домик в Амстердаме.

Крестоносцев. В Амстердаме! Это же недалеко от Утрехта? (*Солидно.*) Я там на международном конгрессе выступал, доклад делал. Очень успешный доклад был. Много комментариев, вопросов... Но ты, Олесь, уже, наверное, не помнишь...

Олесь. Ах, как не помнить, Лев Моисеевич, как не помнить? Мы же с Вами там вместе и выступали. Вас тогда еще за границу выпускать не хотели, очень уж Вы секретный были.

Секретный Моисеич – так звали Вас друзья...

Да... так что пришлось мне тогда это по своим каналам улаживать... Екатерина Львовна, позвольте за Вами поухаживать? Рюмочку? Знаете, я так отвык от коньяка с лимоном – в последнее время на Западе все только с лаймом пьют.

Крестоносцев. И мне, Олесик, тоже рюмочку. А

лайм – это что?

Олесь. Ну, зеленый такой лимончик. Кисленький, как наша жизнь порой. Позвольте? Лев Моисеевич! Я хочу поднять этот бокал за Ваш вклад в науку, за все то, что Вы сделали, за все то, чему Вы нас – молодежь – научили.

*Не всем из нас было дано пойти той же тропой,
но все же, все же, дорогой, хочу за Вас я выпить!*

Выпивают.

Катя. А чем Вы, Олесь Ягуарович, сейчас занимаетесь? Мне кажется, у Вас очень интересная жизнь должна быть. По всему миру ездите...

Олесь. Езжу, Екатерина Львовна, летаю, можно сказать. Помните? Фигаро здесь, Фигаро там. (*Крестоносцев радостно подхватывает знакомую мелодию; у Олесья звонит телефон.*) Hallo? Mitztaer, ani lo yahol ledaber ahshav. Ken, ken, ani atkasher behazara. Lehitraot, bye bye!

Крестоносцев. Вот, Олесь, молодец, даже по-арабски умеет!

Катя. Папа, это иврит... Олесь Ягуарович, а где Вам больше всего нравится бывать?

Олесь (*небрежно-валяжно*). Трудно сказать, Екатерина Львовна, трудно сказать... Лондон производит гнетущее впечатление, Нью-Йорк несоразмерен человеку, Каир – чужд культурно. Меня, Екатерина Львовна, в последнее время все больше и больше тянет к первозданности, к истокам цивилизации...

*“Там, где солнце садится в усталое море,
Купола освещая последним лучом,
Я забуду тебя, моя боль, мое горе,
Моя жизнь и судьба – ни о чем, ни о чем...”*

Катя (*радостно оживляясь*). Это “Закат на Санторини” Грушкина. Чудесный поэт, такой тонкий, нежный порой. Изумительное чувство ритма. Только знаете, странно как-то – он после того, как в Америку уехал, изменился очень, странно как-то пишет... Мне это не совсем понятно: в Америке ведь свобода по-настоящему, не то что у нас в

совке, там его талант должен был бы развиваться... Вот я его сборник стихов читаю; там в предисловии сказано, что он крупный литературный деятель США, профессор факультета гуманитарных наук. А писать стал как-то странно...

Крестonosцев. Ну что это за факультет гуманитарных наук? Какие такие науки? Рот закрыл – рабочее место свободно.

Катя (Олесю.) А Вы любите Грушкина?

Олесь. Стихи люблю, но ничего серьезного у меня с ним не было. Увы... Мы просто друзья. В школе вместе учились – в гимназии с углубленным изучением греческого и латыни. Ах, право, как давно-то было, как давно!

Катя (с восторгом). Вы с ним лично знакомы? Как я Вам завидую!

Олесь. Ну что Вы, Екатерина Львовна, что Вы... Более чем знаком... Я одно время, признаюсь, был Женечкой очень даже увлечен... (*Грустно*). Да... а теперь мы просто друзья. Хотите позвоню? Вас представляю?

Катя. Вы знаете, спасибо, конечно, но как-то неудобно...

Олесь. Екатерина Львовна! Ну о чем речь? (*Набирает номер на мобильнике.*)

Голос автоответчика. Добрый день, утро или вечер! Разрешите представиться: Евгений Грушкин, преподаватель факультета гуманитарных наук Мамбафакервильского университета. Скорее всего, в настоящий момент я нахожусь на заседании кафедры или же читаю лекцию студентам. Возможно, встречаюсь с аспирантами. В период с 30 октября по 5 ноября я буду отсутствовать в связи с выступлением на международном конгрессе литераторов в Европе, на острове Санторини. Будьте любезны, оставьте Ваше сообщение, и я обязательно перезвоню Вам при первой возможности. С уважением, Евгений.

Крестonosцев. "С уважением, Евгений..." Тоже мне, придумал. Мог бы просто сказать: "Это Женя. Перезвоните позже." Вечно эти гуманитарии выпендриваются.

Олесь. Женечка, дорогой, здравствуй. Это Олесик. Как ты поживаешь? А меня вот в Петербург занесло, на нашу с тобой историческую родину, можно сказать. И по-

знакомился я тут, Женечка, с поклонницей твоего неувядающего таланта, Екатериной Львовной Крестonosцевой. Она тебе позвонит как-нибудь, согласен? Знаю, что согласен, знаю. Обнимаю тебя.

Катя. Как интересно! Вы только что прочитали отрывок из Грушкинского “Заката на Санторини”, а там как раз международный конгресс проводится. Вот ведь какое совпадение!

Крестonosцев. Совпадений не бывает! Бывает статистически распределяемый поток событий, подобный, в некотором смысле, Броуновскому движению частиц.

Олесь (которому явно что-то пришло в голову). А Вы, Екатерина Львовна, на Санторини не бывали?

Катя (смущенно). Нет, знаете, пока нет... Я вообще за границей мало где была. Как-то времени нет, все не до того. Да и не дешево это, наверное.

Крестonosцев. Ну как же мало? Мы, Олесь, с Катенькой и ее мамой, когда та еще жива была, замечательно отдохнули в Болгарии однажды. На Золотых Песках. Очень хорошо отдохнули.

Катя. Папа!

Олесь. А Вы, Екатерина Львовна, не хотели бы в конгрессе поучаствовать? На Санторини? Я все устрою; Вам только надо будет заплатить регистрационный взнос, ну и билет на самолет. И гостиница.

Катя (со страхом). А взнос... большой?

Олесь. Ну что Вы! Думаю, что нет. Долларов 500, наверное (небрежно). Это сейчас в порядке вещей.

Крестonosцев (сердито). Не наука, а бизнес какой-то, ей Богу!

Катя. Спасибо, Олесь Ягуарович, но, наверное, не получится в этот раз. Дел по дому много. И вообще. Да и много для нас 500 долларов, честно скажу.

Крестonosцев (строго). Катерина, ты должна поехать! Это важно для твоей карьеры!

Катя. Папа, перестань, пожалуйста.

Крестonosцев. Катерина, ты должна поехать. Я работаю тебе на билет и на регистрацию и что там у вас, гуманитариев, еще надо. Я напишу книгу, и на полученный

гонорар ты поедешь на конгресс.

Олесь (*небрежно*). Знаете, Лев Моисеевич, можно и без книги. У Вас ведь так много других работ... Вот помните, в старые добрые времена, когда я еще физикой занимался, мы с Вами тему одну разрабатывали – усиление термодинамического эффекта.

Крестоносцев (*радостно*). А? Помнит ведь, помнит, шельма! Физик – он на всю жизнь физик, Катя! (*Радостно смеется вместе с Олесем.*)

Олесь. Да... так вот у меня, Лев Моисеевич, знакомые кой-какие есть, клиенты, можно сказать. Очень этой Вашей работой интересовались.

Крестоносцев (*солидно*). Весьма польщен. Я был бы рад встретиться с твоими коллегами и, возможно, начать совместный проект. Тема перспективная.

Олесь. Очень перспективная. Так что если Вы, Лев Моисеевич, Ваши расчеты и описание технологии мне бы сейчас передали, да и материалы экспериментальные – они же у Вас остались, не так ли? Ну вот, а я бы... с коллегами организовал научную конференцию с Вашим, естественно, участием. Ну, и гонорар бы Вам заплатили. Так что никаких финансовых проблем не предвидится... А дочь Ваша на свой, гуманитарный конгресс могла бы съездить. В академическом мире ведь как, Лев Моисеевич? Физики зарабатывают, гуманитарии тратят (*все трое радостно смеются*)... А знаете что? Пока мы там нашу конференцию организуем, еще сколько времени пройдет, а Екатерине Львовне уезжать скоро... (*достаёт бумажник*). Давайте-ка я Вам, Лев Моисеевич, Ваш научный гонорар за выступление на будущей конференции сейчас выдам, а мы потом разберемся (*отсчитывает доллары*).

Крестоносцев и **Катя** растерянно и с испугом смотрят на горку долларов, высыющуюся на подносе.

Катя. ... Папа, а тебе не трудно будет выступить с докладом?..

Крестоносцев (*все еще опешанно глядя на кучку долларов*). Ну что ты, дочура... Я и в Москве доклады делал, и в Новосибирске...

Олесь. Екатерина Львовна, Ваш батюшка выдаю-

щийся ученый, прекрасный докладчик; я уверен, что выступление будет воспринято с огромным интересом.

Вопросов много будет, знаю, но Вы ответите на них!

Лев Моисеевич, не робейте, несите сюда Ваши расчеты секретные-пресекретные (*все смеются*), и образцы Ваши экспериментальные – преэкспериментальные, ну чтобы все видели, что правда – работает эффект наш с Вами, работает! А я пока пару звонков сделаю, дочери Вашей билетики и визу организую.

Крестоносцев уходит, Катя дрожащими от счастья руками убирает со стола, режет себе палец в третий раз, уходит на кухню. На кухне Крестоносцев роется среди банок и кастрюль, пытаясь найти что-то.

Олесь один в комнате (*в трубку телефона*). Добрый вечер, добрый вечер. Заказик Ваш выполнен, вечером все передам... Что? Как Вам угодно, можно наличными, можно переводик. Реквизиты Вы знаете (*смеется в трубку*). Ну спасибо, спасибо – работа у нас такая, этим и занимаемся. Всегда к услугам клиента, как говорится. Обнимаю.

Катя на кухне. Папочка, что ты ищешь?

Крестоносцев. Я, Катюша, наши с Олесем пробные образцы тут где-то спрятал, в какую-то банку, точно не помню. Кажется, там мука была написана... А может, сахар. Или рис, не помню точно. Но ты не волнуйся, я найду.

Катя. Папа! Ну как ты можешь такие вещи на кухне хранить!

Крестоносцев (*сердито*). А почему и не на кухне? Мама как умерла, все равно никто этими банками не пользуется... Вот, вроде нашел, вроде это. На вид вроде это... Но, конечно, экспериментик бы провести, чтобы убедиться, да... экспериментик бы... Ну ничего, физики поймут; если не то, найдем в другой банке.

Катя возвращается в комнату уже с тремя переплетенными пальцами.

Катя. Олесь Ягуарович, я Вам очень признательна, правда. Для папы это очень важно, чувствовать, что он, его

работы еще кому-то нужны.

Олесь. Очень нужны, Екатерина Львовна, очень. И ценность – научная – этих работ, я полагаю, будет расти и расти... А вот Вы мне должны пообещать, что когда Женечке позвоните, привет ему от меня передадите и расскажете, как Вам было приятно мое общество и что выгляжу я замечательно (*смеется*).

Катя (*тоже смеется*). Обязательно передам, тем более, что и кривить душой не придется.

В комнату входит Крестоносцев со старой потрепанной тетрадкой в руках и банкой с надписью "мука".

Крестоносцев. Почерк у меня сам знаешь какой, Олесь, но физикам ведь почерк не страшен, не так ли? А вот и наши с тобой материальчики, помнишь? Я таки их спас, а то когда институт закрывали, все разворовали, поверить страшно (*передает тетрадь и банку Олесе, который небрежно убирает их в портфель*).

Олесь (*напевает*). А нам не страшен ни вал девятый, ни холод вечной мерзлоты (*все втроем радостно подхватывают*). Ведь мы ребята, да, да, ведь мы девчата, да, да, семидесятой широты! Ведь мы ребята, да, да... (*У Олесья звонит телефон.*) Да, Леночка. Здравствуйте, дорогая. Завтра утром, да, так точно. Через Франкфурт? Прелестно, можно и через Франкфурт... Да, кстати, Леночка, к Вам одна моя знакомая подойдет (*так, чтобы Крестоносцев слышал*) дочь крупного ученого, между прочим... Леночка, Вы ей сделайте паспорт и билетик на Санторини. Ну и гостиницу, все, как водится. Что, что? Какой матч, не понял? А... (*радостно смеется*) нет, нет, не на футбол, на международный конгресс литераторов-поэтов. Ну вот и спасибо, Леночка, ну вот и спасибо (*вешает трубку, обращается к Кате*). Подойдете на днях в турагенство на Исаакиевской, Вам там все оформят, я договорился... Знаете, там футбольный матч какой-то важный проводится, вот мой турагент и решила, что Вы с группой болельщиков на матч летите (*оба смеются*).

Крестоносцев. Ведь мы ребята, да, да, ведь мы девчата, да, да...

Катя. Спасибо Вам, Олесь Ягуарович, я правда

очень тронута Вашим вниманием, правда. Как жаль, что Вы уже завтра улетаете.

Олесь. Улетаю, Екатерина Львовна, улетаю... Ну а пока ... пока лишь убегаю.

Вас должен я покинуть, пора уж мне, пора...

Лев Моисеевич, дорогой, право, право, был очень, очень рад Вас повидать (*целует и обнимает Крестоносцев*). О времени и месте конференции Вам будет сообщено дополнительно.

Крестоносцев (*солидно, с видом специалиста*). Да, можно по электронной почте. У меня дома хорошая машина стоит, все читает.

Олесь. Екатерина Львовна, спасибо за угощение, все было просто замечательно. Я безумно, безумно рад нашему знакомству и –

Кто знает, кто знает, как в жизни бывает? Быть может, увидимся мы!

(Уходит.)

Катя. Счастливого пути!

Крестоносцев с дочерью стоят около стола, на котором все еще возвышается кучка долларов.

Катя (*глядя на доллары*). Папочка, спасибо тебе, ты такой талантливый ученый. Видишь, как твои работы ценят... Я тебе в Греции обязательно новые брюки куплю. Тебе же надо для выступления на конференции! Хорошо? (*Целует отца, уходит.*)

Крестоносцев один, грустно садится за стол перед кучкой долларов.

Крестоносцев. Хорошо, хорошо, Катюша... Новые брюки это хорошо... Да... вот такой вот профессор Олесь... Ягуарович...

Занавес

Сцена 4

Приемная декана факультета гуманитарных наук Мамбафакервильского университета. Крупная чернокожая

секретарша задумчиво поглощает огромный бутерброд, одновременно что-то печатая на компьютере. В приемную входит Евгений Грушкин. На секунду останавливается, натягивает на лицо уверенную улыбку довольного идита.

Грушкин (крайне приветливо). Добрый день, как Вы поживаете?

Секретарша (пытаясь прожевать бутерброд, прежде чем ответить; говорит с набитым ртом). ... Извините... (проглатывает последний кусок). Отлично! А как Вы?

Грушкин (радостно). Замечательно!

Секретарша (тоже радостно). Это здорово! Как я могу Вам помочь?

Грушкин. Мне назначено у декана. В один час пополудни.

Секретарша. Одну минуточку (смотрит в компьютер). Господин Гроу... Гручкин... О, извините, если я неправильно произношу Вашу фамилию! (Смеется.)

Грушкин (тоже смеется). Вполне нормально, вполне нормально. Грушкин. Это иностранное имя, русское.

Секретарша. Грюч... Груцкин?

Грушкин (дружесливо смеется). Чудесно! Почти полностью правильно! Грушкин.

Секретарша (дружесливо смеется). Извините еще раз. У меня не очень хорошо с иностранными языками. Я немного говорю по-испански. Пор фавор. Абло эспаньол. Дондэ эста эль ресторанте? (Хохочет.) Но русский, наверное, очень трудный язык.

Грушкин (весело-приветливо). Я уверен, что Вы могли бы его освоить. Конечно, надо много и упорно работать.

Секретарша (наконец-то находит что-то в компьютере). Ага, вот и Вы. Так... Все в порядке, только декан немного задерживается: он на важной встрече с проректором по финансовым вопросам. Посидите, пожалуйста.

Грушкин. Без проблем. Я подожду.

Грушкин садится на стул в приемной, листает ка-

кие-то журналы; секретарша заканчивает первый бутерброд и разворачивает второй.

Секретарша. Господин Дрючкин, может быть, Вы хотите что-нибудь попить? Кофе, чай, прохладительные напитки?

Грушкин. Хорошая идея! Прохладительный напиток, пожалуйста.

Секретарша. Кока-кола, пепси, спрайт?

Грушкин. Кока-кола, пожалуйста.

Секретарша. Классическая или диетическая?

Грушкин. Классическая, пожалуйста

Секретарша. В бутылочке или в баночке?

Грушкин. В бутылочке, пожалуйста

Секретарша. Большая или маленькая?

Грушкин. Большая, пожалуйста

Секретарша. Здесь будете пить или на вынос?

Грушкин не успевает ответить, так как в приемную входит декан – профессор Чарльз Брайдогги, многоопытный работник университета с добрыми морщинками вокруг умных глаз.

Декан. Здравствуйте! Извините, что я опоздал. Была важная встреча у проректора по финансовым вопросам. *(протягивает руку Грушкину).* Чарльз Брайдогги. Как Вы поживаете?

Грушкин. Евгений Грушкин. Отлично, спасибо.

Декан *(секретарше, говорит с заботой и заинтересованностью).* Как у Вас дела, Барбара? Все ли в порядке?

Секретарша *(отвечает радостно, с дружелюбной улыбкой).* Спасибо, спасибо, все в порядке.

Декан. Отлично, отлично. Как Ваше здоровье? Рука больше не болит?

Секретарша. Нет, спасибо. У меня все в порядке.

Декан. Замечательно! А нога?

Секретарша. Спасибо, все в порядке, все в порядке!

Декан. Прекрасно! А как горло? Прошло? На той неделе, кажется, у Вас горло болело.

Секретарша. Все прошло, спасибо, все отлично.

Декан. Чудесно, чудесно... Ну, а как Ваш тазобедренный сустав? Не доставляет ли он Вам неприятностей?

Секретарша. О, нет! Все в полном порядке!

Декан. Хорошо, хорошо, это хорошо... Ну а как Ваша семья?

Секретарша. О, у нас все в порядке, все в порядке!

Декан. Как Ваш сын? У него все в порядке?

Секретарша. У него все в порядке, спасибо, все нормально. Болтается на улице многовато иногда... но... что я могу поделывать? Такой возраст. *(Оба смеются.)*

Декан. Да... Нам всем было по 16 лет когда-то... А Ваша дочь как?

Секретарша. О, она в полном порядке, спасибо, спасибо. Она – хорошая девочка.

Декан. Отлично, отлично, рад это слышать. А как себя чувствует Ваша мать?

Секретарша. О, ничего, ничего, она в порядке... *(улыбка сходит с лица).* Вообще-то она умерла на прошлой неделе.

Декан *(с сожалением).* О-о-о! Мне так грустно это слышать. Очень, очень сожалею.

Грушкин *(с сожалением).* О-о-о! Я тоже очень сожалею.

Секретарша. Спасибо, спасибо... Ну, что поделаешь... Это жизнь. Она теперь на небесах, в гораздо лучшем месте.

Декан *(с отеческой заботой в голосе).* Дайте мне знать, если я могу что-нибудь для Вас сделать, хорошо?

Секретарша. О, спасибо, спасибо большое.

Декан *(Грушкину).* Пройдемте в кабинет. Барбара, следующие пятнадцать минут я буду занят, хорошо?

Секретарша. Без проблем *(приступает ко второму бутерброду).*

Декан и Грушкин *проходят в кабинет.*

Декан. Присаживайтесь. Как у Вас дела?

Грушкин. Отлично, отлично. Спасибо, что нашли время со мной встретиться.

Декан. Ну что Вы, что Вы! *(С глубоким, неподдельным вниманием и интересом).* Чем могу быть полезен?

Грушкин. Вы знаете, я назначил встречу с Вами, чтобы поговорить о моей дальнейшей карьере.

Декан. Отлично. Давайте поговорим.

Грушкин. Понимаете, профессор Брайдотти, я бы хотел обсудить возможность моего перехода на постоянную работу. Или хотя бы на работу с перспективой на постоянную.

Декан. Одну минуточку. Позвольте мне посмотреть Ваш файл (*снимает трубку телефона*). Барбара, будьте любезны, принесите мне файл господина Грушкина. (*Грушкину*). Хотите попить что-нибудь? Чай, кофе, прохладительные напитки?

Грушкин. О, нет, спасибо, я в полном порядке.

Входит Барбара с тоненькой папкой в одной руке и гигантским бутербродом в другой.

Декан. Спасибо, Барбара. Извините, что оторвал Вас от Вашего ланча.

Барбара. О, без проблем, без проблем (*уходит*).

Декан. Так... позвольте взглянуть... Грушкин, Евгений. Рост... Вес... Цвет глаз... Адрес... Телефон... Так... Дата рождения... Место рождения... Ха, интересно: Ленинград, СССР. Я читал, что Ленинграда больше нет, так ведь? Как теперь – Санкт-Петербург?

Грушкин. Совершенно верно! Санкт-Петербург.

Декан. Да, извините, Санкт-Петербург. Так... учился... учился... учился... закончил школу. Отлично! Так... Учился... учился... учился... Закончил институт... в Москве... Замечательно! Московский Литературный Институт... А Москву, кстати, не переименовали?

Грушкин. Нет, нет. Пока, во всяком случае, не переименовали (*приветливо улыбается*).

Декан (*смеется*). Да уж все может быть! Нам по телевизору такие ужасы о России рассказывают – но я, конечно же, не верю. Пугают нас русскими – а я вот сижу с русским в своем кабинете и – знаете что? – совершенно Вас не боюсь! (*Весело смеется*). Вы же меня тоже не боитесь, не так ли?

Грушкин (*приветливо*). Совсем не боюсь, совсем!

Декан. Ну вот видите! (*Доверительно*). Это все

средства массовой информации. Но мы... (*заглядывает в файл*), Евгений, мы же с Вами интеллигенция, мы должны быть выше этого. Так... Преподаете Вы у нас три года, контракт временный, потенциально возобновляемый... Так... Студенческие отзывы... Ага... Ну, в общем, ничего... (*Смеется, увидев что-то в файле, читает вслух.*) Ну, этого не может быть! Поступила жалоба, что Ваш английский иногда трудно понимать, потому что Вы говорите с сильным русским акцентом. Ерунда, конечно же. У Вас отличный английский, я Вас прекрасно понимаю. Хотя я, увы, не говорю по-русски. Знаю испанский немного. Пор фавор. Абло эспаньол. Дондэ эста эль ресторанте? (*Смеется.*) Но русский, наверное, очень трудный язык.

Грушкин (*весело-приветливо*). Я уверен, что Вы могли бы его освоить. Конечно, надо много и упорно работать.

Декан. Да, да... хотя я кое-что знаю по-русски: Бурйя мэгэлою нйебо кройет (*радостно, по-детски смеется*). Это ведь Пучкин, да?

Грушкин (*тоже радостно смеется*). Совершенно верно! Пушкин.

Декан. Извините, Пушкин, конечно. Извините. Знаете, у меня был друг в аспирантуре, он изучал русскую поэзию. Россия – страна великой культуры, не так ли?

Грушкин. Совершенно верно! Вот поэтому я и хотел бы с Вами поговорить о возможности моего перехода на более ... э-э-э... стабильное положение, понимаете?

Декан. Конечно, конечно. Так... Количество студентов, записавшихся на Ваши курсы... Хм-м-м... Первый год 7, второй 5, в этом году два человека. Трагедии нет, конечно, но показатель этот мог бы быть и лучше...

Грушкин (*оправдываясь*). Понимаете, я преподаю русскую литературу и далеко не все студенты-мамбафакервильцы знают о важности этого предмета.

Декан (*с пониманием*). Конечно, конечно. Россия – страна великой культуры. А многие студенты нашего университета никогда не слышали об этой великой стране, о ее великой культуре. Ну откуда простой мамбафакервильский парень или девчонка могут знать о Пучкине?.. То есть о

Пушкине, извините.

Грушкин (радостно). Конечно же! Я очень рад, что Вы меня понимаете, профессор Брайдотти!

Декан. Чарльз, зовите меня просто Чарльз. Но Вы, Евгений, тоже должны нас понять. Вот у меня только что была важная встреча с проректором по финансовым вопросам. Ситуация на факультете непростая. Так, количество студентов, записавшихся на наши курсы, снизилось на 16 процентов по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Количество записавшихся, но не закончивших курс, увеличилось на 27 процентов! На 27! Это совершенно неприемлемо, совершенно.

Грушкин. Но что же делать? Нельзя же в таком солидном университете, как Мамбафакервильский, не преподавать русскую литературу!

Декан. Ну что Вы, что Вы! Речь идет о том, чтобы сделать Ваши курсы более интересными, более привлекательными для студентов. Вот я вижу, что Вы в этом семестре преподаете краткий курс по истории русской поэзии. Я уверен, что это интересный, замечательный предмет. Но как нам сделать его еще более интересным, еще более замечательным? Вот, например: Вы используете видеоматериалы в своих лекциях?

Грушкин. Вы знаете, пока нет... Но мои студенты очень много читают.

Декан. Вы можете оценить в цифрах количество прочитанного материала?

Грушкин. Ну... порядка 120 поэтических единиц...

Декан. Это, пожалуй, многовато. Я думаю, пять-шесть стихотворений будет достаточно. Не надо перегружать студентов.

Грушкин (оторопело). Но у меня же целый курс русской поэзии... Пять, шесть – это очень мало...

Декан (небрежно). Ну, можно семь-восемь единиц, это не принципиально. Может быть девять – ну уж никак не больше. Но это не главное. Надо заинтересовать студентов, понимаете? Сделать Ваш курс более привлекательным. Почему бы Вам не назвать его как-нибудь по-другому, не добавить чего-то личного? Ну вот например – Краткая Ис-

тория Русской Поэзии: От Пушкина до Грушкина. Пусть Ваше имя будет упомянуто, студенты заинтересуются, придут на первое занятие – а Вы им в качестве поощрения подарок сделаете, сборник своих стихов подарите. У Вас тут в Вашем файле бумага имеется, что Вы стихи пишете, это ведь правда, не так ли?

Грушкин (несколько ошеломленно). Пишу...

Декан (уверенно-радостно). Ну вот и подарите! С автографом. Им будет приятно, а у Вас показатели улучшатся.

Грушкин (совсем подавленно). Отличная идея, отличная идея! Но... у меня другие показатели совсем неплохие. У меня вот, как Вы правильно заметили, сборник стихов вышел недавно...

Декан. Отлично! Поздравляю! У нас, кстати, многие сотрудники факультета культурой и искусством увлекаются. Некоторые коллеги занимаются музыкой, участвуют в самодеятельности; есть интересующиеся живописью, фотографией, скульптурой, танцами народов мира. А некоторые посещают кружок мягкой игрушки.

Грушкин. Конечно, конечно. Я с большим уважением отношусь к своим коллегам. Для меня вообще большая честь быть сотрудником Мамбафакервильского университета. Вот именно поэтому я и хотел бы поговорить с Вами о моем будущем, о моем положении в университете...

Декан. Отличная идея! Давайте поговорим.

Грушкин. Ну вот, что касается моих показателей... Мою заявку недавно приняли на международный конгресс в Греции. Буду выступать с докладом.

Декан. Замечательно! Поздравляю! Когда уезжаете?

Грушкин. Через пару дней... Вот я поэтому и хотел с Вами... Чарльз... до отъезда поговорить...

Декан. Конечно, конечно, давайте поговорим. А о чем у Вас доклад?

Грушкин. О современных тенденциях в развитии поэзии Санкт-Петербурга.

Декан. Очень интересно! Вот, кстати, еще одно предложение. В России ведь сейчас неспокойно, не так ли? Я слышал по телевизору о новом освободительном движе-

нии в Вашем городе – об-ласт-ну-ки? Я правильно произношу?

Грушкин. Да, правильно. Областнюки. Но, Вы знаете, их статус не совсем понятен... Некоторые считают их террористами...

Декан (*укоризненно*). Ну как же не совсем? Они борются за свободу, за независимость, что вполне понятно. Тут о них была одна очень интересная передача. Это освободительное движение против оккупации, против петербургских захватчиков. В этой передаче, например, говорили, что на оккупированных территориях даже картофель перестал расти, и что все картофельные угодья отданы под тренировочные базы городской футбольной команды. Дженит, правильно?

Грушкин. Совершенно верно. Зенит.

Декан. Извините, пожалуйста. Зенит. Вот было бы интересно, я думаю, предложить нашим студентам краткий курс поэзии областнюков. Вы ведь можете такой курс подготовить?

Грушкин (*растерянно*). Конечно, конечно могу, конечно... (*Что-то приходит ему в голову, говорит с энтузиазмом.*) Я именно это и хотел предложить! Понимаете, вот Пушкин, например – он ведь тоже из области!

Декан (*с интересом*). Не может быть!

Грушкин. Ну конечно! Он жил и учился в маленькой деревне под названием Царское Село, ныне деревня Пушкин. И уже с ранних лет в его поэзии звучали нотки протеста против оккупации. Он был уверен, что придет час свободы и даже написал однажды: Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья! Понимаете? Пушкин – первый русский областнюк!

Декан (*радостно*). Ну, вот видите! Я всегда смотрю на вещи позитивно и стараюсь не упустить возможность, когда она появляется.

Грушкин (*продолжая с энтузиазмом*). А Вы знаете? Пушкин ведь еще и чернокожий был. Хотя бы частично.

Декан (*с восторгом*). Замечательно! Просто замечательно. Я уверен, что Ваш курс привлечет большое вни-

мание нашей афроамериканской группы студентов (*задумывается*). Я полагаю, Вы могли бы даже подумать о совместном курсе с кафедрой афроамериканских исследований... У них очень много студентов, очень. У них вообще проблем нет...

Грушкин. Отличная идея! Я был бы очень рад.

Декан (*задумчиво*). Скажите, а Пушкин не был гомосексуалистом?

Грушкин. Насколько ученым известно, нет. Пушкин был женат. На женщине. И у них были дети.

Декан. Ну, это могло быть для прикрытия. В России ведь всегда преследовали представителей сексуальных меньшинств, не так ли? Впрочем, областнюк и чернокожий – должно быть достаточно для привлечения необходимого числа студентов. Поговорите с коллегами, и, надеюсь, в следующем семестре у нас будет новый курс. Давайте так и назовем его: “Звезда Пленительного Счастья: Поэзия Чернокожих Областнюков.”

Грушкин. Замечательная идея! Конечно, я все подготавливаю. Вы знаете, я бы еще хотел обсудить возможность моего перехода на постоянную работу. Или хотя бы на работу с перспективой на постоянную...

Входит секретарша с бутербродом в руке.

Секретарша. Извините, Чарльз, у Вас следующий посетитель.

Декан. Спасибо, Барбара, спасибо. (*Встает из-за стола, Грушкину.*) Конечно, конечно. Обязательно поговорим. Давайте посмотрим, как идут дела с новым курсом, и потом поговорим. Договорились? И, пожалуйста, дайте мне знать, если Вам нужна какая-нибудь помощь.

Грушкин. Отлично! Спасибо большое за проведенную встречу.

Декан. Было приятно поговорить с Вами. Желаю Вам успешного выступления на конгрессе! Бурья мэгэлоу нйебо кройет! (*Оба весело смеются.*)

Занавес

Сцена 5

Маленький, неприбранный кабинет Грушкина. Бумаги хаотически разбросаны по полу, по столу; шкаф забит книгами. На стене фотография Бродского с сигаретой в руке. Входит Грушкин. Плотнo закрывает за собой дверь, устало опускается на стул. Некоторое время сидит молча. Достает из кармана пачку сигарет, смотрит на нее, убирает обратно в карман.

Грушкин. Краткий курс поэзии чернокожих областняков... Преподаватель – Евгений Дрючкин... О, Господи... Господи Боже мой!.. *(Некоторое время сидит без движения, потом хватает ручку, помятый листок бумаги, пишет, читая вслух.)*

Заходит солнце в Мамбафакервиле,
Душа пустеет, светел небосвод,
А я один, совсем один...

... Черт, что же рифмуется на “Мамбафакервиле”? Билли? Вилли? Нет, не то... Мили... мили... А я один, на много, много мили. Нет, так нельзя. На многие мили. Не лезет, черт. Что ж еще-то рифмуется? Ну и городишко – даже рифмы на него хорошей нет... Разве что “в сортире”? А я один, совсем один в сортире... О, Господи... *(Рвет бумагу, кидает ее прямо на пол... Некоторое время сидит молча, потом замечает мигающую лампочку автоответчика, нажимает на кнопку.)*

Голос Деби из автоответчика. Евгений, Вы как всегда угадали: Сейчас утро. Доброе утро! Голос, который Вы слышите, принадлежит Деборе, которой, в свою очередь, принадлежат Флафик и Пуфик, Вами кормленные. *(Грушкин вскакивает со стула, радостно хватая трубку.)* Помните? Так вот, Евгений, я уезжаю, а моя подруга и соседка Мэри-Энн Сикспакулос будет их кормить *(Грушкин огорченно бросает телефон, садится обратно на стул)* – я решила не отрывать Вас в этот раз от стихописания – я знаю, как это важно, и подруга моя тоже это знает, а телефон у нее вот такой: 555-9453. Вот... Ну а я уезжаю изучать руины. До встречи, Евгений... 555-9453. Мэри-Энн.

А я Деби.

Грушкин. Какие еще руины? Какая еще Мэри-Энн? Совсем с ума сошла Дебора...

Начинается следующее сообщение.

Голос Крестоносцева на заднем плане. ...Тоже мне, придумал. Мог бы просто сказать: "Это Женя. Перезвоните позже." Вечно эти гуманитарии выпендриваются.

Грушкин в явном удивлении смотрит на автоответчик.

Голос Олеса. Женечка, дорогой, здравствуй. Это Олесик. (*Грушкин – говорит устало, вместе с автоответчиком:* О, Господи, опять ты? Прилип, как банный лист, право...) Как ты поживаешь? А меня вот в Петербург занесло, на нашу с тобой историческую родину, можно сказать. И познакомился я тут, Женечка, с поклонницей твоего неувядающего таланта, Екатериной Львовной Крестоносцевой. Она тебе позвонит, как-нибудь, согласен? Знаю, что согласен, знаю. Обнимаю тебя.

Грушкин (*выключает автоответчик*). Да... хомячков увели, халтура накрылась, остались одни чернокожие областнюки и русские поклонницы. Полный успех... (*опять хватает ручку, бумагу, пытается писать*).

Мой старый добрый Мамбафакервиль!

Люблю тебя – скрывать того не стану!

На много, много... много... э-э-э... очень много? Да, очень много...

На много, много, очень много миль

Ты дом мой, ты – надежное пристанье...

Пристанье... пристанье... есть такое слово или нет? Господи... Вроде звучит ничего. А может это я сам придумал? Где там словарь (*открывает толстый словарь, смотрит*). Хм-м-м. Пристанище есть, пристань тоже есть. Пристанье. Почему же пристанья-то нет? Звучит неплохо... Неологизм. Да, это будет грушкинский неологизм. Имею право. А что: Бродскому можно – а мне нельзя? Я же тоже поэт, как-никак. Американский поэт Дрючкин... (*Комкает листок бумаги, кидает на пол*.) А потом какой-нибудь кри-

тик скажет: выпендривается, мол, американец долбаный. Как вот кто-то там на автоответчик наговорил: “Вечно эти гуманитарии выпендриваются.” А попробуй тут не выпендривайся – вмиг сожрут. Со всеми моими исконно русскими потрохами. Как приехал сюда – все одно и то же твердят: “Надо быть особенным, в Америке индивидуальность ценят. Вы – русский поэт, это так интересно!” Безумно интересно... Денег ни хрена нет, работа временная. Теперь вот Пушкина как главного областнюка изучать будем. Да... А другие поучают: “В Америке любят, чтобы в коллектив вписывался. *Team player* это у них называется”. Мол, не выделяйся, будь как все. А как все? Как все-то? Стихи у них все пишут, что ли? Или, может быть, мне в кружок мягкой игрушки записаться? Как все, как все... Они тут дома, в Америке, а у меня, вон, виза через полгода истекает. Виза рабочая – а что это значит? А то: есть кому рассказывать про чернокожих русских поэтов – есть работа, а значит, и виза есть. А не изволят наши мамбафакервильские парни и девчата о *Пучкине* знать, так и скатертью дорога, обратно в свой родной *Санкт-Петроград*. А там – работа в издательстве, если обратно возьмут, конечно. На целых 300 долларов в месяц... Это сколько же мне лет на собственную квартиру копить?.. Нет уж, нет, пусть уж лучше Александр Сергеевич помучается, царство ему небесное... (*Хватает ручку, бумагу, пишет.*)

В Огайском небе звездочки белеют,
Иду-бреду пустой дорогой я,
И мысли теплые пускай меня согреют,
О том, что здесь уж Родина моя...

... Жениться бы хоть на ком из местных, туземных красавиц. Ну можно и не красавиц... Хоть бы с визой вопрос отпал. И то не получается. Сколько я за этой парикмахершей бегал, стихи ей, дурак, читал, за котом ухаживать обещал, а это дура заладила одно и то же: “Юджин, I really like you, but I am not ready yet.” Зато я рэди, еще как рэди. И служба иммиграционная тоже рэди мне пинок под зад дать. А она мне, видите ли: “It’s not **you**, it’s **me**” Ну а мне-то что? У нее все в порядке, паспорт американский, никто через

полгода не вышлет. А я тут... Э-э-э-х (*снова берет ручку*).

Любовь над Мамбафакервилем веет (или реет? Нет, веет, пожалуй),

В душе моей весенний ветерок,...

... Да уж, осенью особенно... Идиот (*выбрасывает бумагу на пол, некоторое время сидит молча, потом вспоминает что-то, опять включает автоответчик*).

Голос Деби. Так вот, Евгений, я уезжаю, а моя подруга и соседка Мэри-Энн Сикспакулос будет их кормить – я решила не отрывать Вас в этот раз от стихописания – я знаю, как это важно, и подруга моя тоже это знает, а телефон у нее вот такой: 555-9453. Вот... Ну а я уезжаю изучать руины. До встречи, Евгений... 555-9453. Мэри-Энн.

Грушкин записывает телефон на бумажке, некоторое время сидит молча, потом со словами: “Ну что ж, Мэри-Энн так Мэри-Энн, как говорится... терять нам нечего...” набирает номер.

Занавес

Акт II

Сцена I

Джо и Мэри-Энн Сикспакулосы в автомобиле. Едут молча, Джо иногда раздраженно сигналил. Останавливаются перед светофором.

Мэри-Энн. У светофора налево.

Джо. Направо, Мэри-Энн, направо. Я знаю.

Мэри-Энн. Я говорю тебе налево, значит налево.

Идиот.

Джо. Слушай, перестань обзывать! Я тебе ничего плохого не сделал. Я уверен, что здесь надо повернуть направо.

Мэри-Энн. Поворачивай куда хочешь. А ты все равно идиот. Раковину починить не может, новую сам купить не может, жена его, видите ли, сопровождать должна. Кто ты, если не идиот?

Машина трогается и поворачивает направо. Некоторое время едут молча. Потом останавливаются, поскольку понятно, что приехали не туда.

Джо. Тут явно что-то с дорогой не то...

Мэри-Энн (со злостью). Это с тобой что-то не то. Явно. Я тебе говорила налево повернуть... Идиот греческий.

Джо. Ну при чем тут греческий, Мэрюсик? Ну при чем тут это? Ну повернул не туда, ну с кем не бывает... Сейчас, сейчас, найдем мы этот магазин.

Машина разворачивается, но через некоторое время становится ясно, что опять не туда.

Джо. Так... Значит... Можно прямо, но можно и налево... Так...

Мэри-Энн (с ненавистью). Слушай, если ты правда такой невысказанный идиот, включил бы навигатор, не корчил бы из себя знатока города!

Джо (нехотя). Ну можно и навигатор, конечно, хотя я прекрасно знаю, как доехать. Но если ты хочешь...

Достаёт навигатор, включает его, в это время раздаётся звонок по телефону Мэри-Энн.

Мэри-Энн (раздраженно). Але?

Грушкин (говорит небрежно-учтиво). Добрый день. Вас беспокоит Евгений Грушкин. Могу я поговорить с Мэри-Энн?

Мэри-Энн. Кто говорит? Я не поняла.

Грушкин. Грушкин. Евгений. Мне Ваш телефон дала Дебора, гордая владелица Флафика и Пуфика.

Мэри-Энн (растерянно). О, да, да, конечно... Флафик, Пуфик. Да, да... А Дебора уехала, Вы знаете, она в руинах, в развалинах то есть. А ее мальчики со мной...

Включается навигатор, который, как выясняется, настроен на греческий язык.

Навигатор. Me tin proti efkeria, kante anastrofi!

Мэри-Энн (шепотом, с ненавистью, к Джо). Выключи, сволочь!

Джо. Мэрюсик, но ты же сама...

Мэри-Энн. ВЫКЛЮЧИ!!! (Джо выключает звук.)

Грушкин. Мне кажется, что я слышал греческую

речь. В свое время, в гимназии, я тоже изучал греческий и латынь. Вы говорите по-гречески?

Мэри-Энн. ...Нет... то есть да... то есть иногда... бывает... Так, учу... когда за рулем, (*к Джо шепотом*) включи звук!!!

Джо (*растерянно*). Мэрюсенька, но ты же только что...

Мэри-Энн лунит мужа кулаком по плечу; Джо включает звук.

Навигатор (*угрожающе*). Me tin proti efkeria, kante anastrofi!

Грушкин. Вам навигатор уже два раза сказал, чтобы Вы развернулись при первой возможности, а Вы его не слушаете... Вы, наверное, женщина независимая и свободная, не так ли?

Мэри-Энн. Ну да... в общем-то да...

Джо. Сделать погромче?

Грушкин. Вы не одна? Может быть позвонить попозже?

Мэри-Энн. Нет, нет, все в порядке... Так... радио.

Джо. Энюсик, ты хочешь, чтобы я включил радио?

Грушкин. Как поживают мои маленькие друзья? Я, признаться, весьма соскучился по ним!

Мэри-Энн. О, они в порядке, они в порядке... а как Вы?

Навигатор. Se ekato metra tha iste se adhiexsodho.

Грушкин. О, у меня все в порядке, все в порядке. А как Вы?

Джо, после некоторых колебаний, включает радио.

Радио. ... Вы получаете второй ящик патронов совершенно бесплатно! Да, это так: совершенно бесплатно! Вы покупаете ОДИН пулемет и получаете ДВА ящика патронов!

Мэри-Энн. О, у меня все в порядке, все в порядке...

Грушкин. Отлично!.. Отлично... Э-э-э... Ну а как они едят?

Навигатор. Se ekato metra tha iste se adhiexsodho.

Джо. Ничего не понимаю... Se ekato metra tha iste...
Налево, что ли?..

Мэри-Энн. Кто, простите?

Радио. Члены конгресса США на следующей неделе проведут голосование по вопросу о финансовой поддержке новому освободительному движению в России.

Грушкин. Ну, мальчики наши. Флафик и Пуфик. Верные друзья.

Мэри-Энн. А!.. Извините. Ну, морковочку, капустку. О, они в порядке, в полном порядке...

Джо (шепотом). Мэрюсенька, здесь налево или направо? Я забыл, что такое *se adhieksodho*...

Навигатор (с угрозой). *Se ekato metra tha iste se adhieksodho!*

Грушкин. Отлично, отлично... Я Вас, наверное, отвлекаю: Вам навигатор говорит, что через сто метров Вы окажитесь в тупике.

Радио. И вкратце о ситуации на дорогах. На дорогах Мамбафакервиля и области значительные пробки...

Мэри-Энн выключает радио.

Мэри-Энн. О нет, нет, все в порядке, все в порядке...

Грушкин. Может быть, мы встретимся – скажем, завтра – перекусим вместе. Поупражняемся в греческом языке, если хотите... Обсудим наших любимцев. И вообще... Я уверен, у нас найдется, о чем поговорить! Может быть, в час дня, в греческом ресторанчике на Мэйн стрит? Знаете такой?

Навигатор (радостно). *Ehete ftasi ston proorismo sas!*

Грушкин. ... тем более, что Вы уже прибыли по месту назначения и можете спокойно принимать решение. Ну что, симфоните? Согласны?

Мэри-Энн (выключая одной рукой навигатор). Да, да, конечно, конечно... в час дня... Мэйн стрит. До завтра (*вешает трубку*).

Джо (останавливает машину). Вот видишь, Мэри-Энн, я говорил тебе, что найду этот магазин!

Мэри-Энн (рассеянно.) Молодец, молодец...

Джо (воодушевленный неожиданной похвалой). Да чего уж там! Я ж тебе говорил, что знаю наш Мамбафакер-

виль как свои пять пальцев! Со мной не пропадешь, Мэри-Энн, со мной не пропадешь!.. (*Сурово, голосом хозяина.*) А ты, кстати, с кем там любезничала, а? Куда это ты собралась завтра, а? А Флафики-Пуфики тут причем, а?

Мэри-Энн (*все еще рассеянно*). Да... это... это... ну, к врачу я их веду. К ветеринару. Специалист по хомякам он... Хомяколог.

Джо. И от чего ты их лечить собираешься? От **этого самого**, что ли? Так от **этого самого** лечения нет, это я точно знаю. Вон, в Древней Греции, я читал, **это самое** ой как развито было! Каждый второй **этот самый был**, ей-Богу! А может и каждый первый. Греки вообще народ интересный – вот, скажем, дед мой, когда в Америку приехал...

Мэри-Энн (*приходит в себя*). Заткнись.

Джо (*потеряв уверенность*). ... Мэрюсик... ну почему заткнись... Ну что, нельзя про **это самое** поговорить, что ли?..

Мэри-Энн. Ты зачем, гад, навигатор на греческий язык настроил, а? Я тебе сколько раз говорила: не будешь ты свой греческий поганый учить, не будешь! (*Начинает лупить мужа, с криками выталкивая его из машины.*)

Занавес

Сцена 2

Квартира Крестonosцева. Лев Моисеевич, как обычно, читает что-то в интернете. Дверь открывается, бегают возбужденная Катя.

Катя. Папочка, извини, я задержалась. Ходила в турбюро на Исаакиевской; представляешь – действительно все готово! Паспорт, виза, все, все, все. И об Олесе Ягуаровиче, кстати, все отзывались с большим уважением.

Крестonosцев (*солидно*). Я, Катюша, молодежь не только физике учил, но и жизни. Вот так вот. А ты, кстати, знаешь, что Санторини – это небольшая группа островов вулканического происхождения в виде кольца в Эгейском море? Входит в архипелаг Киклады. Главный остров – Тера (иначе – Тира, Фера, Фира), также называемый по имени

всей группы островов – Санторини...

Катя (смеясь). ... Площадь его составляет 76 квадратных километров, протяженность береговой линии – 70 километров. Также в группу входят острова: Тирассия, Палеа-Камени и Неа-Камени... Знаю, знаю, тоже читать умею! Ты мне лучше скажи: ты ел?

Крестonosцев. Ел, ел... А ты знаешь, что древнейшее население Санторини, которое появилось здесь около 3000 года до нашей эры, было догреческим. Присутствие влияния Минойского Крита было установлено при раскопках на Акротири, когда из-под мощного слоя вулканического пепла появилось целое селение двух-трехэтажных домов, украшенных фресками, которые напоминают настенную живопись минойских дворцов...

Катя. ... В этот период остров, должно быть, назывался Стронгила (Круглый) по причине своей формы, поскольку вулкан в то время еще не начал свое разрушительное действие... А лекарство ты принимал?

Крестonosцев. Однако около 1627 года до нашей эры произошло событие, решительным образом изменившее историю древнего мира. Речь идет о страшном извержении вулкана, который находился в центре острова... Принимал, принимал... Да зачем мне твое лекарство? Никакого толку, все равно. А вот знаешь, что от этого вулкана было? Ого-го-го! Такой эффектик, закачаешься...

Катя. ... В результате извержения громадная волна, высота которой достигала предположительно от 100 до 200 метров, обрушилась на северное побережье Крита. Последствием цунами стал закат минойской цивилизации...

Крестonosцев. Катастрофу довершили сильные землетрясения и выброшенный на значительное расстояние вулканический пепел.

Крестonosцев и Катя вместе. Существуют научные исследования, пытающиеся доказать, что затонувший остров был так долго искомой Атлантидой!

Катя (счастливо). Представляешь, папочка, я лечу на Атлантиду!

Крестonosцев. А еще на Санторини – самый красивый в мире закат. Вот прочитал: “На острове Санторини

самый красивый в мире закат. Именно это и привлекает сюда влюбленных.” Во как. Остров влюбленных. Надо же... Наверное, на Крым похоже. Я с твоей матерью, между прочим, в Крыму познакомился...

Катя. Папа, ты должен мне обещать: а) что будешь есть три раза в день, б) что будешь принимать свое лекарство два раза в день, и в) что не будешь целый день сидеть за компьютером.

Крестоносцев. Я, между прочим, не просто так сижу. Я, между прочим, жду приглашения на конференцию. По электронной почте должно прийти.

Катя (*встревоженно*). Папочка, ты боишься, что эфэсбэшники приглашение перехватили?

Крестоносцев (*несколько растерянно*). Ну не знаю, не знаю... не думаю. У меня машина хорошая, так просто не перехватишь. Я в этом все-таки кое-что понимаю!.. О, надо же, смотри, чего пишут: “Количество туристов, желающих полюбоваться закатом на Санторини, так велико, что городские власти приватизировали это зрелище в целях развития местного бизнеса. Владелец заката – американская фирма SUNSET ON SANTORINI, Ltd (SOS Ltd) – установила в этом сезоне следующие расценки: просмотр заката стоит десять евро с человека, просмотр заката с гидом – двадцать пять, просмотр заката, сопровождаемый обедом, – пятьдесят (алкоголь не включен).” Странно: почему алкоголь не включен? Катюша, как ты думаешь, почему алкоголь не включен? Катюша, ты где?

Входит Катя, которая уходила в свою комнату, чтобы одеть только что купленное платье.

Катя. Тебе нравится?

Крестоносцев. Что нравится?

Катя. Я платье купила. Для конференции. Нравится?

Крестоносцев. А-а-а. Ну что – хорошее платье. Модное. А почему без оборочек?

Катя. Ой, папа, ты ничего не понимаешь. Какие там оборочки (*уходит к себе в комнату*).

Крестоносцев некоторое время сидит молча, потом открывает шкаф, что-то там долго ищет; наконец-

то достает легкий шелковый платок.

Крестоносцев. Катерина! Катя! Иди сюда!

Входит Катя.

Катя. Что, папа, ты звал?

Крестоносцев. Вот, возьми. Для конференции.

Катя. Это мамин?

Крестоносцев. Мамин, мамин. Она в нем была, когда мы с ней познакомились. В Крыму. Я тебе говорил, что мы в Крыму познакомились?

Катя (*обнимая отца*). Папочка, я тебе каждый день звонить буду, честное слово! Я по тебе уже скучаю. И я обязательно – обязательно! – привезу тебе новые брюки!

Занавес

Сцена 3

Мамбафакервиль, греческий ресторан на Мэйн стрит. Грушкин за столиком, нервно поглядывает на часы.

Грушкин. Куда ж она делась, черт бы ее подрал? Тоже мне, пунктуальные американцы... А может, я ее спугнул чем? Да вроде нет. Говорил вроде вежливо, с уважением, как они любят. Общие интересы подчеркнул: хомячки, мол, язык греческий... Все как в пособии для холостяков сказано (*достает из кармана потрепанную книжку*). Так... Вот, тут так и сказано: “Уважайте своего потенциального партнера. Старайтесь идентифицировать спектр общих интересов.” Да нет, вроде бы все правильно...

Входит Мэри-Энн с клеткой в руках. В клетке притихли размякшие от любви Флафик и Пуфик. Мэри-Энн несколько растерянно оглядывается по сторонам. Грушкин замечает ее первым.

Грушкин. Эта, что ли? О, Господи... А мальчиков-то этих зачем притащила? Или у них тут принято на свидание домашних животных брать? Следующий раз небось с аквариумом придет... Нет, не понять нам другие культуры. Ну ладно. Терять нам нечего (*изобразив на лице радостную улыбку довольного идиота, направляется к Мэри-Энн*). Здравствуйте! Я – Евгений. А Вы, наверное, Мэри-Энн? Я узнал Вас по хомячкам.

Мэри-Энн. Здравствуйте... Да, да, по хомячкам, да... Вы знаете, я их для этого и принесла – чтобы Вы меня узнали. Как Ваши дела?

Грушкин. Отлично, отлично. Я рад, что Вы смогли прийти. А как Ваши дела?

Мэри-Энн. О, спасибо, спасибо. У меня все хорошо.

Грушкин. Я сижу вот за тем столиком. Могу я помочь Вам нести клетку?

Мэри-Энн. О, спасибо, спасибо. Я в полном порядке (*садятся за столик, ставя клетку на пол*).

Грушкин. Как они поживают? У них все в порядке?

Мэри-Энн. О, спасибо, спасибо, они в полном порядке.

Грушкин. Отлично, отлично. Они очень милы.

Мэри-Энн. Да, очень милы. Очень милы. Да.

Подходит официантка.

Официантка. Что бы Вы хотели выпить?

Мэри-Энн. Воды, пожалуйста.

Грушкин. Э-э-э... Эхете имигликос?

Официантка. Извините, что Вы сказали?

Грушкин. О-о-о... Вы не говорите по-гречески? Я думал, это греческий ресторан.

Официантка. Да, это греческий ресторан. Но я не говорю по-гречески. Извините.

Грушкин. Никаких проблем. У вас есть имигликос?

Официантка. Я не уверена... Позвольте мне проверить в баре. Я сейчас же вернусь.

Мэри-Энн. Вы здорово говорите по-гречески.

Грушкин. Ну, я уверен, что Ваш греческий тоже неплох. Вам даже навигатор инструкции по-гречески дает.

Мэри-Энн. Да нет, это так... пробую. Я вообще-то в школе испанский учила. Я знаю испанский немного. Пор фавор. Абло эспаньол. Дондэ эста эль ресторанте? (*Смеется.*)

Подходит официантка с огромным стаканом воды.

Официантка. Очень сожалею, но у нас нет того, что Вы попросили. Я спросила в баре, они не знают. Может быть, Вы хотите пива? Бадвайзер, Миллер Лайт, Колт?

Мэри-Энн. Берите Бадвайзер, это хорошее пиво.

Грушкин. Отлично. Один Бадвайзер, пожалуйста.

Мэри-Энн. Очень приятное место. Очень приятное. Вы тут бывали раньше?

Грушкин. Нет, не бывал. Очень приятное место, очень приятное.

Некоторое время сидят молча, пока не раздается звонок по телефону Мэри-Энн.

Мэри-Энн. Извините... *(Говорит, прикрывая трубку рукой; Грушкин тем временем тайком достает из кармана книжку.)*

Мэри-Энн. Алло? *(Скрывая раздражение.)* Закручивают всегда по часовой стрелке. По-ча-со-вой. Понятно?

Грушкин *(читает книжку).* Так... значит так... “Не стройте из себя никого, будьте естественным.” Понял. Будем пить Бадвайзер. Так. “Оставьте свое плохое настроение, свои проблемы дома. Не приносите их на свидание.” Легко сказать. У меня дома места не хватит... “Искренне интересуйтесь ее жизнью, ее заботами.” Это можно, это я запросто. О чем она там болтает?

Мэри-Энн *(со скрытой злобой, шепотом).* Разводным гаечным ключом! Ключом, понимаешь? НЕ плоскогубцами. Понял? *(Вешает трубку.)*

Грушкин *(проникновенно).* Извините, я услышал, как Вы говорили о разводном гаечном ключе. Я Вас хорошо понимаю. Меня тоже очень интересует этот инструмент.

Официантка приносит кружку пива, ставит ее перед Грушкиным.

Официантка. Вы уже выбрали? Что бы вы хотели поесть?

Мэри-Энн. Я буду гамбургер с картофелем фри.

Грушкин. Я тоже. Гамбургер и картофель фри... Двойной гамбургер. И двойной картофель.

Официантка записывает заказ на бумажку, уходит.

Мэри-Энн. Извините, что я вмешалась насчет пива. Вы, наверное, хотели выпить водки? Вы ведь из России, не так ли?

Грушкин. Да, я был рожден в России, но теперь я

живу в Америке. В Мамбафакервиле.

Мэри-Энн. Интересно! Вам нравится Америка?

Грушкин. Отлично, отлично. Мне очень нравится. Очень.

Мэри-Энн. Хорошо, хорошо. Это хорошо... Вы скучаете по России?

Грушкин. О, иногда, иногда. Но мне тут нравится. Да. Нравится.

Мэри-Энн. Здорово, здорово... *(Звонит телефон.)* Извините... *(Говорит в трубку; Грушкин опять хватается за книжку.)*

Грушкин *(читает)*. “Если женщина чем-то обеспокоена во время свидания, что-то отвлекает ее внимание, постарайтесь понять, что это, и успокоить ее...” А хрен его знает, почему ее гаечный ключ так взволновал... “Можно привести пример из собственного опыта, который показывает, как Вы справились с подобной проблемой...” Хм-м-м... А какая проблема-то?

Мэри-Энн. Как это не лезет? Ты куда суешь? Куда суешь, я спрашиваю???

Грушкин *с недоумением смотрит на Мэри-Энн.* В это время начинается очередной сеанс любви между Флафиком и Пуфиком, сопровождаемый страстным попискиванием.

Мэри-Энн. Сифон вставляется в последнюю очередь, чтобы направить поток воды! *(Яростно вешает трубку.)* Извините.

Грушкин *(с пониманием)*. Вы знаете, у Вас, вероятно, не очень опытный водопроводчик.

Мэри-Энн. Да уж... Не очень.

Грушкин. Вот у меня был случай в жизни. Засорился у меня унитаз. И не просто засорился, а серьезно засорился. А водопроводчик был не опытный. Ну что было делать? Я взял специальное приспособление – вантуз называется – и прочистил унитаз! Вот такой вот случай был.

Мэри-Энн. Правда? Как интересно!

Официантка приносит две тарелки, ставит их на стол. Замечает деятельность Флафика и Пуфика, некоторое время неодобрительно наблюдает, затем уходит.

Мэри-Энн и Грушкин всячески делают вид, что не слышат сладостных попискиваний.

Мэри-Энн. Вам нравится Мамбафакервиль?

Грушкин. Отлично, отлично. Отличное место. Да. Отличное.

Мэри-Энн. Хорошо, это хорошо... Вы отлично говорите по-английски. Я все понимаю.

Грушкин. Спасибо, спасибо... Я Вас тоже понимаю.

Мэри-Энн. О, ну это мой родной язык... Я его еще в школе учила. А русский, наверно, очень трудный язык.

Грушкин (*весело-приветливо*). Я уверен, что Вы могли бы его освоить. Конечно, надо много и упорно работать.

Мэри-Энн. Отличный гамбургер. Вам нравится Ваш гамбургер?

Грушкин (*уплетая за обе щеки*). Отличный гамбургер! А Вам нравится?

Мэри-Энн. М-м-м! Замечательный гамбургер! И картофель отличный.

Грушкин. М-м-м! И у меня тоже отличный картофель!.. Это хорошо, что Вы пришли с хомячками. Я их очень люблю. Вы их любите?

Мэри-Энн. Они очень милы. Да, очень милы. Да.

Входит официантка, сопровождаемая директором ресторана и двумя полицейскими.

Полицейский 1. Извините, что прерываем Ваш прием пищи. Это Ваши домашние животные?

Мэри-Энн (*испуганно*). Вообще-то нет... Это Дебины. Но она уехала в штат Луизиана.

Полицейский 2. Под чьей юридической опекой в нашем штате в настоящий момент находятся эти домашние животные?

Мэри-Энн. Под моей...

Полицейский 1. Ваши документы, пожалуйста.

Грушкин. Я за ними тоже раньше ухаживал. Кормил их. А что, простите, происходит?

Полицейский 2. Эти домашние животные нарушают закон штата, поскольку занимаются эксплицитно эроти-

ческой деятельностью в общественном месте.

Полицейский 1. Без наличия на то соответствующей лицензии.

Директор ресторана. А у нас тут дети бывают, между прочим. У нас тут ресторан греческий, между прочим, а не притон какой-нибудь, между прочим.

Официантка (полицейским). Он вообще мне угрожал. Слова говорил, которые я не понимаю. У меня может быть психическая травма от недопонимания клиента.

Мэри-Энн. Извините, пожалуйста, мы сейчас же уйдем. Извините. Они просто не совсем здоровы. Но я их завтра же отведу к лучшему хомякологу города.

Полицейский 1. Мы можем ограничиться предупреждением, если Вы немедленно покинете помещение.

Грушкин. Простите, я гамбургер не доел. Можно мне с собой завернуть?

Мэри-Энн. Мы уходим, уходим (*хватает клетку, устремляется к выходу*).

Грушкин (следуя за ней). Мэри-Энн, я думаю, что мы обязательно должны встретиться еще раз. Мне было очень приятно провести с Вами время.

Мэри-Энн (рассеянно, на ходу). Да, да, мне тоже приятно. В другой раз, хорошо?

Грушкин. Вы знаете, я завтра улетаю на конференцию. В Европу. Может быть, мы могли бы перекусить в аэропорту перед моим вылетом? Там есть замечательный Макдоналдс!

Мэри-Энн. Правда? Хорошая идея. Я люблю Макдоналдс.

Грушкин. Замечательно! Завтра в час дня, в Макдоналдсе. Возьмем по гамбургеру, по картофелю, договорились?

Мэри-Энн. Договорились. До завтра. Бай-бай.

Грушкин. Бай-бай. Было приятно познакомиться.

Мэри-Энн уходит; Грушкин в задумчивости открывает книжку.

Грушкин (читает). “После первой встречи проведите анализ Ваших поступков и Ваших высказываний. Ответьте себе на вопросы: Что я сделал хорошо? Что я мог бы

сделать лучше?“ Что, что. Гамбургер не доел. Двойной причем. С двойным картофелем... А мог бы и доесть... Ну да ладно, хорошо хоть в тюрьму не сел. За возвращение малолетних хомяков и одновременное запугивание официантов в общественном месте. А что? С них станется... Да уж, с них станется... (*Уходит со сцены.*)

Занавес

Сцена 4

Салон самолета, совершающего чартерный рейс по маршруту Санкт-Петербург–Санторини. Самолет полон зенитовских болельщиков, одетых в бело-голубые футболки. Входит Катя, протискивается среди болельщиков, садится на свое место. Достает телефон.

Катя. Папочка, я в самолете. Все в порядке, да, да, успела. Мне скоро надо будет телефон выключить, но я тебе позвоню, как только мы приземлимся, хорошо? Что? Папочка, я знаю, что Санторини это греческий остров, я все знаю... Да, и что Греция это парламентская республика, тоже знаю... Хотя не знаю, зачем мне это надо знать. Нет, про странные увлечения мэра Санторини я не знаю, а это очень важно?... Господи, папа, ну где ты такие гадости выкопал? Перестань, пожалуйста. Все, целую тебя, я позвоню из Греции (*вешает трубку, открывает сборник стихов Грушкина. В салон вваливается Иван Курвалайнен, как обычно навеселе.*)

Курвалайнен. Извиняйте, барышня, припозднился. Моя койка у окошка (*протискивается через Катю к окну*). Ну, что, поехали? Давай, Зенитушка, давай! Не подведи! А Вы, барышня, наша, зенитовская? Или так, из сочувствующих?

Катя. Я Вам очень сочувствую, но я футболом не интересуюсь.

Курвалайнен (*с удивлением*). Как не интересуетесь? А в Санторину зачем едете?

У Кати звонит телефон.

Катя (*встревоженно*). Папочка, что случилось? Я уже почти что выключила телефон... Да, сосиски в моро-

зилке. Разморозь их сначала... Папа, ну какая мне разница, какие партии входят в греческий парламент?.. Хорошо, хорошо, не обижайся, пожалуйста. Я запомню. Целую.

Курвалайнен (*достает из-под свитера бутылку портвейна*). Барышня, давайте за победу. Сейчас я стаканчик организую, а то Вы интеллигентная...

Катя. Извините, но я не буду. И вообще в самолете нельзя. Непонятно, как Вас с этим пропустили (*пытается читать книгу*).

Курвалайнен отпивает прямо из бутылки, убирает ее обратно.

Курвалайнен (*таинственно*). Меня и не с этим пропускают, понятно? У нас в городе свои люди. Везде. Понятно? Каждый второй в городе теперь наш, областной. А скоро так и вообще все из области будут. Вот так вот... А познакомиться с Вами, барышня, можно, или Вы гордая?

Катя. Меня зовут Екатерина, но, извините, я бы хотела спокойно почитать.

Курвалайнен. Во, а я чего говорю – гордая. А я Ваня. И я не гордый. Ха-ха-ха.

Катя молча читает книгу, в то время как Курвалайнен периодически прикладывает к бутылке. Наконец ему опять становится скучно.

Курвалайнен. А Вы, барышня, что читаете? Что-нибудь умное? Просветите уж нас, коли не гордая.

Катя. Стихи читаю.

Курвалайнен. О как! А я тоже стихи знаю. “Я старею, я мервею, за Зенит всегда болею!” Нравится? Или гордая? А вот еще: “В небе звездочка горит – это питерский “Зенит!”

Один из болельщиков. Ребята, давайте нашу. А ну все вместе!

Хор болельщиков (*на мотив “И Ленин такой молодой!”*).

Сине-белый реет флаг
Наш противник – нам смертный враг.
Поднимается над миром
Флаг зенитовских атак!

И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди,
Зенит наш такой молодой,
Зенит наш всегда впереди!
Нам не страшен ни Реал,
Ни Спартак, ни Арсенал,
Всех замочим мы в сортире –
Так начальник нам сказал!
И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди,
Зенит наш такой молодой,
Зенит наш всегда впереди!

Голос пилота (теряется в воплях болельщиков).
Добрый день, дамы и господа! Добро пожаловать на борт самолета Российских Авиалиний, совершающий чартерный рейс по маршруту Санкт-Петербург–Санторини. Время в пути три часа сорок пять минут. Просим выключить ваши мобильные телефоны и застегнуть привязные ремни. Желаем вам приятного полета. Зенит чемпион!

Курвалайнен (счастливо). Зенит чемпион! Сине-бело-голубые! (Кате.) Слыхала, барышня? Наши, зенитовские, за рулем! Вперед, замочим Санторини! Замочим, барышня? Или гордая?

Катя (в ужасе закрывает уши). О, Господи... Три часа сорок пять минут... Три часа сорок пять минут...

Хор болельщиков.

Ноги есть, есть голова –
Будет кубок УЕФА,
Будут новые победы,
Будет полная лафа!
И вновь продолжается бой!
И сердцу тревожно в груди,
Зенит наш такой молодой,
Зенит наш всегда впереди!

Курвалайнен. "Зенит" – это я, "Зенит" – это мы,

"Зенит" – это лучшие люди страны!

Занавес

Сцена 5

Макдоналдс в аэропорту Мамбафакервиля. Грушкин и Мэри-Энн поглощают двойные гамбургеры с жареной картошкой, запивая кока-колой. На полу возле их столика – клетка с Флафиком и Пуфиком и чемодан Грушкина.

Грушкин. Скажите, Мэри-Энн, Вам нравится Ваш гамбургер?

Мэри-Энн. М-м-м... это отличный гамбургер, отличный. А Вам нравится?

Грушкин. М-м-м... это очень хороший гамбургер, очень хороший. И кока-кола хорошая.

Мэри-Энн. Да, кока-кола тоже хорошая. Мне кока-кола нравится больше пепси-колы. Никакого сравнения.

Грушкин. Никакого. Кока-кола значительно лучше пепси-колы.

Мэри-Энн. Ничего, что я пришла с хомяками?

Грушкин. О, никаких проблем, никаких проблем. Они очень милы, очень милы.

Мэри-Энн. Понимаете, просто у них сегодня утром опять началось... **Это самое.** И я решила отвести их в пункт первой помощи. Сегодня воскресенье и хомяколог не принимает.

Грушкин. Отличная идея! Не надо ждать. Вы пообедаете и пойдете в пункт первой помощи?

Мэри-Энн. Да, это недалеко отсюда, прямо по пути домой.

Объявление по громкоговорителю. Внимание! Заканчивается регистрация на рейс 253 авиакомпании Мамбафакервильские Орлы по маршруту Мамбафакервиль–Нью-Йорк. Повторяю: заканчивается регистрация...

Грушкин. Это мой рейс. Я был так увлечен своим гамбургером, что чуть не пропустил регистрацию!

Мэри-Энн. О, Вы летите в Нью-Йорк! Как интересно. Никогда не была в Нью-Йорке.

Грушкин. Да, прямого рейса между Мамбафакер-

вилем и Санторини нет. Пока нет. Поэтому сначала в Нью-Йорк, потом во Франкфурт.

Мэри-Энн. О, как интересно. Никогда не была во Франкфурте.

Грушкин. Да, а потом в Афины.

Мэри-Энн. О, как интересно. Никогда не была в Афинах.

Грушкин. А потом местным рейсом на Санторини. Вы когда-нибудь бывали на Санторини?

Мэри-Энн. Нет, я вообще в Англии не была. Пока что.

Грушкин. ... Извините, Мэри-Энн, я сейчас быстренько сбегая регистрируюсь, сдам багаж и обратно сюда. У меня еще картошечка осталась. И с Вами попрощаюсь, хорошо?

Мэри-Энн. Нет проблем, нет проблем, я поспежу за Вашей картошкой.

Грушкин хватает чемодан и убегает на регистрацию. Мэри-Энн потягивает кока-колу, не замечая, как у Флафика с Пуфиком опять началось это самое. В зале Макдоналдса появляются два полицейских, сопровождаемые директором Макдоналдса и группой обслуживающего персонала.

Полицейский 1. Извините, что прерываем Ваш прием пищи. Это Ваши домашние животные?

Мэри-Энн (испуганно). Вообще-то нет... Это Дебины. Но она уехала в штат Луизиана.

Полицейский 2. Под чьей юридической опекой в нашем штате в настоящий момент находятся эти домашние животные?

Мэри-Энн. Под моей... О, Господи... У них что, опять началось??? Я не заметила...

Полицейский 1. Ваши документы, пожалуйста.

Полицейский 2. Эти домашние животные нарушают закон штата, поскольку занимаются эксплицитно эротической деятельностью в общественном месте.

Полицейский 1. Без наличия на то соответствующей лицензии.

Директор ресторана. А у нас тут дети бывают,

между прочим. У нас тут ресторан быстрого – и полезного – питания, между прочим, а не притон какой-нибудь, между прочим.

Работник Макдоналдса (полицейским). А тут с ней еще один был, длинный такой, курчавый. Он как полицию увидел, чемодан схватил – и на самолет!

Полицейский 1 (говорит по рации). Да, точно. Мэри-Энн Сикспакулос. Так точно, два домашних животных семейства млекопитающих... Нет, одна... Сообщник, по видимому, скрылся... Вчера? Понял. Конец связи (*отключает рацию*). Мэри-Энн Сикспакулос: в соответствии с законодательством штата Огайо, Вы арестованы по подозрению в использовании домашних животных для растления общественных нравов. Вы проигнорировали предупреждение, данное Вам вчера и, таким образом, подлежите задержанию.

Полицейские опрокидывают Мэри-Энн на стол, одевают на нее наручники.

Мэри-Энн. Отпустите меня! Я не хотела! Я больше не буду! Они больше не будут! Пустите!

Полицейский 2. Вы имеете право хранить молчание. Все, что Вы скажете, может и будет использовано против Вас в суде. Вы имеете право на адвоката. Если Вы не можете позволить себе адвоката, он – или она – будут предоставлены Вам. Вы понимаете Ваши права?

Мэри-Энн. Отпустите меня! Я не специально! Они не специально! Они просто больны, не здоровы, это у всех бывает, даже у пингвинов! Пустите меня! Это все Деби виновата, Деби! Деби! Евгений, где Вы, черт бы Вас подрал! Пустите меня! Отпустите меня к мужу! Я хочу к мужу! К мужу!! К мужу!!!..

Полицейские утаскивают ее со сцены; народ расходится, на сцене остается только клетка с двумя попискивающими хомячками. Вбегает Грушкин.

Грушкин. Извините, Мэри-Энн, большая очередь... Мэри-Энн? Где Вы, Мэри-Энн? Черт, неужели ушла? Да нет, эти мальчики ее тут как тут, своим заняты... Или я что-то не так сделал? Надо проанализировать... (*Достает из кармана книжку, но в этот момент замечает направляю-*

щихся в его сторону полицейских.) О, Господи, этого мне еще не хватало... Куда ж мне их девать теперь... (Мечется в панике, не зная, что делать; в это время раздается объявление по радио аэропорта.)

Объявление. Внимание, внимание! Господин Эвджини Граушкин, господин Эвджини Граушкин, вылетающий рейсом в Нью-Йорк. Вас просят срочно пройти на посадку. Вы задерживаете отправление рейса. Повторяю...

Грушкин. О, Господи!.. Куда ж мне вас... *(Наконец-то хватает клетку, открывает ее, пытается растащить хомячков, которые, естественно, этим не довольны.)* Да ну хватит вам уже, хватит, я сказал. Вы же не хотите загромоздить в местную тюрягу; там с вами и не такое сделают... А может вы этого и хотите?.. *(Кряхтя от натуги.)* Да уж... Чем только не приходилось заниматься русским поэтам за рубежом... *(С трудом разъединяет хомячков, рассовывает их по карманам.)* Фу... Сидите смирно, а то не возьму вас на международный конгресс. Так и останетесь необразованными.

Ну что ж, вперед, на Санторини! Туда, где ждет нас успех и слава! Туда, где ждет нас цвет мировой интеллектуальной элиты!.. Туда, где солнце садится в усталое море!

Занавес

Окончание в следующем номере.

Алекс Манфиш

Переводы песен с иврита

В эту небольшую подборку переводов я включил произведения разных израильских авторов. Я перевожу, в основном, тексты, ставшие песенными, и здесь читатель найдет переложения очень известных вещей, созданных в первые десятилетия израильской государственности, в период становления. Все они относятся к тому, что принято называть «Ширей Эрец Исраэль» – «Песни Земли Израиля».

К каждому переводу я прилагаю две ссылки: первая – на текст оригинала, вторая – на один из вариантов песенного исполнения.

Родина моя (из песен любимой страны)

(слова – Лея Гольдберг, музыка – Дафна Эйлат)

[מילים לשיר מכורה שלי – לאה גולדברג – שירונט](#)
[מכורה שלי לאה גולדברג](#)

О краса земель, твои нивы бедны,
Без короны царь твой, без крова царица.
Лишь семь дней в году для весен даны,
А дождей, а туманов – сторицей.

Но семь дней – как звезды цветы горят,
Но семь дней – на листьях росы наряд,
И открыты окна и створы врат.
И улицы теми, кто беден, полны,
И тянутся лица их к свету весны,
И каждый твой страждущий рад.

О краса земель, твои нивы бедны,
Без короны царь твой, без крова царица.
Лишь семь дней в году для празднеств даны,

А лишений, а тягот – сторицей.

Но семь дней – свечей освященных ряд,
Но семь дней – застоля щедры стократ,
И открыты души, и светел град.
И бедные нежат молитвой сердца,
И сын твой, и дочь твоя – в блеске венца;
И бедному бедный – как брат.

О земля моя, ты горька и скудна,
Ни палат царю, ни короны царице.
Песнь любви к тебе звучит лишь одна,
А злорадных укоров – сторицей.

Так пойду же и в каждый твой сад загляну,
В уголков и проулков твоих тишину,
Чтобы все подобрать мне – и в песню одну
Павших стен твоих камушки сплавить.
И из града в град, из страны в страну
Понесу эту песню с собой – и струну,
Чтоб красу твою горькую славить.

Песня на эти стихи, очень известная и любимая в Израиле, создана в 1970-м году (в год смерти Леи Гольдберг). Образ страны отражает здесь, очень возможно, черты не только Земли Израиля, но и Литвы, где поэтесса провела большую часть детства.

Леэ Гольдберг принадлежат замечательные циклы лирических сонетов. Вот два из них.

[מילים לשיר אילנות – לאה גולדברג – שירונט
https://www.youtube.com/watch?v=sTnDbr_0RMo](https://www.youtube.com/watch?v=sTnDbr_0RMo)

Кукушки плач мне здесь не прозвучит,
Косынки снежной не наденет крона.

Но этих сосен тень – не то ли лоно,
Что детские виденья воскресит?

И вновь простор, что инеем укрыт, –
Родной. «Жил-был» – поют мне хвои звоны...
Родное мне – и плен льдистозеленый
Ручьев, и песнь, что в том краю звенит.

Лишь птица кочевая – лишь она,
Качаясь меж землей и небосводом,
Ту боль двух родин чувствует сполна...

Я вместе с вами, сосны, двум природам
Причастна; довелось мне, вам под стать
Из двух истоков дважды прорасти.

[מילים לשיר ולא היה בינינו אלא זוהר – קרולינה – שירונט
https://www.youtube.com/watch?v=hUO-bcMp-aE](https://www.youtube.com/watch?v=hUO-bcMp-aE)

И не было меж нами там иного –
Лишь поселковой рани скромный свет,
И сад, что, весь в цветение одет,
Весь в белом, ждал поры своей плодовой.

И как же ты смеялся мне в ответ,
Когда я у зари нежнолилейной
Нас выхватить мечтала чародейно –
И спрятать меж страниц, где мой сонет.

А помнишь ли – приподнятой рукой
Ветвь яблони качнул ты, и неожиданный
Пал ливень белизны на локон мой.

Разбуженный поселок за спиной,
И ветер был, и окон звон органичный –

И был лишь свет меж мною и тобой.

Ночью, ночью

(стихи – Натан Альтерман, музыка – Мордехай Зеира)

[מילים לשיר לילה לילה – נתן אלטרמן – שירונט
www.youtube.com/watch?v=pBhm-xh8I60](https://www.youtube.com/watch?v=pBhm-xh8I60)

Ночью, ночью бьет ветер по окнам.

Ночью, ночью звезда запоеет нам.

Ночью, ночью плеск листьев в тиши –

Баю, баю, свечу затуши.

Ночью, ночью –

Люли, люли, свечу затуши.

Ночью, ночью – очам спать лучистым.

Ночью, ночью – к тебе полем чистым

Ночью, ночью с клинками в ножнах

Трое, трое неслись на конях.

Ночью, ночью –

Люли, люли, неслись на конях.

Ночью, ночью – над первым взмыл коршун.

Ночью, ночью – второй саблей скошен.

Ночью, ночью – а тот, что не пал,

Баю, баю, тебя не узнал.

Ночью, ночью –

Люли, люли, тебя не узнал.

Ночью, ночью бьет ветер сильнее.

Ночью, ночью плеск листьев слышнее.

Ночью, ночью ждешь-чаешь, мой свет,

Баю, баю, да путника нет.

Ночью, ночью –

Люли, люли, да путника нет.

Эти «люли, люли» вместо еще одного «баю, баю» – поэтическая вольность: дань ностальгическому воспоминанию о том, что именно это (очень удивив) послышалось в первый раз, когда еще не знал, что такое «нуми, нуми» («спи, усни»)

Для меня лично эта печально-эпическая колыбельная навсегда связана с просторами Верхней Галилеи. Она хорошо звучала именно ночью, на армейском караульном посту, куда можно было брать транзистор.

Охранная песня

(слова – Натан Альтерман, музыка – Саша Аргов)

[מילים לשיר שיר משמר – חוה אלברשטיין – שירונט
www.youtube.com/watch?v=sEb73SYgEow](https://www.youtube.com/watch?v=sEb73SYgEow)

Хранить души своей цветенье не устань,
Храни и жизнь, и цвет души, и разум зрелый –
От стен, что рушатся горя, от темных тайн,
От злых когтей, и от ножа, и от обстрела!
Храни себя от тех, кто режет, бьет и жжет,
От искушенья – прах иль небо тронуть дланью,
От зовов мертвенных всего, что стережет,
Чтоб погубить – колодца ль глубь, печи ль
пыланье...

Храни души своей и жизни цвет и плод,
И плоть, и прядь, и дар, и разума сиянье!

Приве: А летний вечер был так добр – ни дать ни
взять

Обычный вечер по заветам старины,
Дарящий милость, и покой, и благодать –
Не страх, не шепоты навета и вины;
Дарящий выпечку и мягкую кровать,
Что будут отблеском свечей озарены...
Был теплый вечер, словно встарь, – ни дать ни

взять,

Чей дар, казалось нам, не страх, а благодать...

Но ветер шлет свою десницу, тихим взмахом
Окно неспешно отворяя в теплый дом.
Смеешься ль ты? Иль то смеется вечность страха?
Застыла ль ты? Иль радость сковывает льдом?
И почему еще весь мир столь чужд, скажи мне,
Мир, чьи грозят водой и пламенем пути?
Тот мир, в котором ткань души твоей и жизни
Трепещет пташкой испуганной в горсти?
Зачем, скажи мне, все сильней полета дрожь?
Иль птицей в поисках окна крылами бьешь?

Припев: И летний вечер был так добр...

Храни, уставшая, души и жизни плод,
И жизнь, и душу береги – чтоб свет не смеркся.
Храни и разум, и красу, и прядь, и плоть,
Храни четою рук отважных – нежность сердца.

Примечание: «Охранная песня» Натана Альтермана написана в 1965-м году и обращена к его дочери Тирце, внутренний мир и эмоциональное состояние которой внушали ему тревогу: он чувствовал ее душевную уязвимость и очень переживал за нее. Тирца Атар тоже стала известной поэтессой, в том числе автором песенных текстов. Она, к сожалению, погибла в 1977-м году, в тридцать шесть лет, семью годами позже смерти отца. У нее остались двое детей, сын и дочь.

В полном, книжном варианте «Охранная песня» – небольшая поэма. Я перевел пока только сокращенный, песенный текст.

Подкидыш

(слова – Натан Альтерман, музыка – Йосеф Сариг)

[מילים לשיר האסופי – נתן אלטרמן – שירונט](https://www.youtube.com/watch?v=6kk1n7kBEs)

www.youtube.com/watch?v=6kk1n7kBEs

Был положен я в ночь, сморщен, нем и измят,
Материнской рукой под забор.

И, точь-в-точь из колодца, стремил я к ней взгляд –
К ней, свершающей бегства позор.

Словно брошенный в бездну, стремил я к ней
взгляд,

И светильник луны был над нами подъят.

Но восстал я в ночи, и в назначенный час

К ней в обитель, немой и нагой,

Я пришел – так назад мяч примчится, крутятся,

К тем, кто пнул беспощадной ногой.

Я пришел – так назад мяч примчится, крутятся, –

И вокруг горла ее тень кистей обвилась.

Содран с горла, как червь, – так содеяла мать

Перед ликом Твоим, Судия, –

Я вернусь; будет ночь – я явлюсь ей опять ,

И стезя непреложна сия...

Я вернусь; будет ночь – я приду к ней опять.

Ночью – падают ниц, ночью – кары печать...

Я врата ее помыслов в силах открыть,

Я – лишь я, – властелин этой мглы.

Ведь жива – и трепещет любви нашей нить

Тонкой жилой пред спуском стрелы.

Ведь жива – и трепещет любви нашей нить,

И ни даром не стать ей, ни отнятой быть.

Породившей меня, – не отъять этот плод

От кричащей души никогда;
И, отторгнутый прежде, чем взмыл бы в полет,
Я вовек не покину гнезда.
Я – отторгнутый прежде, чем взмыл бы в полет, –
В дом вступив, запечатал и выход, и вход.

Съежит плоть ее старость в узилище том,
Лик ей сморщит – под стать моему.
И я белым ее облеку полотном,
И на хрупкие ручки возьму.
И я, белым ее облачив полотном,
Не скажу ей, куда и зачем мы идем.

И угасший комочек, что нем и измят,
Положу я в ночи под забор.
И, точь-в-точь из колодца, взлетит ко мне взгляд;
И пойдем мы: окончен наш спор.
Будет, словно из бездны, стремить она взгляд.
И светильник луны будет Богом подъят.

Был сын рожден

(слова – Эхуд Манор, музыка – Нурит хирш)

[מילים לשיר בן יפה נולד – רבקה זוהר – שירונט](https://www.youtube.com/watch?v=2o_AeNozyVE)

www.youtube.com/watch?v=2o_AeNozyVE

Сын глаза открыл,
Возвеселился дом,
И праздник был по всем окрестным склонам.
Бог благословил
Ниспосланным дождем
И колосом златым утяжеленным.

Падал луч на ствол,
И ветер в окна дул;
Уже тот мальчик азбуку листает;

Куст миндальный цвел...
Тишрей, и вновь Элул –
Малыш тот хрупкий скоро взрослым станет...

Будничная рань –
Субботы смолкла песнь;
Ждала с ними рядом в тишине вокзала.
Взбив подушки ткань,
Готовясь прядь расплесть,
Ему так много синих строк писала...

Вечера свежей,
Взмывает клин под дождь,
А нежная грустит у старой вышки.
Завтра двадцать ей...
Так почему ж, за что ж
Те двадцать не исполнились мальчишке?!

Эту песню (и не только ее одну) известнейший поэт-песенник Эхуд Манор написал в память о своем младшем брате по имени Иехуда, погибшем в 1968 году, во время «Войны на истощение» с Египтом.

Тишрей и Элул – первый и последний месяцы древнееврейского лунного календаря. Празднование Нового года (и, соответственно, начало месяца Тишрей) приходится то на сентябрь, то на октябрь. В оригинале упомянуты три других месяца, но я счел возможным отступить от буквальной точности.

В последней строфе в оригинале не «нежная», а «красивая» (что на русском языке не звучало бы в качестве подлежащего), и не «вышка» а «ворота».

Я люблю тебя, Лия

(слова – Эхуд Манор, музыка – Цвика Пик)

<https://shironet.mako.co.il/artist?type=lyrics&lang=1&prfid=843&wrkid=384>

www.youtube.com/watch?v=PbT7UOQLz7c

Свет дрожащий подступил к шатру
В тот единственный, в тот ранний час,
И про юную твою сестру
Я шептал, к тебе склонясь.
И уткнула ты в постель глаза,
Сжав мне руки в ледяной своей,
Но в ладонь мою слеза
Пала, крови горячей.

Припев: Года прибавили скорбей ,
И руки все слабей,
Но, как взор сестры твоей,
Твой мне светит лик!
Ты, Лия, жизнь моя и песнь,
Любовь моя и песнь,
И не быть мне тем, кто есмь,
Коль солгал в сей миг!

Сыновьями одарив шестью,
Вновь ли, гордая, ревнуешь ты?
Молви, женщина, печаль свою,
Глянь, как близок свет мечты!
Пусть твоих не потупляет глаз
То бывшее, что укрыла степь.
Вот остался краткий час,
Скоро саду опустеть.

Припев: Года прибавили скорбей...

Примечание: эта песня – отклик на древнее сказание (кн. Бытия, гл. 29) об Иакове, Рахили и Лии. Иаков служил семь лет за свою возлюбленную, Рахиль, у ее отца, Лавана; но в первую брачную ночь Лаван подменил Рахиль своей старшей дочерью, Лией. Он объяснил это тем, что нехорошо было бы выдавать младшую дочь прежде старшей. Иаков получил, как бы то ни было, обеих сестер и двух их служанок. Лия родила ему шестерых сыновей, Рахиль – двоих: Иосифа и Вениамина, рожая которого умерла.

Здесь обращение от лица Иакова к Лии, когда-то нелюбимой... Это поэтический вымысел, в источнике нет ничего об отношении постаревшего патриарха к своей старшей жене.

В оригинале припев завершается словами: «Если забуду тебя, Лия, имя мне не Израиль» (Израиль – символическое имя, полученное им от таинственного сверхъестественного противника, с которым он боролся целую ночь и который так и не сумел его одолеть – см. кн. Бытия, 32, 24-31). Я посчитал правильным обойти это: «эмоциональную логику» присутствия в тексте имени «Израиль» в переводе, на мой взгляд, передать невозможно.

Размер сохранен полностью. В пении седьмые строки восьмистиший (казалось бы, неадекватно короткие) «удлиняются» своеобразным средиземноморским распевом.

Над Масличной горой (Иерусалим)

(слова – Авидор ha-Меири, музыка – народная)

[מילים לשיר מעל פסגת הר הצופים – יהורם גאון – שירונט](#)

www.youtube.com/watch?v=f2HUGPujiWM

Взойдя к венцу Масличной горы,

Паду, шепча твое имя.

Поклон с венца Масличной горы

Земле Иерусалима.

Тысячи тысяч шептали молитвы,

Чая увидеть свет твой и лик твой.

Обитель мира – Ерушалаим,
На сына ль не глянешь любя!
Обитель мира – Ерушалаим, –
Из пепла воздвигну тебя!

Взойдя к венцу Масличной горы,
Паду, шепча твое имя.
Поклон с венца Масличной горы
Земле Иерусалима.

Всем благодатным излиться дарам
На царский престол, на Град и на Храм.

Обитель мира, Ерушалаим,
Я здесь, пока жив мой народ.
Обитель мира, Ерушалаим,
Твой царь и спаситель грядет.

Песнь обручения

(слова – Нисим Алони, музыка – Одед Лерер)

<https://shironet.mako.co.il/artist?type=lyrics&lang=1&prfid=518&wrkid=4322>
www.youtube.com/watch?v=TyxzBdmNfjo

Ледяной росой предгорий одарю тебя,
Гроздью жемчуга из моря одарю тебя.
Черной лилией твой локон увенчаю я.
Черной лилией твой локон увенчаю я.
Златом с царской колесницы одарю тебя,
Шелком с тронной багряницы одарю тебя.
Глянть – черны, сестра-невеста, лилии мои;
Вдону их, сестра-невеста, в локоны твои.

Припев: В сад мой поступью войди неслышной,

В сад, незримая, вплыви...
А лилии черны, как страждущего хлеб,
Как слово о любви.

Плащ скитальца, что бездомен, подарю тебе,
Плод для тех, кто обездолен, подарю тебе.
Локон твой звездой далекой увенчаю я.
Локон твой звездой остывшей увенчаю я.
Усласти, сестра-невеста, мой печальный день.
В брачный плащ, сестра-невеста, плечи мне одень.
В дар прими, сестра-невеста, хлад далеких звезд.
В дар прими, сестра-невеста, хлад остывших звезд.

Припев: В сад мой поступью войди неслышной,
В сад, незримая, вплыви...
Прекрасен лилий лик, как страждущего хлеб,
Как слово о любви.

Пояснение: «сестра моя, невеста» – выражение из Песни Песней.

В оригинале ни строки, ни полустрочия не рифмуются, рифмовка, там, где, она имеется, мною добавлена. Повторяющиеся концовки строк соответствуют оригиналу. Не было возможно полностью передать стихотворную структуру оригинала в том плане, что там словосочетание «сестра-невеста» фигурирует восемь раз, и всегда – в конце длинной строки. Оно, правда, тоже является пятисложным, но с доминантным ударением на заключительном слоге.

Далее, в тексте подлинника в припеве – не «слово о любви», а «песня о любви». Казалось бы, почему именно так и не перевести – по размеру вписывается... Но слово «шир» на иврите более емко по смыслу, чем русское «песня». Это также и «стих». Поэтому я все-таки предпочел «слово».

И эта песня тоже, кажется, была впервые услышана в Верхней Галилее, ночью (скорее, может быть, под утро), в

караульной смене...

О братья, о воины славы святой

(слова – Дуду Барак, музыка – Шайке Пайков)

[מילים לשיר אחי גיבורי התהילה – עממי – שירונט](https://www.youtube.com/watch?v=vihKlyfcZUM)

www.youtube.com/watch?v=vihKlyfcZUM

Мой брат Йоханан, чье с небес
Звучит первородное имя!
Крыла свой ангел – глянь, в белом он весь, –
Распростер над путями твоими.

Второй – сердцу близкий, – Шимьон!
Дерзнув в жар песков устремиться,
Ты в злато и панцирь победных колонн
Своих весен облек три седмицы.

Припев: О братья, о воины славы святой!
О вас моя песнь возлетит над землей.
О братья, о воинство славы святой!
Молитва взлетит над землей,
О братья во славе святой,
О воины славы святой!

Тебе, юный лев Йеһуда,
Весь мир не под ноги ль повергнут!
Победы венец над тобой – и звезда,
Тех сказаний, чьи строки не меркнут.

Четвертый мой брат, Эльзар,
Восшедший на горные главы!
Твоя там безмолвная пала слеза,
Предвещающая свершение державы.

Припев: О братья, о воины славы святой!..

Вот я – младший сын у отца,
Взрастившего стан Маккавеев;
Вот я, Йонатан; я коснулся венца,
Я великих дождался мгновений.

Из них нам да свяжется мост
В обитель, где подвиг был начат.
Над цепью вершин – не царица ли звезд
Нам навстречу смеется и плачет.

Приве: О братья, о воины славы святой!..

Примечание: здесь иносказательно воспеты Маккавеи – пять братьев-героев, сынов Матитьяһу (Маттафии в русском переводе) из селения Модиин. Они возглавили народ в войне, которая началась в середине 2-го столетия до н. э. из-за того, что Антиох 4-ый Эпифан, царь селевкидской Сирии, посмел посягнуть на иудейскую веру и попытался (надо сказать, при поддержке язычествующей «пятой колонны» внутри самой нации) навязать евреям идолопоклонство. В этой войне евреи наголову разгромили, сокрушили и унизили многонациональные полчища язычников. Верховным полководцем был, вплоть до своей гибели, третий брат, самый доблестный из пяти – Иехуда (Иуда). Премником его – и правителем, и первосвященником, – стал самый младший, Йонатан (Ионафан), от чьего лица поется данная песня. Но он был вероломно захвачен и убит сирийским военачальником Трифоном, и власть перешла ко второму из братьев, Шимьону (Симону). Шимьон пережил всех своих братьев и умер в 134 г. до н. э. Его сын, Йоханан (Иоанн) Гиркан стал первым царем могущественной династии Хасмонеев. Обо всем этом – см. книги Маккавеев. О старшем из братьев Маккавеев, Йоханане, сведений очень мало. Четвертый, Эльзар, известен воинским подвигом: он убил вражеского боевого слона, но был сам погребен под его тяжестью...

Но эта обращенная к четырем братьям песнь Йонатана условна и метафорична. Во-первых, как было сказано выше, Йонатан погиб раньше Шимьона. Во-вторых – "три седмицы" (весен) во второй строфе (о Шимьоне) по логике и настроению должны означать гибель в двадцать один год. Это число стоит и в оригинале (старинным буквенным именованием; и там не весны, а годы). Но исторический Шимьон жил долго. И я тщетно пытался найти в книгах Маккавеев некий значимый период его жизни длиной в двадцать один год – точно или хотя бы приблизительно. Но потом я поднял материалы по истории создания этой песни и понял, в чем дело. Подтекст ее – память о том, что происходило не в древности, а совсем недавно. Скорбь о солдатах, павших в войне Судного Дня (октябрь 1973) против Египта и Сирии. И мотив прославления их героизма. Они, подобно Маккавеям, бились и в песках, и на горном севере; они, подобно Маккавеям, наголову разбили врага. Их слава также нетленна.

И выражение «три седмицы» – о человеке, погибшем в двадцать один год на этой войне.

Не прощайся со мной

(слова и музыка – Толи Равив)

[מילים לשיר אל נא תאמר לי שלום – יפה ירקוני – שירונט](https://www.youtube.com/watch?v=hl_6nVfo9ww)

www.youtube.com/watch?v=hl_6nVfo9ww

Привет: О, не прощайся со мной –

Скажи, что встретимся вновь.

Сон, что зовем мы войной,

Омочен в слезы и кровь.

И свет не ласков дневной,

И тяжек ночи покров;

Так не прощайся же со мной –

Скажи, что встретимся вновь.

Дождь бьется в стекла, рань холодна,

Рассвет угрюм и белес;

Фонарик блеклый... и солоня

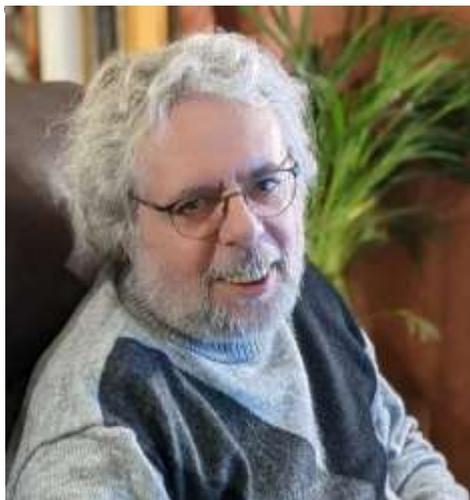
Улыбка в облаке слез.
Вагон отцепят, вновь будет пуст
Перрон глухой, где сейчас –
Пламя и трепет сердец и уст,
Что примут боль, разлучась.

Привет: Нет, не прощайся со мной...

Коснутся губы и рук, и щек
Сквозь спазм, и бледность, и хлад.
Время на убыль, вот-вот гудок,
И стрелки в запуски мчат...
Звук поцелуя – и мы уж врозь,
И не открыться окну;
И помашу я – и в гул колес
Чуть слышный шепот метну...

Привет: Нет, не прощайся со мной...

Примечание: под эту песню иногда танцуют, она поется в ритме танго. Это – «ретро» конца 40-ых годов. В переводе я отразил «перенапряженный» ритм подлинника: там тоже скачущее ударение, иногда смещающееся на первый слог.

Йонатан Видгоп

10 стихотворений

* * *

Вот время дождей.
Пока еще жив.
Колотят струи по вырванному красному сердцу,
Упрятанному в самую гущу тысяч других
багровых сердец,
Затерянному среди них навсегда.

* * *

Внимательно оглядывая пейзаж,
Я нахожу в нем все известные мне приметы:
Яблоко, надкусанное вчера,
Дом, заросший травой,
Пыльную фотографию Кафки...
Чего-то не достает в пейзаже.

Прищурившись и нахмутив лоб,
Я вновь присматриваюсь к нему:
Не хватает какой-то мелочи,
Выпавшей из пространства.
Мучительно пытаюсь я вспомнить,
Что бы могло это быть...
Ну, конечно! Вот в том углу
Должен я сидеть в прокуренном кресле.
Но пуст этот угол.
Может быть, стерли нечаянно?
Забыли нарисовать?
Лихорадочно я листаю пространства –
Нет меня ни в одном из них.
Дрожащими пальцами подымаю
Последний лист... Пустота.
Листы разметает сквозняк.
Быть может,
Все-таки
Где-нибудь существует
Забытый пейзаж,
В самом углу которого
Я сижу в прокуренном кресле.

* * *

Камень, летевший в чужое окно,
Попал в мою голову.
Что сожалеть о разбитом стекле
С пробоиной в голове?
Мысли мои, как стада сероухих овец,
Бегут теперь к пространствам своих полей,
Словно ждут их там тучные пастбища...

Ужас этих пространств манит издалека.
Не откликаюсь на зов,

Крепко вцепившись в подлокотник кресла.
И пространства тогда, подмигнув,
Торжественно втекают в дырявую голову,
Разорвав, наконец, этот череп
На тысячу глупых кусков.

* * *

В скважину от ключа
Увидеть можно весь мир:
Провансальский пейзаж, что рисует Ван Гог,
Голую лампочку, что раскачивает сквозняк
На безнадежном шнуре посреди коридора
Раскаленной мансарды,
Где Ван Гог, отослав свое ухо в ближайший
бордель,
Взирает на железное небо.

Жадным глазом зеваки
Прильнуть...

Мясо

Рассекается мясо под рукой мясника
Очень алое
Переполнено кровью
Парное
Из тончайших живых волокон.
Мясник, как палач, торжественно
Аккуратнейшими надрезами
Бритвенно-острым тонким ножом
Разваливает дышащую плоть.

Покупатель, присутствуя
На кровавой оргии,

Сладостно затаив дыхание,
Предвкушает, как вопьется зубами
В сочный непрожаренный ломоть.
Вся очередь замороженно наблюдает,
Как терзают трепещущий
Еще теплый кусок.
Церемонию лавочной казни
Подглядываю и я, пятилетний мальчик,
Дотянувшись на цыпочках до прилавка,
Здрав подбородок и замирая,
Мечтая вырасти мясником
И однажды вонзить острый, как бритва, нож
В такое нежное хрупкое мясо.

Только мясо не участвует в ритуале,
Не страдает, не мечтает, не замирает,
Не играет жертвенной роли.
Ничего не чувствует мясо
Умершее давно.

* * *

Всегда казалось мне,
Что песок пустыни,
Такой сыпучий,
Словно московский сахар,
Поглотит меня
С чудной легкостью,
Не оставив следа.

Но я колочусь
В каменистое лоно
Иудейской пустыни.
В ее жесткое
Упругое чрево.

Оно не выпускает меня.
И я вынужден
Оставить свои следы
Наверху.

* * *

Из мусора воспоминаний
Возникает лицо человека
Незнакомое мне.
Неизвестного.
Чужого.
Нелепого.
Жалкого.
Неприятного.
Странно, что этот человек – я.

* * *

Овцы собираются стаями,
Спеша по каменистым полям,
В такт топоча жестконогим копытом,
Сбираясь к Хеврону.
Подпрыгивают растерянно
И, переваливаясь, взлетают,
Сбиваясь в лохматую кучу.
Так и парят тяжелым облаком,
Шерстяным, вислоухим, курчавым
Над страной,
Где я,
 на горах Шомрона,
Раскрыв рот и задрав голову,
Наблюдаю за их парением.

* * *

В саду Наслаждений
С ослиным печальным лицом
Смерть витает над нами,
Расправляя летучие крылья.
В этом саду Пустоты,
В этом саду Покоя
Догадывается ли, что и она –
Не более чем Путешествие?
Знает ли, одинокая,
Что мы бессмертны?..

* * *

Другая голова
Не та что надо
И не на тех плечах
Не с тем лицом.

Но кто может помочь возникшему
недоразумению?..

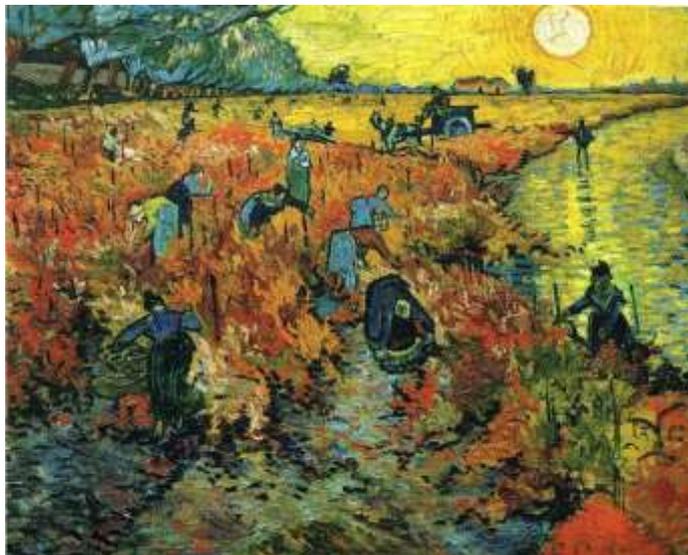
Елена Текс

Настоящий художник

*Настоящий художник не рисует вещи такими, как
они есть...*

Винсент Ван Гог

Художник Ван Гог

Красные виноградники в Арле. (Ван Гог)

Несовершенные тела
В величии его творений!
Куда б Винсента ни вела
Тропа его – он просто гений.
Обласкан, не в пример другим –
Судьба к нему благоволила...
Она же – враг, что был незрим:
Отравую его поила.
И бес мозги его кромсал,
Отплясывая: «Унца, унца...»
А он без усталости писал
Шедевр великого безумца.
Душа художника больна:
Воображение – химера...
И он уже дошел до дна,
И он ни в чем не знает меры.
Вперед, на волю из оков!

Мазки – разорванною венной –
В кружение странных облаков
Над морем, изрыгнувшим пену.
Болезнью измененный мир,
Гнетущий, мрачный, полный слухов,
Царапающий, как сапфир,
Лишил Винсента мочки уха.
Жизнь гения – короткий век
Необъяснимых злоключений.
И лишь усталость рыжих век –
Свидетель всех его мучений...

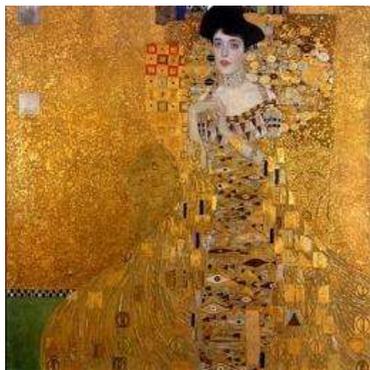
Несет нам вечности река,
Противница досужих мнений,
На суд потомков сквозь века
Сокровища его творений.

Художник Гюстав Климт

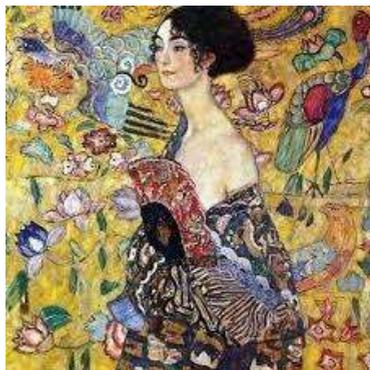
1. Адели Блох Бауэр

В глазах твоих печаль еврейского народа,
В изгибе рук твоих таинственный посыл...
Ты словно на века – любви бессмертной ода,
Твой образ золотой глаза врагов застил.

Живописал Адель, душой картину грея.
Дарил всего себя – лишь он любить так мог!
Запретную любовь, что слаще и милее,
Оставил на холсте, и это видел Бог!

Золотая Адель.

Мадам Флеге (Женщина с веером).

(Густав Климт)

2. Густаву Климту

Писал ее, затем ее любил...

И приходили чудные виденья,

Как Бог с небес нектар любовный лил

В картину, что сродни стихотворенью.

Взрывая мозг, в песках кричал павлин,

Цвели цветы – казалось, это снится...

И оттеняли золото картин

Волшебные причудливые птицы.

И кто посмеет очертить предел –

Границы восхищенья и презренья?!

Их поцелуи и слиянье тел –

Вот истина, желанный миг прозренья!

И кисти взмах – ее дыханья миг –

Восторженность художника-поэта,

Рождали чудо, нереальный мир...

Не каждому дано увидеть это.

Художник Марк Шагал

Летящие над городом. (Марк Шагал)

1. Свидание с Марком Шагалом

О, Витебск, маленький Париж,
Зеленоликий, краснохатый
И ангел – Серафим крылатый –
Крылом коснется старых крыш,
Где, сидя на печной трубе,
Скрипач играет бородатый.
И льется музыка над хатой
И горько плачет по тебе.
Летит зеленая коза,
Ее живот распух от счастья...
Но сердце рвут мое на части
Ее печальные глаза.
Любовь парила в небесах,
Как будто пряталась от взоров,
Уйдя от пересудов, споров,
Присев у Бога на весах...
И так неплотен, зыбок мир,

Где васильков щемящей синью
Пропитан холст Его, донные
Похожий на оживший миф...
Что чувствовал, когда писал
В Париже витебские лица?
А мне опять ночами снится
Лица растянутый овал...

2. Как на картинах у Шагала

Я упаду спиной в небо
И под собой увижу мир,
Где много горя, мало хлеба,
А счастье в жизни – это миф.
Как свечи, полыхали хаты...
В глазах застыли боль и страх:
Расстрелы без суда, солдаты –
Все перепуталось в умах.
И все, кто жили и не жили,
Искали счастья в вышине,
Как будто спрятаться решили,
Шепча губами: «Нет – войне!»
Им вспоминались день рожденья,
И дом, и мамины глаза,
Жених с невестой, их круженье...
И то, как бляла коза.
Скрипач со скрипкою на крыше
И ангел, севший на карниз.
Под ними люди, словно мыши,
Снующие то вверх, то вниз...
Корова под зонтом, и с нею
Телок, сосущий молоко, –
Вот счастье... Только все сильнее
Грохочет фронт недалеко...
Ничто не изменить... Как прежде,
Наш мир расколот пополам.

В нем снова места нет надежде –
И на земле опять бедлам...
Я плакала и понимала –
Не хочет мир счастливым стать...
Как на картинах у Шагала,
Мне тоже хочется летать.

Художник Клод Мане

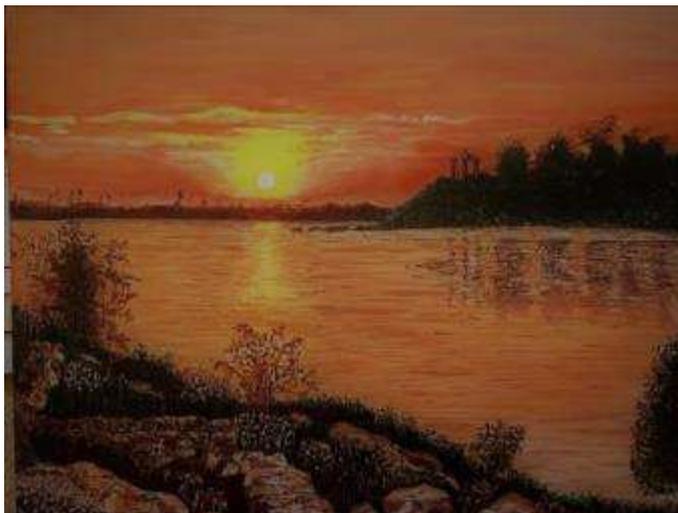
Японский мостик. (Клод Мане)

Цветущие сады Мане

Цветущие сады Мане:
Полотна душу согревают.
И кажется, так не бывает,
И кажется, все снится мне.
Кувшинки плавают в пруду,
Так невесом японский мостик.
Нет места для вражды и злости...
Я мысленно туда приду,
Глаза закрою – тишина...

Ничто не осквернит молчанья,
Природы с красотой венчанья.
Здесь жизни суть обнажена.
А в беге сумасшедших дней
Молчанье так необходимо,
И у Мане оно так зримо –
Отдохновение для людей.

Художница Лариса Мангупли

Оранжевый закат. (Лариса Мангупли)

Оранжевый закат

Уставший солнца лик
Почти уже у цели:
Один лишь только миг –
И солнце в колыбели...
Темнеют вдалеке,
Притихнув, порт и роща.
Зажатая в руке,
Печаль несмело ропщет.
Оранжевый закат
Сторающего лета...

Никто не виноват,
Что не найти ответа
Ни на один вопрос,
Смущающий нам души...
Зеркальный тихий плес –
Вокруг так мало суши.

Художник Иван Губенко

Переход. (Иван Губенко)

Наша жизнь как бег по кругу

Наша жизнь как бег по кругу,
Что опустошает душу.
Не жалеет друг друга,
Все вокруг бездумно руша.
Превращаемся в безликих,
Скроенных, как по шаблону,
И зависимых от клика
Мышки, и забывших лоно,
Что вскормило, в жизнь отправив...
Кто мы и откуда родом,
Кто позволил жить без правил,
Как нас звать: толпой, народом?
Уравнявши первородство

С чечевичною похлебкой,
Спугав разум и юродство –
Застреваем в жизни пробкой.
Тянем ляжку мы покорно:
Вздуты вены, рвутся жилы...
Но балдеем от попкорна
И иллюзии, что живы...
А с рождения до тризны –
Жизнь длиной в одно мгновенье.
И взирает с укоризной
Бог безмолвно и с волнением
С высоты небес безгрешных
Вниз, где – жертвы на закланье –
Агнцы прыгают потешно,
Спугав грех и покаянье.

Художница Яэль Лан

Взгляд в будущее. (Яэль Лан)

Застыла перед полотном

Застыла перед полотном,
Написанным рукою внучки!
В нем маски в праздничной толкучке,
Как человечества геном.
Ее картины – это мир
Нас обогнавших поколений.
А я – транзитный пассажир
В плену нахлынувших сомнений.
Ее непостижимый взгляд
Скребок на белом черных красок,
Ассоциаций сложный ряд
В причудливых изгибах масок...
По мне, так жизнь как маскарад:
Приходят к нам толпою гости,
Под маской перебив всем кости,
А ты им, как ни странно, рад.
И в кутерьме не разберешь:
Под маскою – презренье? зависть?
И неизбежно ты, как завязь,
В себя вбирая все, живешь.
А может, это маскарад
Людей с открытыми сердцами?
Людей, не знающих преград,
Давно живущих между нами...
А может, это будет мир
Любви большой и пониманья,
Свершений, нового познания? –
Божественный ориентир!
Мне захотелось платье сшить
Из чувств, дрожащего эфира,
Из незнакомого мне мира,
Чтоб в этом времени пожить!

Ирина Лир

С намордником наперевес. Мемуары.

1.

Ярко-оранжевый страшный самолет летел почти вплотную к верхним этажам жилых домов, расположенных на склоне ущелья. Он пугал людей уже самим необычным фактом своего здесь появления, аномальной непосредственной близостью, оглушающим шумом моторов, необычным цветом и странной конструкцией, и, конечно, страшной ассоциацией. Недоброй памяти «Одиннадцатое сентября». В самый последний момент, когда уже казалось, что самолет вот-вот неминуемо влетит в окно, он повернул вдоль склона ущелья и устремился к морю. А следом за ним появился второй такой же. Там, откуда пришли самолеты, небо заволокло огромное черное облако. Оно быстро продвигалось в сторону ущелья, приближаясь к домам, расположенным на вершине склона. И несло с собой серый дым и специфический запах. Нет, мы не в Америке 2001 года, а осенью 2016 года в израильском городе Хайфа, спускающемся по склонам и ущельям горы Кармель к Средиземному морю.

Самолеты друг за другом брали воду, возвращались по ущелью обратно и исчезали в черном небе, чтобы через какое-то время появиться вновь. Работала пожарная авиация. Пожарная «авиакарусель». Горел лес на горе Кармель, горел примыкающий к лесу город Хайфа – наша красавица Хайфа, зеленая Хайфа, наша северная столица, как ее называют журналисты.

Пожар продолжался почти два дня. Пострадало 12 районов города. Было эвакуировано 60 тысяч человек из 280-ти тысячного города. Потом следственная комиссия установит, что это были целенаправленные поджоги. Наши заклятые друзья подожгли одновременно лес и город в нескольких местах. Журналисты окрестят эту акцию «огнен-

в нашу сторону. Из домов на противоположной стороне ущелья уезжают жильцы. Периодически звонит мой телефон. Иногородние друзья и знакомые зовут к ним. Нет, спасибо, буду иметь в виду, но, надеюсь, не понадобится. Собираю рюкзак и еду к маме. Она живет в другом районе Хайфы. Их пока не эвакуируют, но я должна быть с ней: и успокоить, и помочь, если не дай Б-г что. Только бы не закрыли проезд.

Клубы дыма ползут по ущелью к морю и окутывают дорогу. С трудом различаю контуры движущейся впереди меня машины. Снижаю скорость и включаю фары. Надеюсь, едущий за мной меня видит. Быстро нарастающий вокруг страшный гул рвет и без того напряженные нервы. Счастье, что эту дорогу «к маме и обратно» я знаю наизусть. Вдруг из облака серого дыма вырывается оранжевый самолет и проносится прямо надо мной. К морю. За водой.

«Нужно смочить тряпицу водой и повязать на рот и нос наподобие маски. Мы так делали в Москве, когда летом горели подмосковные торфяники», – говорит мне мама. Да, я тоже помню то время и те влажные повязки. Семидесятые годы прошлого века. Я была еще школьницей. Пожары на Шатурских торфяниках в Подмоскovie случались часто, а в тот год в конце августа и в начале сентября были особенно сильны. Ветер гнал дым в сторону нашего района, воздух тогда стал каким-то серым, было душно и пахло гарью. Помню, как насторожены были взрослые, а нам, детям, было скорее любопытно. Мы, рожденные на стыке 50-х и 60-х годов, еще не видели в своей жизни ничего по-настоящему плохого, а потому с оптимизмом молодости оглядывались вокруг. В отличие от двух предыдущих поколений, мы сами не попали в великие войны, трагическую индустриализацию и коллективизацию, кровавые чистки и перегибы, а из революций нам счастливо досталась в основном научно-техническая. Мы знали, через что прошли наши родители и бабушки с дедушками, но многим из нас это казалось уже историей, страшным прошлым, по счастью отшумевшем до нас. И замечания старших о том, что жизнь движется по спирали и история возвращается, тоже звучали для нас до-

вольно абстрактно.

Помню, мы сидели в классе на уроке начальной военной подготовки, был тогда такой предмет в средней школе, и преподаватель рассказывал об устройстве противогаза. Показывал, разбирал-собирал, менял насадки, давал примерить. Не в связи с Шатурскими пожарами, а просто так совпало по программе курса, но получилось «на злобу дня». Война и противогазы казались нам, тогда советским пионерам, чем-то далеким и принадлежащим совсем другому миру, чем-то любопытным, но не особенно важным. Показательно, что главная история о нашем школьном противогазе связана скорее с русским языком, а не с военной подготовкой. Мы изучали инструкцию по его разборке. «Вывинчиваем коробку, кладем на стол, затем шлём маску», – продиктовал нам преподаватель. «Куда и кому шлём маску?», – спросила моя подруга. Будущий филолог Московского университета, она уже школьницей тонко чувствовала нюансы русского языка. «Шлём маску», – грозно повторил преподаватель и потряс резиновым шлемом, который натягивают на голову и лицо. Поняв, в чем дело, подруга простодушно объяснила, что «шлём» – это глагол, означающий посылку как действие, а то, что преподаватель держит в руках, это существительное «шлем». Однако эта просветительская деятельность успеха не имела. Куда, кому и зачем посылать маску, а также ждут ли ее там, осталось неизвестным, но свою двойку по начальной военной подготовке моя подруга заработала. К счастью, это не сильно помешало ей поступить на филфак МГУ и затем преподавать русский язык. А вот сама история вошла в ее преподавательский арсенал как иллюстрация абсолютной грамотности, необходимой в юридических документах, инструкциях и везде, где особенно важно однозначное толкование.

А я, знакомясь тогда с противогазом в школе, никак не предполагала, что он прочно войдет в мою, в общем-то, мирную жизнь.

2.

Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Знаменитая на весь научный мир «Менделеевка». В конце 20 века еще институт, а в начале 21-ого уже университет. Молодость, студенчество, первые синтезы-анализы и наш студенческий гимн: «Мы рождены пролить все то, что льется, просыпать то, чего нельзя пролить. Наш институт химическим зовется, мы будем вечно химию любить».

Военная кафедра института, почти «государство в государстве», представляла собой отдельную военную базу в совсем другом районе Москвы. Как будущие химики, мы все военнообязанные, и девушки, и парни. А потому три года из пяти лет обучения в институте мы все, за исключением, разумеется, студентов-иностранцев, еженедельно один учебный день целиком проводили на военной кафедре. Обучение раздельное, есть женские и мужские группы, но программы близкие, за исключением трехмесячных сборов в самом конце курса, на которые поедут только парни. На большой территории за высоким забором с воротами и проходной находятся плац, стрельбище, оружейный склад и огромное каменное четырехэтажное здание: учебные классы, лаборатории, препараторские и склад военно-химического имущества. Преподаватели кафедры – кадровые офицеры в форме, погонах, со званиями. Мы – будущие начальники взводов химической разведки на территории, пострадавшей от оружия массового поражения. Изолирующий защитный костюм Л-1, закрывающий все тело, кроме той части лица, которую закрывает противогаз, и противогазы разных конструкций с различными насадками и фильтрами – наша рабочая одежда. С превеликим трудом натягиваю все это на себя и оглядываюсь. Вокруг меня то ли какие-то неуклюжие космонавты в диковинных скафандрах, то ли странные слоноподобные гуманоиды. В костюме тяжело и жарко до полуборморока, в противогазе плохо видно и трудно дышать. Но жалобы не принимаются. Нужно научиться в этом работать, причем часами подряд. Начинаем с тренировки навыка молниеносно одеться по

команде «газы», уложившись в нормативное время. Ломаем ногти, рвем колготки, портим прически, мнем и пачкаем свою одежду этими костюмами-скафандрами. Наконец, зачет. А теперь, слоники, бегом в лабораторию: приборы дозиметрической разведки, радиоактивные пробы почвы, воды и воздуха, свинцовые домики, средства дегазации и дезактивации...

Через три года сдаем госэкзамен перед приемной комиссией из трех старших офицеров. Не знаю, что чувствовали другие студенты, стоя навытяжку перед сидящей напротив строгой тройкой военных и отвечая на ее вопросы, но в моем напряженном мозгу устойчиво держалась ассоциация с трагически знаменитыми тройками в формах.

В финале экзамена мы сдаем под расписку и оставляем на кафедре наши конспекты прослушанных курсов. Секретные материалы, военная тайна. Неужели? Три года мы забирали эти тетрадки с собой, они свободно валялись дома и в общежитиях, доступные всем любопытным, и мы открыто читали их в общественном транспорте по дороге на военную кафедру, готовясь к очередному учебному дню. А теперь вот так, в один момент, при выставлении оценки на экзамене, их содержание вдруг стало страшной тайной, подлежащей сохранению, а сами тетрадки – уничтожению. А кто знает, кто и сколько всего тетрадок исписал? Или потерял? А какой злоумышленник, когда и в какую именно тетрадку сумел-таки заглянуть в утренней толпе в метро? Все что угодно могло произойти за три года свободного обращения. Ну, а если нам самим, теперь уже офицерам-профессионалам, понадобится срочно заглянуть в них в час «Х»? Да, действительно, «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

На пятом курсе института мы поехали на подмосковный химзавод на преддипломную практику и оказались свидетелями аварии в цехе производства фенолоформальдегидной смолы. Что-то пошло не так, и в реакторе вместо густой смолы образовалась твердая спекшаяся некондиционная масса, намертво приставшая к стенкам реактора. Так называемый «козел». Безвозвратно загубленный продукт, сорванный план, разборка «на ковре» у директора, посе-

ревшее лицо начальника смены, потеря квартальной премии, обернувшаяся строгим выговором. Спасибо, что только выговором. Все-таки уже начало восьмидесятых. Но спасти сам реактор еще можно. Для этого нужно тщательно удалить из него приросший к стенкам «козел», вручную кайлом откалывая куски окаменевшей массы, а затем отмыть реактор изнутри горячим фенолом. Работа тяжелая, вредная и опасная. Чистить реактор привезли двух заключенных. Одели на них защитные костюмы, противогазы и спустили внутрь в реактор. В цехе говорили, что они добровольцы, что им сократили срок отсидки, говорили...

3.

Запах гари ощущается все сильнее. «Наши противогазы лежат на антресолях», – говорит мне мама. Да, я помню. У каждого израильянина дома лежит его именная коробка с личным противогазом. Их выдали всем в 1991 году во время «Войны в заливе», и тогда по команде службы тыла действительно пришлось открыть коробки и надеть противогазы. После той войны их всем поменяли на новые, и с тех пор они лежат «на боевом дежурстве», ждут своего часа, не дай Б-г. Коробки запечатаны, самовольно вскрывать их нельзя, только по специальному распоряжению службы тыла, т. к. единожды открытый фильтр противогаза начинает расходовать время своей службы.

В марте 2003 года противогазы снова оказались мобилизованы, но до их реального использования дело тогда, к счастью, не дошло. Война была у наших соседей в Ираке, но Израиль находился в реальной опасности, и служба тыла приказала всем держать коробки с противогазами при себе до приказа «открыть и надеть». Взрослые ходили с ними на работу и по делам, дети – в школу, а старики старались сидеть дома. Сначала было страшно, а потом как-то привыкли, и эти вечные коробки стали мешать. Они сами по себе создавали психологическое напряжение и «занимали руки», как говорила моя бабушка. На сделанной в те дни фотографии ребенок-школьник похож на маленького носильщика:

большой школьный рюкзак, коробка с противогазом, сумка со сменной одеждой. Общий объем поклажи почти такой же, как сам малыш.

После тех событий мои друзья со своей маленькой дочкой уехали в Америку по работе и, похоже, остались надолго. Их уже взрослая дочь бегаёт по утрам в парке. Как-то, покупая себе спортивную обувь, она обратила внимание на резиновые тапочки со странным знакомым запахом. Запах беспокоил и что-то напоминал, а мучительный комок застрял в горле, мешая дышать. Наконец она вспомнила: это был запах детства. Так пахли противогазы в Израиле.

4.

Моя первая работа в Израиле началась в 1991 году в исследовательском отделе крупного химического концерна на юге страны. Город Беэр-Шева, административный центр Южного округа. Население всего 220 тысяч, но по израильским меркам это крупный научный, промышленный и культурный центр. Здесь находятся исследовательские и производственные комплексы израильской химической промышленности. Есть уважаемый в научном мире университет, вторая по величине больница в Израиле, театр и консерватория, а также исторические объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. Древний город неоднократно упоминается в Торе. Это здесь библейский Авраам выкопал тот самый «колодец клятвы». А еще мне здесь очень комфортно после десятиmillionной сумасшедшей Москвы. И *удивительно*. Чувствую себя в машине времени.

К столбику университетской автостоянки привязан верблюд. Видимо, его хозяин-бедуин куда-то ушел. Недалеко от верблюда прямо на земле сидит бедуинка в национальном черном платье с красной вышивкой. Голова повязана платком так, что платок закрывает нижнюю половину лица. Видны только глаза и часть лба.

На автозаправочную станцию в центре города въехала платформа с настоящим танком. Заправиться. Вышли

солдаты в форме и с автоматами. Я поражена. Стою в ступоре. Танк с автоматчиками в городе непосредственно рядом со мной. Будничная заправка платформы, как будто это простой автомобиль. Сегодня, после многих лет жизни в Израиле, эта картина уже не кажется мне фантазмагорией. А тогда... Как говорят в театре, немая сцена. Я оставила Москву в апреле 1991 года, когда еще невозможно было представить себе танки на улицах. Они появятся в Москве позже, во время августовского путча.

Бедуинские поселения во множестве расположены вокруг Беэр-Шевы. Бедуины – древние кочевники и до сих пор во многом сохраняют традиционный уклад жизни, но часто их можно видеть в городе. Многие здесь работают, кто-то приезжает по делам. А еженедельно по четвергам в город приезжает бедуинский базар. После европейской Москвы для меня это не столько базар, сколько экзотический театр. Даже не театр, а, пожалуй, удивительная параллельная реальность, первая такая в моей жизни. На огромном пустыре рядом с городским рынком запаркованы автомобили и верблюды попеременно. На расстеленных на земле верблюжьих коврах разложен товар. Мужчины и женщины в национальных одеждах продают черные бедуинские платья с яркой красной вышивкой, шерстяную и кожаную мягкую обувь, национальные украшения, медную посуду, восточные специи, крем на основе верблюжьего молока, сладости, кофе, финики, бедуинские сыры. У многих нижняя половина лица закрыта платком. Говорят, это защита от песчаной бури.

Да, с песчаной бурей Беэр-Шева меня уже познакомил. Песок и пыль везде. На всех поверхностях и в самом воздухе. Сильные порывы ветра гонят плотную серо-желтоватую взвесь, бывшую еще недавно воздухом, и закрывают солнце. Кажется, что оно померкло, превратившись в тусклый диск. Душно и жарко. Пересохло все: рот, нос, глаза. Тяжело дышать. Пробую закрыть рот и нос платком на манер бедуинки. Не помогает. Пробую попить и намочить платок. Лучше не становится. В голове всплывают профессиональные мысли о респираторах и фильтрах.

Летняя жара в промышленной зоне. На солнце 45°С,

зато в тени *всего* 37°С. Огромная лаборатория-ангар, кондиционеры есть, но они безнадежно проигрывают в неравной борьбе с израильским солнцем. Интересный, перспективный проект, но химия опасная – полимеризация органических аминов. Мой главный друг и защитник – Его Величество Респиратор, а еще очки, халат, длинные брюки, кроссовки и перчатки. В 37°С. Мое последнее московское лето отличилось недельной жарой в 30-32°С. Я не работала, лежала дома «на больничном», не в силах даже доехать до лаборатории. А здесь, на юге южной страны, происходит чудо, *обыкновенное очередное израильское чудо*. Да, мне очень жарко, но я способна и думать, и успешно работать даже в респираторе и полном обмундировании. Похоже, здесь действительно другие физические законы и всем управляет особый отдел небесной канцелярии.

Чудеса у нас случаются постоянно. Настолько постоянно, что даже те, кто не верят ни в какие чудеса, твердо на них рассчитывают. Само существование современного Израиля и его стремительное развитие от глухой провинции до хай-тековской супердержавы уже чудо. «Тот, кто живет в Израиле и не верит в чудеса, тот не реалист», – говорил Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, прагматик и атеист. Старики, воевавшие во всех войнах нашей страны, рассказывают о переломах в критических ситуациях на поле боя, которые кроме как чудом они никак объяснить не могут.

Во время «Войны в заливе» в 1991 году за 9 дней обстрелов на Израиль упало 39 советских ракет «Скад», которые повредили 4095 домов. Погиб 1 человек и 12 умерли от сердечных приступов и неправильного использования противогазов. В 2006 году во время Второй Ливанской войны в течение 34 дней на север Израиля падали десятки и сотни ракет ежедневно. Погибли 44 жителя, в том числе четверо от инфаркта, и около 100 были серьезно ранены осколками. В Хайфе 3 ракеты попали в нефтеперерабатывающий завод. Никто не погиб, даже не был ранен, а материальный ущерб минимальный. Одна ракета попала в пустую цистерну, вторая – в трубопровод, стоявший на ремонте, а третья разорвалась рядом со складом готовой про-

дукции, освобожденным незадолго до этого.

А когда в 7 часов утра на четвертом этаже соседней с нами девятиэтажки взорвался газовый баллон, разрушив два смежных этажа, сильно повредив весь дом и выбив стекла в соседних домах, *никто* не погиб.

«Философия иудаизма признает существование чуда и дает ему четкое определение», – сказал мне как-то старый раввин. – «Чудом называется явление, при котором Всевышний, в силу особых обстоятельств, временно изменяет установленные Им законы природы. Но рассчитывать на чудо человек не должен. Нужно делать все, что ты можешь сделать. Результат определит Всевышний, но с учетом намерений человека и приложенных им усилий. Так нам говорит еврейская философия».

А Большая Алия 90-х не чудо? Тогда всего за несколько лет пятимиллионный Израиль принял миллион новых репатриантов. Приехали люди без языка, без денег, без связей в стране, без знания местных реалий, но, героически преодолев серьезные трудности обустройства, начав жизнь с начала, победив себя и обстоятельства, довольно быстро «встали на ноги» и еще дали мощный толчок экономическому и технологическому развитию страны.

5.

Мой первый праздник Пурим в Израиле я встретила в городе Нетания. Для меня, тогда совсем свежей репатриантки, только что вырвавшейся из серой страшной Москвы образца зимы 1991 года, веселая доброжелательная толпа в карнавальных масках и костюмах казалась странным и непостижимым явлением из Зазеркалья.

Московская жизнь познакомила меня со смертельно опасной толпой транспортной давки, напряженной толпой у закрытых дверей магазинов, обреченной толпой очередей, уставшей после рабочего дня вечерней толпой, замерзшей зимней толпой на автобусных остановках, изнывающей скучающей толпой обязательных массовых мероприятий, грозной толпой митингов эпохи перестройки. Мое поколе-

ние видело безумную толпу фанатов на стадионах, агрессивную толпу страждущих в винно-водочных отделах магазинов, оккупирующую толпу приезжих за покупками мешочников. Два предыдущих поколения, пережившие войны 20-го века и все «ации» и «измы» власти, помнят голодные толпы хлебных очередей, обреченные толпы лагерей и гетто, несчастные толпы эвакуированных. И еще многое помнят эти героические люди. Менялись обстоятельства, но лейтмотивом толпы для меня всегда было чувство серьезной опасности.

Ощутить радость и доброжелательность карнаваль-ной толпы было для меня совсем новым, невероятным опытом. Яркие, удивительные маски Пурима были повсюду. Они кружились вокруг меня, гуляли по набережной, сидели за столиками маленьких уличных кафешек, танцевали на площадях, что-то громко и весело кричали друг другу на непонятном мне тогда, но таком дорогом языке. И впервые в жизни мне захотелось не защищаться, а *улыбаться в толпе*. Вот тогда я реально поняла великую идею переодевания. Поменяв образ и *вжившись* в него, ты изменяешься сам, и тогда меняется окружающий тебя мир, а затем и твоя судьба. Позже, изучая иврит, я узнала, что на древнем языке нашего народа слова «одежда» и «измена» – однокоренные.

6.

Турне по Северной Италии. Мой первый заграничный отпуск. Слышанные с детства названия-легенды вдруг стали реальностью. Рим, Ватикан, Флоренция, Пиза, Верона и, конечно, Венеция. Я долго стою перед огромной витриной магазина венецианских масок, и некоторые из них, сначала осторожно, а затем все смелее, рассказывают мне свои истории.

Вот знаменитая маска «чумного доктора» с характерным клювом. Она появилась во время второй пандемии чумы в XIV веке. Ее носил доктор, посещавший больных. А в клюв он клал благовония и другие защитные средства.

Такой вот средневековый противогаз. Да, конечно, «Маска, я тебя знаю!». О тебе мне впервые рассказал мой дед, когда летом 1970 года мы застряли в Одессе на карантине во время эпидемии холеры.

Мы сидели на веранде, щедро увитой диким виноградом, на темно-зеленом листе спала огромная бабочка-махаон, шумел ветер в вершинах пирамидальных тополей, и мой дед-врач рассказывал мне много-много всего связанного с массовыми заболеваниями. Эпидемии и пандемии, больные бараки и карантинные гавани, изоляции, обсервации и резервации, возбудители, носители и распространители, санации и вакцинации складывались в пеструю мозаику. И вот тут из средневековой Венеции вдруг вынырнул чумной доктор: маска-клюв, острый запах мяты, эвкалипта и еще чего-то, черный наглухо застегнутый длиннополый плащ с капюшоном, рука в перчатке сжимает палку. Ты знаешь, маска, мне, советской школьнице за «железным занавесом», и Венеция, и ее маски тогда казались такими же сказочными, как мифы Древней Греции. И я даже помыслить не могла, что однажды «железный занавес» рухнет, и я буду стоять на Большом Канале, следить за уровнем воды и держать тебя, маска, в руках. И, уж конечно, никто из нас тогда не предполагал, что через 50 лет на мир обрушится новая пандемия, ее назовут Ковид-19, и полмира будет заперто на карантине, а маска станет главным элементом наряда. Правда, далекий потомок венецианки будет совсем другим: мягким, закрывающим только нижнюю часть лица. И потеряет свой теперь уже ненужный клюв, потому что в 21-ом веке никто не будет отпугивать коронавируса благовониями.

Да никто тогда вообще не поверил бы, что понятия «21 век» и «пандемия» в смысле «всемирное инфекционное заболевание» могут быть связаны. Нам всем тогда казалось, что 21-й век, первый век нового тысячелетия, наследник и продолжатель научно-технической революции, *должен* быть благополучным, тем более в вопросах медицины. А страшный 20-й век, уходя и закрывая этим тысячелетие, унесет с собой все катастрофы и несчастья, которые он жестоко обрушил на головы пяти поколений. «Ты еще будешь

жить в 21-м веке, а я уже нет» – сказала мне как-то бабушка.

Очередь в музей Ватикана поначалу кажется бесконечной, но все-таки движется, и спустя пару часов мы попадаем внутрь в распоряжение экскурсовода. Передо мной оживший художественный альбом «Музеи Ватикана», дорогая мне книга моего школьного детства, которую я очень хотела иметь. И я честно заработала ее у родителей годичным отказом от мороженого и шоколада. Альбом был очень дорогим, но дело было не только в деньгах. Заключая со мной такой договор, мой мудрый отец научил меня выдержке, целеустремленности, партнерским бизнес-отношениям, умению управлять своим «хочу». Сколько раз в жизни мне пригодился этот урок!

И вот теперь я среди реальных предметов! Однако толпа заслоняет все. Она течет через бесконечную анфиладу залов, как опасная река через пороги, образуя водовороты и заторы в узких местах. Остановиться, чтобы сосредоточиться на экспонате и ощутить его магию, невозможно. Охранники и экскурсоводы гонят толпу с заданной скоростью. Им нужно пропустить поток. На подступах к Сикстинской капелле чувствуешь себя зажатой в давке московского метро в час пик, когда кажется, что на тот свет ближе, чем к выходу. А в самой Капелле просто ничего не рассмотреть: в зале полутьма – для защиты росписей, – и черно от набившейся толпы.

7.

По страшной иронии судьбы сокровища музея Ватикана окажутся наиболее доступны без помех в 2020-2021 годах во время всемирного бедствия. Пандемия Ковид-19 ограничит любые массовые сборы людей, закроет все музеи и театры, многие производства, школы и университеты, почти перестанут летать самолеты и ходить поезда, прекратится туризм, сильно пострадает экономика целых стран, деловые и семейные связи. Счет умерших пойдет на миллионы, а заболевших – на сотни миллионов. Карантин, са-

моизоляция, социальная дистанция, индивидуальные средства защиты станут лозунгами времени. И вот тогда среди этого хаоса, массовой безработицы, безденежья, отчаяния, депрессии и страха перед неопределенным будущим, ведущие музеи, театры и концертные залы вооружатся компьютерными технологиями и распахнут свои двери для широкой публики в интернете на домашних компьютерах. Спектакли прославленных театров, концерты виртуозов, авторские экскурсии, уникальные уроки и всевозможные курсы online, причем бесплатно или за символическую цену. Говорят, когда стреляют пушки, музы молчат. Неправда! Смотря какие пушки и какие музы.

«Во всем плохом нужно искать хорошее», – говорила когда-то моя прабабушка. Образование, развлечения и путешествия «из дома», как оказалось, имеют свои преимущества. Абсолютная доступность в любой выбранный момент, включая то, что раньше было недоступно по деньгам, силам, расстоянию или времени; высокая иллюзия реальности, обеспеченная профессиональной съемкой. Возможность остановить представление в любой точке, вернуться назад или пройти вперед, послушать или посмотреть «на бис» сколько и когда хочешь; увеличить или уменьшить изображение и даже повернуть его под углом, чтобы рассмотреть в мельчайших деталях и подробностях или впечатляться общей картиной по своему желанию; подобрать индивидуально подходящую громкость и еще многое другое. Благодаря программе Zoom сотни слушателей собираются там, где раньше собирались единицы на домашних уроках-кружках, больше не вмещавших. Взрыв юмора на тему Ковид-19 бьет мощным фонтаном на просторах интернета как средство от страха и депрессии. А недостаток общения в условиях вынужденной самоизоляции частично компенсируют программы Zoom, Skype и WhatsApp. Хоть суррогатное, но все же личное общение.

Вот такая у нас получается пандемия, самая информативная и технически оснащенная в истории человечества. А кое в чем, похоже, и самая веселая. Такая вот и **ЗУ-Мительная** жизнь, очередной пир во время чумы. На этот раз виртуальный, образца 21-го века. Глобальный пир во

время глобальной чумы.

Наш город объявлен красной зоной. Ковид-19 добрался и к нам тоже. Строгий карантин. Выход из дома разрешен только на расстояние не далее 1 км, а само мероприятие опасно. Оно требует специальной подготовки, как выход в космос, и возможно только в специальном обмундировании. Получение посылки на почте превращается почти в задание спецназовца в горячей точке: маска закрывает нос и рот, прозрачный экран защищает лицо, резиновые перчатки, спиртовые салфетки, изолирующий пакет для посылки. Но, в отличие от спецназа, строгое и повсеместное правило: максимально ограничить контакты с людьми. Почтальон, принеся заказное письмо, просовывает его в дверную щель и не требует расписаться в получении. Посылный, доставивший заказ из супермаркета, оставляет сумки снаружи двери, звонит и убегает. Немногочисленные прохожие на улице, увидев друг друга, стараются разминуться на расстоянии в несколько метров. Совсем новая ментальность. Для нашего народа противоестественная.

Где ты, наш теплый, открытый и общительный Израиль? По-восточному крикливый, непосредственный и бесцеремонный, часто нетерпеливый и балаганный, но такой домашний и свой.

Удивительным образом запрет собираться вместе группами больше 10 человек не распространяется на политические митинги и демонстрации. Опять очередные внеочередные выборы в Кнессет. Опять евреи не могут договориться друг с другом и создать стабильное работоспособное правительство. Четвертая попытка за два года. И опять как обычно: где два еврея, там три мнения и четыре партии. На митингах и демонстрациях ограничить контакты с людьми и эффективно соблюдать социальную дистанцию практически невозможно, да и маски многие носят на подбородке, а то и на руке. А в неспособности остановить эпидемию обвиняем правительство. Кого обманываем, друзья?

8.

Наше семейное предание гласит, что мое знакомство с этим миром когда-то началось именно с марлевой маски и ограничения контакта с людьми. «Снимите намордник, мамаша!» – говорит моей маме старый педиатр, доктор Жолковский, добрый доктор Айболит, которого боготворят все мамочки в городе. Выученик старой школы, доктор Жолковский обычно не назначал кучу анализов и инструментальных исследований, как это делают современные молодые врачи, а приходил с деревянным фонендоскопом, каким когда-то пользовались земские лекари, тщательно осматривал ребенка: слушал, простукивал грудь и живот, заглядывал в горло, осматривал язык, мям живот, обращал внимание на цвет и влажность кожи, проверял реакции и еще какие-то ему известные симптомы, а затем ставил диагноз, давал лечение и решал проблему. Мне еще нет и месяца, и моя мама, охраняя своего единственного долгожданного ребенка, никого ко мне не подпускает, а сама постоянно носит марлевую маску. «Снимите маску, мамаша, и отдайте ее мне. Сейчас же», – требует доктор Жолковский. Он может требовать. Вера и власть взаимосвязаны.

Через много-много лет в отделении интенсивной терапии городской больницы я буду стоять у маминой кровати, и маски будут на нас обеих. На мне обычная медицинская, а на мамином лице – кислородная, обеспечивающая дыхание. «Мама, ты слышишь меня через маску?» – спрашиваю я. Да, она слышит и понимает. Мама в полном сознании, ее голова светла. Мы ободряем друг друга, но обе знаем, что это уже конец. Наш совместный круг замыкается. Мама привела меня в этот мир и встретила в маске, а теперь я провожаю ее отсюда, и в масках мы уже обе. Правда, за эти годы марлевая повязка уступила место высокотехнологичному «гаджету». Жизнь меняет вещи.

9.

Когда случается что-то серьезное, философия иудаизма требует задать себе два вопроса: «За что это?» и «Для чего это?» А я хочу спросить: «Почему?»

Известно, что в этом мире все имеет свою цену, и количество переходит в качество, но почему платить нужно страданием? Почему Ты, Господи, осудивший и запретивший человеческие жертвоприношения, позволяешь за качественные скачки платить миллионами жизней? После средневековой чумы, когда почти целиком вымерли целые селения, в Европе началось бурное строительство городов и развитие производств. Шесть миллионов погибших в катастрофе евреев способствовали возрождению государства Израиль. Пандемия Ковид-19 с ее более чем 150 млн. заболевших и тремя миллионами умерших стимулировала такой расцвет цифровых технологий, что виртуальная реальность победила реальную жизнь. Почему это должно быть так? И для чего?

10

Маски карнавальные, медицинские и кислородные, респираторы и противогазы, влажные тканевые повязки, лицевые щитки и защитные экраны...

Намордники всех видов и мастей кружатся в замысловатом хороводе. Мы называем его жизнью.

Еврейская овчарка

Маленькая дочка моего сотрудника на свой пятилетний день рождения просила у родителей в подарок собачку или братика. Они подумали и завели братика. Я не знаю, задумывались ли мои родители о братике, но собаку моя мама хотела всегда. Несколько лет подряд мы ходили на ежегодные выставки московского клуба собаководов,

выбирали породу, познакомились с миром собак и собачников. Клуб служебного собаководства, охотничьего, декоративного. В общих требованиях к породе мы были единодушны: крупная, длинношерстная, добрая, общительная, легко дрессируемая. Но какая именно? Тут наши мнения расходились. В конце концов, договорились о королевском шнуровом пуделе из клуба служебного собаководства – самом крупном из 4-х разновидностей пуделей, высотой до 60 см в холке и средним весом 25 кг с длинной мягкой шерстью, закрученной в красивые толстые шнуры. Именно поэтому этот вид пуделей называется шнуровой, а королевский, потому что в древние времена таких собак держали только королевские особы. Был выбор из трех окрасов: черный, белый и коричневый. Мы выбрали черный.

Замечательная умная собака, интеллигентная, веселая, энергичная, инициативная, всем интересующаяся и постоянно желающая учиться новому, настоящий компаньон. К тому же не пахнет и не линяет, правда, нужно регулярно расчесывать и стричь. И еще красавица, спортсменка, комс... Впрочем, стоп. Что-то я увлеклась... Оформили в московском клубе покупку щенка, получили родословную и заплатили заводчице треть месячной зарплаты инженера за тридцатидневный четырехсотграммовый черный комочек, который мама положила во внутренний карман шубы. Был конец зимы, было еще холодно. Так началась эта история длиною в одиннадцать лет. Одиннадцать лет каждый день собака приносила в дом душевное тепло, свет и радость.

В десятимесячном возрасте, как и положено служебным собакам, мой пудель поступил в собачью школу. Я при нем. Классы сборные: собаки всех пород, хозяева всех возрастов. С королевским пуделем я одна. Требуется освоить две академические степени: общий курс дрессировки и защитно-караульную службу. С первой никаких проблем нет. Как раз наоборот. Обоюдное развлечение и удовольствие. Занимаемся в школе, а дома повторяем во время каждой прогулки, и через два месяца сданный на отлично экзамен, медаль и диплом 1-ой степени. Теперь я понимаю, почему именно пуделей так любят показывать в цирке. Вы-

сокий интеллект этой собаки ищет регулярной умственной нагрузки, а потребность в постоянном контакте с человеком делает любую совместную деятельность счастьем. Пудель любит общаться с людьми больше, чем с собаками, а потому при дрессировке в группе не отвлекается на других собак. Учится с интересом, творчески, схватывает все на лету. Один раз показываешь-объясняешь, второй раз делаешь с собакой, на третий раз пудель делает сам. На морде написано счастье: замечательную игру ты придумал, хозяин! И все: команда выучена, можно переходить к следующей. Я смотрю на другие пары хозяин-собака в нашем классе и вижу, что для многих это подчас тяжелая, а для собак вынужденная, работа.

А вот со второй степенью пришлось труднее. В характере пуделя заложены послушание и любознательность, он всегда готов учиться новому и рад выполнить команду хозяина, поэтому научить такую собаку можно практически всему. Но есть вещи, которые не совсем в его стихии. Из всего курса защитно-караульной службы только три команды вызвали у моей собаки сложности освоения: обыск местности, задержание преступника и буксировка лыжника.

При обучении обыску местности нужно было по запаху найти вещь хозяина. Для этого хозяева отдавали инструктору группы несколько своих вещей, обычно от одной до трех, инструктор складывал их у себя на какое-то время, а затем постепенно незаметно разбрасывал вокруг. Такой вот собачий афикоман. Затем собак выпускали, и каждая должна была найти и принести «свою» вещь. По обонянию пудели уступают некоторым другим породам, и поначалу дело шло туго, причем, к моему удивлению, не только у моей собаки, но даже у собаки породы доберман-пинчер, известной как чемпион по вынюхиванию. Но хитрый пудель быстро нашел решение, воспользовавшись своей природной наблюдательностью и прекрасной памятью. Пока хозяева отдавали инструктору свои вещи, их собаки валялись на земле, кто-то понуро сидел рядом, кто-то задевал соседа, а кто-то выпрашивал у хозяина лакомство. Моя собака, не отвлекаясь, смотрела, что именно я отдаю, а затем долго и внимательно следила за инструктором, запоминая,

где он прошел, что и когда делал, в каких направлениях бросал. И когда собак, наконец, выпускали искать, они хаотично носились по округе, нападая или нет на след и находя или нет, в конце концов, свою вещь. А пудель помнил примерное направление и методично обыскивал определенные районы, успешно находя искомое.

С буксировкой лыжника не получалось ничего. Находчивый пудель быстро сообразил не бежать впереди лыжника, проваливаясь в рыхлый снег, а встать позади лыжника и наступать на лыжи. К счастью, по какой-то причине буксировку вскоре вообще убрали из программы курса, и к экзамену проблема рассосалась сама.

А вот с задержанием «преступника» пришлось повозиться. Собака не понимала, *зачем* нужно бросаться на огромный бегущий ватник, кусать его и заваливать на землю. Никогда ничего плохого от людей она не видела. В идеологии пуделя абсолютное дружелюбие и преданность человеку как обожаемому компаньону. И когда ватник, излучая агрессию, начал пинать ее ногами, собака опешила и обиделась. Ее мир перевернулся. Произошла невозможная, дикая с ее точки зрения, вещь. С каждым новым занятием я видела, как мой веселый доброжелательный товарищ все больше звереет и все легче бросается на человека по команде «фас». Я читала, что за свою длинную историю королевские пудели были и пастухами, и охотниками, и телохранителями, но я впервые видела перед собой нервозного озверевшего пуделя. Это была не наша собака. Напряжение при виде приближающегося человека, наморщенный нос, приподнятая верхняя губа, так что видны верхние зубы, а по ночам страшный утробный вой во сне. Наверное, так выла собака Баскервилей. Тоже большая, черная и лохматая, как наш в то время не стриженный пудель. Нужно было срочно что-то делать. Нужно было спасти собаку. И мы ушли из этой школы.

Как раз началось лето, и мы уехали на все 3 месяца в Подмоскowie на нашу дачу, полностью поменяв обстановку, людей и деятельность. Гуляли в лесу, собирали грибы и шишки для самовара, купались в речке. Я показала собаке чернику в лесу и научила есть прямо с куста, а не

ждать, пока я соберу и дам ей с ладони. А умный пудель обобщил этот навык и сам научился объедать кусты смородины и даже колючего крыжовника на нашем дачном участке. Моя бабушка, которая была категорически против покупки собаки, говорила: «Ну это же человек. Все понимает». А осенью мы сдали этот экзамен экстерном в аналогичной собачьей школе другого района Москвы, получив медаль и оценку «хорошо», а не «отлично» за ошибки при задержании преступника. «У тебя умная работоспособная собака, и у тебя с ней полный контакт. Еще позанимаешься, и сможешь со следующей группой пересдать на «отлично» – сказал мне экзаменатор. Но я не воспользовалась этой возможностью. На этом официальное высшее собачье образование было закончено с результатом «отлично» + «хорошо». Для клуба это было вполне прилично, а нам нужен был друг-компаньон, а не сторож-телохранитель.

И вот первая выставка. В Измайловском лесопарке собрались толпы: собаки всех пород и разных возрастов, их хозяева, часто со всем семейством, кинологи, потенциальные будущие собачники, пока только присматривающиеся, как мы когда-то, и, конечно, просто любопытствующие зрители, гуляющие в парке. Мы, естественно, на ринге королевских пуделей: регистрация, измерения, проверка прикуса, оценка экстерьера и породных признаков. Это важно клубу для разведения и сохранения породы. Мимо ринга бредут два подвыпивших бомжа, ищут в этом лесопарке пустые бутылки. «Еврейские овчарки», – вопит один из них. Я смотрю на собравшихся на ринге людей. Действительно, многие «не совсем славянской внешности». Некоторых из них я знаю по предыдущим встречам в клубе. Ученый из физического института, патентоведы из патентного бюро, юрист, два сотрудника шоу-бизнеса. И есть что-то неуловимо общее между собравшимися здесь людьми и собаками.

Собачий заяц и его превращения

Проездные билеты бывают самые разные: разовые и

абонементы, на один вид транспорта и на несколько, бумажные и пластиковые, именные и на предъявителя, с фотографиями и без, льготные для детей и пожилых. Но это все билеты для людей. А как быть с крупными собаками? Иногда это становилось непростой задачей. В междугородних поездках было попроще. В принципе провоз животных в намордниках и на коротких поводках разрешался. Нужно было взять справку от ветеринара о том, что собака здорова и получила прививки от чумки и бешенства, и с этой справкой в билетной кассе купить билет-разрешение на провоз собаки в поезде дальнего следования или в самолете. Мои друзья для себя и своего сенбернара вынуждены были покупать отдельное купе в поезде.

Однажды в самолете Одесса-Москва моей соседкой оказалась пожилая дама с карликовым пуделем на руках. Пуделя звали Чапа. «Животных провозят в багажном отделении», – сказала даме стюардесса. «У него есть билет», – возразила дама и показала разрешение. «Чап Борисович Левинталь», – удивленно прочла стюардесса. «Левинталь – это наша фамилия», – объяснила хозяйка.

В кассах пригородных электричек продавали специальные «собачьи» билеты, кстати, очень дешевые, но контролеры их обычно не спрашивали, и поэтому их, как правило, никто не покупал, во всяком случае, в подмосковных электричках. Собак возили без билетов, «зайцем», как тогда это называлось. Я хорошо помню нашу первую поездку с собакой на дачу и удивление контролера, когда я, купив по неопытности собачий билет, предъявила его. Позже от других собачников мы узнали, что в электричках собачий билет покупать не обязательно. Действительно, я не помню случая, чтобы контролер попросил кого-нибудь предъявить билет на собаку или попросил хозяина с собакой покинуть вагон.

Зато серьезные трудности были в городском общественном транспорте, во всяком случае, в Москве было сложно. И городская власть, и водители, и пассажиры, мягко говоря, «не приветствовали» таких попутчиков, причем, бывало, в самой категоричной форме. Про метро даже разговора не было: однозначное «вето». А вот стоя с собакой

на остановке городского автобуса, трамвая или троллейбуса, я могла гадать: «заметят-не заметят, пустят-не пустят, выгонят-не выгонят». Собаки – не люди и ежедневно на работу не ездят, но иногда по делам все же приходится: то к ветеринару, то в школу или в клуб, то на выставку, то на дачу. Сегодня личные автомобили распространены, а тогда, в Москве 70-х – 80-х годов, они редко у кого были. Но даже те, у кого были свои машины, зимой старались не ездить и в основном ставили свои авто в гаражи с конца осени до середины весны. Оставался городской транспорт.

К каким только ухищрениям я ни прибегала, пытаюсь незаметно проникнуть с собакой в вожденный автобус или трамвай и удержаться в нем. Бывало, мы прятались в ожидании за ближайшим углом, чтобы ни пассажиры, ни водитель подъезжающего транспорта нас не заметили раньше времени. В автобусе я старалась заслонить собаку собой или пристроить ее между кассовым аппаратом и стенкой или скрыть каким-либо другим образом. Я объясняла людям, что это пудель, самая умная и дружелюбная собака. Я вспоминала пуделя Артемона из сказки про Буратино, белого пуделя Куприна, цирковых пуделей, но меня не хотели слушать. Несколько раз я пробовала надевать собаке намордник, но это только ухудшало положение. Люди воспринимали намордник как свидетельство злобности и агрессивности собаки. Очень часто нам везло и удавалось беспрепятственно добраться до места. А бывало, приходилось по два-три раза менять транспорт.

Решение пришло само и случайно. Было принято приводить собак на выставки, надев на них полученные ранее медали. Медали были большие, металлические, и, когда их собиралось сколько-то, они вместе становились довольно тяжелыми. Чтобы собаке было удобно, медали обычно нашивали на мягкий тканевый нагрудник, выкроенный по объему шеи и ширине груди собаки. Именно такой нагрудник мама сшила из красного вельвета, и однажды, собираясь на выставку, я надела его на собаку еще дома, чтобы случайно не забыть. Этот нагрудник с медалями оказался мастер-ключом и универсальным единым проездным билетом. С ним пускали повсюду: в транспорт, в

магазины, в библиотеку, в мастерские и ателье и даже раз пустили в аптеку, когда однажды, в силу обстоятельств, я оказалась там с собакой. На фоне черной собаки ярко-красный нагрудник с множеством «золотых» медалей производил магическое действие. Видимо, сказывалось воспитанное в народе уважение к медалям и заслугам, даже к собачьим.

А для любопытного компанейского пуделя открылись новые горизонты. Поездки и походы превратились в дополнительные развлечения. Он жадно исследовал новые места, уверенно становился центром доброжелательного людского внимания и наслаждался новым общением с человеком.

По ассоциации мне вспоминаются две любопытные картинки с собаками, которые я как-то подсмотрела в московских троллейбусах. Вечер, народу немного, привычной давки нет. Два молодых пограничника везут служебную собаку – огромную красавицу немецкую овчарку. Грозный страж священной государственной границы полностью потерян в незнакомой пугающей обстановке, его не спасает даже сопровождение двух близких, знакомых людей. Овчарка дрожит от страха мелкой дрожью, припадает на задние лапы, в глазах ужас, хвост зажат между задними лапами. Жалобное поскуливание временами переходит в завывание отчаяния. Да, здесь вам не государственная граница. Это – городской троллейбус, гражданин начальник.

Как-то вечером я возвращаюсь из института. Небольшая одинокая дворняжка, то ли бездомная, то ли до-машняя, из тех немногих собак, кого хозяева выпускают гулять самостоятельно, спокойно и уверенно зашла в троллейбус через заднюю дверь, нашла себе укромное место за кассовым аппаратом на задней площадке и, проехав две остановки, спокойно вышла. Видимо, прибыла на место. Совсем как обычный пассажир-человек, правда, «зайцем», как безбилетный пассажир.

Основной инстинкт

Интеллект пуделя, его способность творчески мыслить, принимать правильные решения и инициативно действовать в незнакомой ситуации использовались даже в полиции Западной Германии, а однажды спасли мне жизнь.

В Москве напротив нашего дома был парк и в нем довольно большой пруд, который зимой, понятно, замерзал. А в соседнем доме жил спортсмен, который зимой делал себе прорубь во льду и каждое утро окунался в ледяную воду. Таких людей тогда называли «моржами». Рано утром еще затемно этот морж выходил из дома с топором, делал несколько кругов бегом вокруг пруда, а затем рубил топором лед, намерзший в проруби за ночь, чтобы добраться до воды. Отколотые льдины он складывал вокруг по периметру отверстия, и они примерзали к отколотым накануне. Так вокруг проруби намерз довольно солидный валик из остроконечных ледяных обломков. А я каждое утро гуляла в этом парке с собакой и регулярно наблюдала за этим действием. Меня не удивлял сам факт моржевания. Таких людей в то время в Москве было какое-то количество. В городском лесопарке Сокольники даже работала секция моржей, и каждое воскресенье, гуляя с собакой, я видела там группу в 8-10 человек. Меня интересовало другое: неужели за сутки свежий лед становится таким прочным, что его нужно рубить топором. И вот однажды я вывела собаку совсем рано, чтобы успеть проверить прочность льда до прихода моржа. Любопытство и безоглядная самоуверенность молодости!

Прорубь, понятно, замерзла за ночь. Я осторожно потрогала лед одной ногой. Он выдержал. Я встала на него двумя ногами, и он выдержал мой вес. И тогда я подпрыгнула, а опустилась, пробив ногами лед, уже в ледяную воду. В последний момент каким-то чудом я успела ухватиться за намерзшие вокруг проруби обломки льда, а потому ушла в воду не полностью, а только ниже пояса. Что мне было делать? Помощи ждать неоткуда. Декабрь, раннее утро, парк, вокруг совсем темно и никого нет, да и быть не может. Даже звать на помощь бессмысленно. Я попробова-

ла подтянуться на руках, но сил на это не хватило. Положение становилось серьезным. И тут я почувствовала, что какая-то сила поддерживает меня, помогая не уйти глубже в воду. Мой пудель, которого никто и никогда не учил спасать людей из проруби, встал на краю проруби, ухватил меня за шубу и, упираясь в ледяной валик, изо всех сил тянул меня на себя. Королевский пудель – собака крупная, но не сильная, и, конечно, вытащить меня она не могла. Но то, что она сообразила тянуть меня в правильном направлении, остановило дальнейшее погружение и позволило мне, цепляясь за ледяные обломки и перебирая их руками один за одним, постепенно вылезти каким-то чудом.

Вскоре оказалось, что закон парности случаев справедлив и для чудес. Будучи совсем не спортивной и абсолютно не тренированной, я не только выбралась из проруби, но еще и не заболела после этого, даже не простудилась. Удивляясь, я пыталась понять, каким образом могло произойти такое двойное чудо. Я слышала о работах московского института медико-биологических проблем, где изучали скрытые возможности человека в экстремальной ситуации. В обыденной жизни человек использует совсем небольшую часть своих физических и психологических сил, обычно 5-10 %, и думает, что это его предел. При угрозе жизни инстинкт самосохранения мобилизует весь потенциал и выключает в сознании человека убеждение в своих ограниченных возможностях. Раздумывая о том, что тогда произошло, я поняла, что в минуту реальной опасности мне не было особенно страшно. Была одна четкая мысль: что делать. Вопрос «могу ли» не стоял. Страх пришел потом, когда опасность миновала, и я уже была дома.

В том, что инстинкт самосохранения способен на невероятное, я убедилась еще раз через пару лет после той истории с прорубью. Мы часто гуляли в лесопарке Сокольники, куда каждый год весной прилетали дикие утки. Они проводили лето на местных прудах, выводили птенцов, учили их плавать и летать, а поздней осенью исчезали. То ли улетали в теплые страны, то ли оккупировали соседний зоопарк.

Наша собака, видимо, помня о том, что в 19-ом веке

королевских пуделей использовали при охоте на водоплавающую дичь, считала, что все утки должны сидеть в пруду. По ассоциации вспоминается легендарный Жеглов: «Вор должен сидеть в тюрьме». Наша собака никогда не смотрела телевизор и ничего не знала о фильме «Место встречи изменить нельзя», но методологически она была согласна с Жегловым. Она обегала по периметру каждый пруд и тщательно сгоняла всех уток в воду, не пропуская пытавшихся остаться на берегу или вылезти из воды обратно на берег. И вот однажды, с азартным лаем преследуя особо непокорную утку, собака по инерции оказалась вслед за уткой в воде. Была поздняя осень, и было уже довольно холодно. Собака промокла насквозь. Я испугалась, что она простудится, и мы побежали домой. Бежать было далеко: через парк, затем по железнодорожному мосту и еще два больших квартала по городу. Чтобы сократить расстояние, я бросилась напрямик через железную дорогу мимо группы каких-то выпивающих мужиков. Я торопилась домой и не думала, что днем в центре Москвы какие-то случайные мужики, к тому же занятые святым для них делом, могут представлять опасность. И ошиблась: обращенный ко мне мат, перекошенное злобой лицо и летящий в меня деревянный ящик с торчащими ржавыми гвоздями, а затем красный туман перед глазами. В следующий момент я обнаружила себя прижимающейся спиной к какой-то стене, на руках у меня мокрая собака, мы обе невредимы, а вокруг тишина и никого. Значит, сама того не осознавая, вслепую, ведомая лишь инстинктом, я сумела увернуться от ящика, схватить на руки 27-килограммовую собаку и убежать в безопасное место. Инстинкт самосохранения в стрессовой ситуации. «Убегая от бешеной собаки, перепрыгнешь через двухметровый забор. Есть такая народная мудрость», – сказала нам как-то в школе учительница, объясняя что-то из классической литературы.

Робинзоны 20-го века

Когда мне было двенадцать лет, а нашей собаке

всего четыре месяца и, как для всякого щенка, рожденного в конце зимы, реально стояла угроза рахита, родители взяли палатки, и мы выехали на весь летний, почти месячный, отпуск на Волгу. В какой-то деревне взяли напрокат весельную лодку и нашли абсолютно дикое место в протоке реки. На узкой песчаной полоске шириной метров десять между лесом и водой поставили две палатки. В одной – родители, в другой – я со щенком. Река, солнце, лес с черничным ковром, изредка проплывающие мимо лодки. Топор, фонарик и маленький транзисторный приемник на батарейках. Мобильных телефонов тогда еще не существовало даже в самых смелых фантазиях.

Однажды вечером родители решили попробовать купить рыбы у местных рыбаков. Их артель мы заметили примерно в сорока минутах гребли от нас, когда плавали на лодке по Волге, знакомясь с окрестностями. Мы с собакой остались в лагере. Стемнело, наступила ночь, и прошло несколько часов в темноте, но родители не вернулись. Это уже было странно. Я старалась не думать о плохом и поддерживала себя мыслью: что-то задержало их у рыбаков. Может быть, рыбаки вернулись с вечернего лова позже обычного, может быть, пришлось ждать, пока они рассортируют улов, может быть, еще на что-то понадобилось время... По крайней мере, родители там с людьми, не одни, успокаивала я себя. А вот мы были одни, и уже становилось страшно.

«Зажги огонь», – сказал внутренний голос. «Наоборот, в темноте безопаснее», – возразила я. Никто, кроме родителей, не знает, что я здесь. Если и есть какой-то злоумышленник в лесу или на реке, он меня не обнаружит. Нужно сидеть тихо и не привлекать к себе внимание. Так делают в природе все детеныши, когда родители оставляют их, уходя на охоту. «Разведи костер!», – приказал внутренний голос, не снисходя до полемики.

Я сидела в кустах и оттуда смотрела на ярко горящий костер. Рядом спала собака. Я думала о том, что мое положение несравненно лучше, чем было у Робинзона Крузо. Есть огонь, запас еды, палатка, со мной собака, и я нахожусь не на острове в океане, а хоть и в безлюдной про-

токе, но все-таки на Волге, великой русской реке, в непосредственной близости от людей. Мое местоположение известно моим родителям, и они за мной придут, когда смогут. Главное, чтобы они сами были невредимы. О том, что они тоже могут быть в опасности, я старалась не думать. Сейчас моя задача – не бояться и благополучно дожидаться утра. Может быть, завтра утром или днем в эту протоку кто-нибудь заплывет.

Спустя какое-то время я вдруг услышала плеск весел, а собака бросилась к воде и залаяла. А вскоре я уже обнимала маму, а отец хвалил меня за спасительную инициативу изобразить маяк. Оказалось, что, возвращаясь от рыбаков в сгущающихся сумерках, они увидели большую красивую заводь с целым ковром кувшинок, в которой мы еще не были, и решили разведать, чтобы завтра показать ее мне. Выбираясь из заводи уже в полутьме, они свернули не в ту протоку и заблудились, быстро оказавшись в полной темноте. Пытаясь выбраться из бесконечного лабиринта проток и заводей, отец греб наугад в направлении, которое казалось ему предпочтительным. Но, как говорила моя бабушка, в каждом плохом нужно искать хорошее. Они не сели на мель, не напоролась на корягу, не повредили лодку, и их не отнесло на большую воду фарватера, где проходящие катера и моторные лодки представляют смертельную опасность для маленькой никак не освещенной весельной лодочки. И вот в какой-то момент мама заметила костер. Значит там берег, там люди; и они поплыли на огонь.

Театр одного актера

Когда мне нужно было развлечь гостей, а самой срочно отлучиться на кухню или к телефону, я ангажировала мою собаку. Пудель – веселая контактная собака и не выносит, когда человек его игнорирует, а потому мой пудель с восторгом давал сольное представление, наслаждаясь вниманием людей. Работал на публику, как говорил мой отец. Пятнадцать минут собака держала аудиторию, не давая зрителям отвлечься ни на минуту.

Идея спектакля была моя, а либретто, постановка, режиссура и актерское исполнение – целиком собаки. Настоящий театр одного актера, режиссера и драматурга в одном флаконе. Идея родилась у меня случайно из подмеченного факта. Большой любитель поесть, наш пудель ел все и всегда, что и когда ему давали, кроме... варенья. Почему именно варенье и только варенье подверглось такой дискриминации, я объяснить не могу. Казалось бы, наоборот, сладкое должно было быть в приоритете. Но, как говорится в одном анекдоте про урок русского языка в некоей национальной школе, понять это невозможно, это нужно просто запомнить.

Завязка представления была очень простой: я намазывала на хлеб варенье и клала этот «бутерброд» на пол посреди комнаты вареньем вверх. А дальше собака пыталась перевернуть эту конструкцию и объесть сверху хлеб. Это было очень интересно и смешно наблюдать. Собака поддевала бутерброд носом, он скользил по полу, но не хотел переворачиваться. Она осторожно трогала его лапами, поочередно то одной, то другой, делая выразительные паузы между касаниями и оценивая реакцию противника. Она хватала его зубами, но выпускала, почувствовав во рту не любимое варенье. И тогда она прыгала вокруг него, припадая на передние лапы и смешно фыркая. Она скребла передними лапами по полу, как-бы выкапывая яму перед бутербродом, в надежде, что, падая, он перевернется, как и положено приличному бутерброду. Она страшно рычала и мотала головой со своими огромными развевающимися ушами, пытаясь его испугать. С каждым новым представлением репертуар расширялся. Собака придумывала все новые и новые трюки. Так, убедившись в бесплодности попыток, она злобно облаивала бутерброд и быстро пряталась за кресло, а затем выглядывала оттуда, проверяя, не изменилась ли обстановка. В другой раз она начинала методично обходить зрителей, заглядывать каждому в глаза и, виляя хвостом, негромко поскуливать, как бы жалуясь на несправедливость жизни. Бывало, она приносила бутерброду свой мячик или резинового утенка, очевидно, предлагая бартер.

Развязка представления всегда была счастливой. Я поднимала зловредный бутерброд, счищала варенье и, под восторженные аплодисменты зрителей и крики «браво», отдавала счастливому актеру его гонорар – честно заработанный хлеб.

Тяни-толкай

За последние полвека стандарт на королевских пуделей менялся несколько раз, особенно по части окраса, длины хвоста и формы стрижки. Когда родилась наша собака, хвосты щенкам не купировали, в том числе щенкам шнуровой разновидности, и шерсть на хвосте не стригли совсем, а на ушах только скругляли и подравнивали, придавая форму. И вот, когда наш шнуровой приятель вырос и повзрослел, то стал обладателем такого огромного тяжело-го хвоста, что его приходилось носить, закидывая на спину. Просто какой-то тяни-толкай: с двух концов по огромной черной копне шерсти, из которых одна – хвост, а вторая – голова с большими висячими мохнатыми ушами.

Как-то мы гуляем в парке. Мимо проходит женщина с ребенком. «Это медвежонок?», – спрашивает малыш. «Нет, собака», – отвечаю я. «А голова у нее спереди или сзади?», – интересуется любознательный мальчик. Да, действительно непонятно!

Кто кого переест?

У моей подруги был кот. Обычный домашний кот среднего размера и, похоже, беспородный, но большой любитель поесть. Нет, даже не любитель, а профессионал. Он не был гурманом, не выбирал лакомые куски и не требовал чего-то особенного. Он просто всегда был готов есть и ел один раз в сутки: с утра до вечера. Причем с самого раннего утра до самого позднего вечера с краткими перерывами на сон и заслуженный отдых. Он ел все: любую рыбу, мясо, молочное, хлеб и даже простую вареную картошку без мас-

ла.

Никаких готовых кормов для домашних животных в Москве конца 20-го века даже не знали. Исключением был только корм для аквариумных рыбок и изредка что-то для птиц в зоомагазинах. Владельцы кошек и собак кормили своих любимцев тем же, что ели сами. Или почти тем же, например, мясо и рыбу старались давать не столько вареными, сколько сырыми. И еще нужно было хорошо побегать по магазинам, чтобы это купить. Приехав в Израиль в 1991 году, я поразилась тому, что даже в обычных супермаркетах есть огромный выбор и для кошек, и для собак. Есть сухой корм в гранулах с разным вкусом, есть мокрые консервы со вкусом говядины, курятины, печенки и еще чего-то. Есть специально для щенков, для взрослых собак, причем отдельно для мелких и крупных, есть для беременных сук, для щенных сук. А в зоомагазинах есть вообще все для всех, включая специальный корм для ящериц и южноамериканских морских свинок.

Моя собака тоже была крупным специалистом по еде и ела все, кроме варенья. И вот однажды зимой мы с подругой решили устроить конкурс обжорства в номинации «сырая рыба». Купили филе под названием «спинки минтая». Подобрали спинки примерно одной длины и объема и для справедливости еще подравнивали их по линейке. Выдавали каждому из конкурсантов по одной рыбке, а затем по следующей по мере съедения предыдущей. После пятой рыбки моя собака молча вышла из кухни, а кот остался и продолжал активно интересоваться действительностью. Обращаю внимание читателя, кот был среднего кошачьего размера, а собака 27-ми килограммовая. Мы признали собаку сошедшей с дистанции и засчитали ей техническое поражение, а коту выдали шестую рыбку. Он съел и приступил к седьмой. Однако тут дело застопорилось. Кот подошел к батарее отопления и попытался на нее запрыгнуть. Но это ему не удалось, живот сильно перевершивал. И тогда этот сообразительный кот перевернулся на спину и засунул живот под теплую батарею. Прошло примерно полчаса, кот дремал и грел живот под батареей. Затем встал, вернулся к начатой рыбке и доел ее! Давать ему

восьмую рыбку мы побоялись. Так кот стал абсолютным победителем местного значения, но ни мы, ни он сам так никогда и не узнали его истинных возможностей.

Очарование славянского языка

В центре Москвы на улице Горького был специализированный книжный магазин «Дружба». В нем продавались книги, изданные в братских странах социалистического содружества. Именно изданные, не обязательно написанные авторами этих стран. Основная часть книг была на языке соответствующей страны, но были и книги по-русски. Замечательные авторы, прекрасные издания. Я периодически заходила в этот магазин и часто покупала там то, что невозможно было купить в обычных городских книжных: потрясающее подарочное издание «Синей птицы», Сент-Экзюпери, Тиль Уленшпигель и многое другое.

Как-то мне попался чешский справочник про собак, и в нем большой раздел про пуделей всех видов и разновидностей. Как известно, пудели различаются, прежде всего, по размеру. Выделяют 3 или 4 вида в зависимости от классификации: королевские, они же большие; средние; малые, они же карликовые; и той-пудели. В чешской книжке было принято деление на 3 вида, и как же очаровательно назывался каждый из них по-чешски! Пудл – пудлик – пудличек!

Мой дом – мой цирк

В соседнем с нами доме жила одинокая пенсионерка, бывшая преподавательница русского языка студентам-иностранцам Московского Государственного Университета. Всю ее семью составляли два карликовых пуделя, оба черные, но один из них шнуровой с длинными тяжелыми шнурами на хвосте, на боках и на лапах. Шнуровой был старше своего товарища и, к сожалению, больной. Он страдал эпилепсией, и иногда с ним случались припадки. Его

приходилось лечить, и он находился под наблюдением ветеринара, а это стоило бедной пенсионерке постоянных и немалых расходов. Все пудели умные, но этот был просто какой-то собачий гений-профессор. Я не знаю, было ли это связано с его эпилепсией, которая, как известно, нарушение работы головного мозга, или это просто было совпадение, но собачий профессор поражал своими способностями. И понятно, как профессиональный преподаватель, соседка не могла пропустить такого ученика. Так появился этот уникальный домашний собачий цирк.

Периодически, когда расходы на больную собаку возрастали, и приходилось экономить больше обычного, оба пуделя и их хозяйка, переодевшись феей, давали представление. Полноценный полуторачасовой спектакль из двух отделений. Соседи, друзья и знакомые с удовольствием приводили детей. Входная плата с каждого зрителя – один сырой антрекот из кулинарии весом 125 г. По стоимости получалось в 10 раз дешевле, чем отвести ребенка в московский цирк. Плюс не нужно далеко ехать, особенно зимой по морозу через пробки, можно сэкономить силы, нервы и время, да к тому же представление происходит не где-то далеко на арене, а здесь же на полу в метре-двух от ребенка, и, в отличие от профессионального цирка, ребенок может сам активно участвовать, а после представления погладить артистов, поиграть с ними, сфотографироваться, а завтра встретить их в сквере на прогулке.

Первое отделение было в основном интеллектуальное, и в нем «первой скрипкой» был старший пудель, тот самый профессор, а во втором отделении – музыка и подвижные игры. Представление начиналось с того, что фея знакомила артистов с публикой, представляя каждого ребенка по имени. Обе собаки, припадая на передние лапы, вежливо кланялись именно этому ребенку и друг за другом говорили «гав», представляя себя и как бы говоря «очень приятно».

Первым уроком была математика. Собаки решали арифметические задачи, считали присутствующих всех вместе, а потом отдельно взрослых и детей, мальчиков и девочек, с косичками и без, в платьицах и в брючках, с бан-

тиками и без и тому подобное. Ответ либо звучал в виде определенного количества «гавков», либо профессор выбирал из разбросанных на полу карточек с цифрами правильную и приносил фее. От представления к представлению вопросы менялись в соответствии с составом публики. Если были дети постарше, то фея сначала предлагала задачу им, а потом спрашивала у собак. Профессор показывал правильный ответ, его товарищ озвучивал, а дети считали количество «гавков» и сравнивали со своим результатом.

Затем был урок русского языка. Фея разбрасывала на полу карточки с буквами, и старшие дети вместе с собаками составляли простые слова, внимательно наблюдая и решая, правильные ли карточки собирает собака. А младшие просто хлопали и смеялись. А потом фея разбрасывала карточки с картинками, которые могут быть однозначными ответами на простые вопросы: час, время года, день или ночь, животные, растения и т. п. И профессор, отвечая на вопросы, приносил фее соответствующую карточку, а дети решали, правильный ли ответ дала собака. В конце первого отделения каждая собака должна была подойти к каждому ребенку, подать ему лапу и поблагодарить за сотрудничество. Фея спрашивала, где Саша, или Петя, или Лена, называя по очереди каждого из присутствующих детей, и собаки друг за другом подходили именно к названному ребенку, садились напротив него и подавали лапу. Излишне говорить, в каком восторге были дети!

Понятно, что ни читать, ни решать арифметические примеры собаки не умели. Да и не могли знать, который сейчас час или как зовут ребенка, которого они впервые видят. Тем не менее, они всегда давали правильные ответы. Обе собаки всегда гавкали требуемое количество раз, а профессор иногда находил нужную карточку сразу, иногда мог схватить одну, тут же бросить, взять другую, но приносил фее всегда правильную. Ясно, что она сама транслировала собакам ответы. Каким образом, я не знаю. Внешне я никогда ничего не замечала, хотя много раз пыталась поймать ее тайные знаки. Феномен этой блестящей дрессировки заключался в абсолютном взаимопонимании и постоянном контакте, позволявшем ежесекундно обмениваться не-

видимыми постороннему сигналами. При всей внешней свободе поведения, собаки не отвлекались от феи никогда и никогда не теряли желания работать!

Во втором отделении был концерт. Черные собаки с белыми бабочками на шее кланялись публике и садились за инструменты. Профессор играл на игрушечных пианино и рояле, а его товарищ стучал в маленький барабан и в бубен. В то время в магазине «Детский мир» продавали миниатюрные механические модели пианино, рояля и ксилофона, позволявшие детям извлекать реальные звуки. Как оказалось, не только детям, но и некоторым собакам тоже. Причем профессор не просто беспорядочно барабанил по клавишам, а переставлял лапы в твердо заученном порядке, действительно воспроизводя на рояле нечто, отдаленно напоминающее собачий вальс, а на пианино – вроде бы «чижик-пыжик».

Дальше было задание по конструированию. Фея приносила четыре игрушечные «пирамидки»: две круглые, синяя и красная, и две квадратные, тоже синяя и красная. Были тогда такие игрушки у детей. Каждая пирамидка состояла из круглого или квадратного основания с дыркой посередине, куда вставляли ось-стержень. На эту ось нанизывали один за другим диски или квадраты таким образом, что каждый следующий элемент был меньше предыдущего по диаметру или по диагонали, соответственно форме. Фея разбирала все четыре пирамидки на элементы и, перемешав синие и красные квадраты и диски, рассыпала их по полу. Далее требовалось все собрать в зависимости от задания: по цвету, по форме, в порядке уменьшения размера или увеличения. Собаки приносили очередной подходящий элемент, а фея одевала его на ось.

А потом младший пудель, приятель и партнер профессора, показывал, как он помогает фее по хозяйству. Он бежал на кухню, приносил оттуда детское пластиковое ведро и, поставив его на пол, вынимал оттуда одну за другой две тряпки: желтую льняную и бордовую махровую. Одной тряпкой он возил по полу, а второй по мебели, убирая квартиру. Затем складывал обе тряпки обратно в ведро и уносил его на кухню.

В конце представления фея приносила два ящика, разбрасывала по полу попеременно карточки с буквами, цифрами и картинками из первого отделения и детали пирамидок, а собаки собирали и сортировали свой инвентарь: карточки в один, детали пирамидок в другой ящик. «А вы собираете свои игрушки?», – спрашивала фея у детей.

Когда перед нашим отъездом из Советского Союза я пришла к соседке попрощаться, фея подарила мне на память маленький керамический молочник из своего чайного сервиза. С тех пор прошло почти тридцать лет. Зеленый с горчичным оттенком снаружи и кремовый изнутри, этот молочник до сих пор стоит в моем серванте, и иногда я смотрю на него, вспоминая то время.

Сентябрь 2020 года, Хайфа, Израиль

Окончание в следующем номере.

Марина Симкина

Шесть рассказов для детей

Рисунки к рассказам – Анна Захаровская-Цейтлин

Что такое завтра?

– Мама! Что такое завтра?

– Вот сегодня день пройдет, ты ляжешь спать.

Утром проснешься – и будет завтра.

Утром:

– Теперь уже завтра?

– Нет. Это сегодня.

– А когда будет завтра?

– Вот день пройдет, ты ляжешь спать. А потом проснешься – и будет завтра.

Следующим утром:

– А сейчас уже завтра?

– Нет. Сейчас уже сегодня.

– Так когда же будет завтра?

Много раз мне пришлось спать ложиться, прежде чем я поняла, что значит это слово.

Оно значит «за утром».

Если «зА Утром» произнести несколько раз и второпях, то звук «у» становится короче. Поэтому мы и слышим «зАВтра».

Петушок

Никто не вышел гулять, и я возилась в песке одна. Вместо совка у меня была большая ложка. Я копала ею ямку, чтобы добраться до мокрого песка – из него домик будет лучше держаться.

И вдруг я откопала игрушечного петушка. Он был из пластмассы и очень красивый: разноцветный и весь переливался. И был не гладкий, а такой шершавый – перышки и гребешок на нем можно было пощупать. Он был и не большой, и не маленький. Побольше одной моей ладошки, но меньше двух, если их приставить одну к другой... Он был просто замечательный!

Я стала строить домик для петушка. Нужно было, чтобы у домика была комнатка внутри, чтобы петушок в ней помещался. Стены комнатки нужно было обхлопать изнутри, а это сложнее, чем сам домик – снаружи. Но ложкой это сделать у меня получилось. И дверь нужно прокопать так, чтобы петушок мог пройти и не обвалить домик.

Я сделала из песка забор вокруг домика, а потом стала втыкать веточки, чтобы получился садик.

Я очень хорошо наигралась, и, когда мама позвала меня домой, взяла петушка с собой. Я рассказала, как нашла петушка, и мне разрешили оставить его у себя насовсем, если никто не будет его искать.

Все следующие дни я выходила гулять с петушком, и мы играли вместе с ребятами. И никто не искал петушка. Когда все расходились, я уносила своего петушка домой.

А однажды к нам в песочницу пришел маленький Сережа. Его давно не было на улице. Наверное, болел. И он увидел петушка и стал говорить, что петушок – его! Хотел забрать, но я схватила петушка и побежала к маме. Пусть

мама скажет Сережке, что петушок – мой. Но мама сказала:
– Придется отдать! Мы только думали, что он
ничей. А на самом деле Сережа его просто потерял и не мог
найти.

Как мне было жалко петушка! Я его до сих пор
помню. У меня больше никогда такого не было!

Куда девалась вода?

Мы жили в пустыне.

Папа и его солдаты строили железную дорогу. Но
сначала они построили домики для солдат и командиров. В
одном таком домике жили и мы с нашим папой.

Воды в
пустыне нет. Воду
привозили машины в
больших бочках. И
купаться было негде.
Поэтому мама
поставила возле
крыльца, на солнце,
корыто. И налила туда
воду, чтоб мы с
братом там иногда
плескались.

И вода очень
быстро куда-то
девалась.

Мама говорила:

– Надо же, как быстро вода испаряется!

А потом мы увидели, что к этому корыту приходит
верблюд. И выпивает всю воду...

Как мы боялись верблюда

Улица у нас была маленькая – всего несколько деревянных домиков, и в каждом домике – два крылечка. Нам с Толиком – моим другом – разрешали гулять одним. И иногда на нашу улицу приходил верблюд.

Старшие ребята говорили, что если верблюд рассердится и плюнет, то у него столько слюны, что он может своим плевком убить человека. Поэтому мы с

Толиком, если видели, что идет верблюд, сразу бежали к самому близкому крылечку и прятались под ним.

Под крыльцом получалось сидеть только на четвереньках или на корточках, и мы держали друг друга и говорили:

– Т-с-с, тише!

Хотя от этого получалось только громче. И верблюд, конечно, не смог бы нас из-под крыльца вытащить. Но мы все равно сидели и боялись.

Потому что бояться вместе было очень весело.

Скорпион и сливочное масло

Я стою на крыльце. Ступеньки и резные перила – деревянные. Домики построены недавно, и дерево еще не потеряло своей желтоватой белизны.

На перилах – что-то очень красивое, как брошка. Тоже желтое, но яркое. Я протягиваю руку – оно вдруг шевелится. Я с криком отскакиваю.

Выбегает мама. Увидев «это», отбрасывает меня и на мгновение исчезает в доме. Появляется снова – с масленкой в руках. Крышкой сбрасывает существо в масленку и крышкой же накрывает.

Я спрашиваю:

– Что это?

– Скорпион, – отвечает мама. – Он может ужалить. Это очень опасно.

– А в масленку – зачем?

– Там он загнет хвост и ужалит самого себя, потому что ему там дышать нечем.

Чтобы убить скорпиона, нужно сливочное масло! – много лет после этого думала я.

Сейчас я снова живу в месте, где водятся скорпионы.

Я стараюсь не лезть в густую траву, не хожу ночью по каменистым россыпям. И собаку туда не пускаю. Заросли и ночь – их место, их время – скорпионов. Пусть живут.

И только если вижу скорпиона рядом с человеческим жилищем, уничтожаю его.

И обхожусь при этом уже без сливочного масла.

Стол

Толику родители дали стол, чтоб играть. Поставили его возле дома. Настоящий, не игрушечный. С железными ногами, квадратный. Сверху – голубой и чуть-чуть ободранный.

Мы обрадовались, но особенно придумать, как в него играть, не могли. А старшие ребята как раз в дочки-матери играли. Мы спросили:

– Можно с вами играть? У нас стол есть.

И ребята приняли нас в игру. Они поставили на стол всякие тарелочки, кастрюльки, стали готовить еду – как по-настоящему. А нам ничего интересного не дали делать.

Мы обиделись и сказали:

– Мы больше не хотим с вами играть. Отдавайте наш стол!

Они отдали.

Стол тяжелый. Просто поднять мы его не могли, поэтому шагать заставили, чтобы он то на одни, то на другие ноги наступал. Оттащили, а что дальше делать – не знаем. Не играется, не придумывается ничего.

– Давай опять к большим ребятам пойдём?

– Давай!

Мы снова поволокли стол к ребятам.

Они поставили свою посуду на бревна, а на других бревнах сами сидели. Девочка, которая была мамой, им супчик уже разлила и спрашивала, кто еще хочет.

Мы сказали:

– Вот, мы снова вам стол притащили!

– А нам уже не надо! – ответили ребята.

Михаил Язмир

Наташа

Ее знали все бичи. Ей было за тридцать. Привлекательная, она обладала налитыми формами, эвенкийской темнокожестью, китайскими раскосыми, хотя и большими, карими глазами.

Наташиным благорасположением старались пользоваться заброшенные в эти места бесприютные мужчины. За тепло и кров те, кому повезло, помогали женщине вести свою жизнь, пока сами не откочевывали в другие места огромной страны. А Наташа оставалась на родине. Трижды она рожала от своих гостей новых детей, но отцов не искала. Обходилась. Зарабатывала работой – что подвернется...

Ближе к зиме временных работников в экспедиции рассчитали, и Леша Андрейша оказался в Нижнеангарске, что на северной кромке озера Байкал. Куда теперь податься? Деньги есть, но и на далекой родине, в Новокузнецке, его никто не ждет. Мать вышла замуж. Ей не до него. А здесь даже гостиницы нет...

С неба сыпал то ли дождь, то ли снег. Середина

октября 1958 года. Невесело.

Бывший инженер-кораблестроитель, а ныне «бич», Аркадий, настаивал:

– В город тебе надо, Лешка. Какой из тебя таежник? Зря отказываешься...

А Леша как раз мечтал стать таежником. Молчаливая живая пахучая масса тайги затягивала его в себя...

– В крайности иди к Наташе, она нашему брату сочувствует, – напутствовали его другие «бичи», которые в ожидании рейса парохода «Комсомолец» забутыли в аэропортовой ожидальне.

Что делать? Где-то для начала нужно было заночевать. Наташа жила недалеко, возле центра поселка. Стоит, пожалуй, попроситься к ней...

Леша приготовился к встрече. Он зашел в лавку и накупил сладостей для детей, а для стола – «Советского Шампанского», несколько банок канадской консервированной колбасы, три крупных соленых омуля, пару лимонов, плюс – у китайцев на улице – по пучку редиски и зеленого лука...

Уже стемнело, когда Леша постучался, и вошел в избу. Хозяйка сидела среди своих трех мальчишек и топила печку.

– А-а, Леша! – узнала она его, – понадобилась ночевка? Надолго?

– Я бы хотел подольше, может быть две, или три ночи, – уточнил Леша.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Наташа. Ты, верно, и не обедал сегодня, – участливо проговорила она, – Садись к столу.

– Еще и с гостинцами! – удивилась она, когда Леша высыпал на стол принесенные снедь и сладости.

– Налетай, робя!

Леша сбросил телогрейку, присел к столу и поставил на него бутылку. Дома было тепло, однако Наташино радушие не могло прикрыть бедноту жилища – почерневшие от времени и плохо проконопаченные бревна, залатанные одеяла на постелях...

– Ты про меня мало, что знаешь, Наташа...

– Все вы, мужики – одного поля ягода.

– Не суди по другим. Но вот что важно. Мне в эту неделю делать нечего, пока устроюсь. Так что я по хозяйству тебе помогу, если надо, руки при мне, – доложил Леша.

– Ты верно сказал, тут чинить – не перечинить. А я – баба. К тому же троих пацанов поднимаю. Даже пакля между бревен не держится. Поэтому твою помощь приму с благодарностью. А как ты смотришь, если спать тебе придется с одним из пацанов?

– Ладно, согласен, завтра, если не возразишь, куплю себе койку...

– Завтра и посмотрим...

Спать легли сразу после ужина.

Среди ночи, Леша проснулся от жаркого соседства с похрапывающим и брыкающимся во сне пацаном. В окно заглядывала полная луна. Было часа два ночи. В лунном свете он увидел Наташу. Она сидела на своей постели в одной короткой сорочке, свесив ноги.

– Проснулся? Горазд ты спать. Даже мой беспокойный Петька тебе не помеха! А я вот все жду тебя. Потому и не спится. Иди!

Это было сказано так обыденно и непреложно! И он понял, что получил законное, по желанию женщины, место возле нее! Просто, без церемоний, без лишних слов, но с притяжением к действию. И он сел рядом и обнял Наташу...

Когда они успокоились, Наташа мягко спросила:

– Не боишься? Я баба здоровая – возьму и понесу от тебя, ты давно мне в охотку.

– Не из пугливых я, а из работающих. Да и нет у меня больше никого. Поживем – посмотрим.

– А все же – как бы ты дальше? – с жадной заинтересованностью спросила Наташа.

– Я ведь тоже не молоденький. Нагулялся. Баба – это забота. Хотя без заботы нет мужика... Охотником я хочу стать. Полюбил я тайгу. Да и деньги нужны...

– Что, деньги, – отпарировала Наташа, – главное – свой мужик бы рядом был. – На этот счет она сохраняла

свое мнение...

Леша проснулся поздно. Наташа гремела кастрюлями, детей не было. Они ушли: младшие – в детсад, а Петька – в первый класс.

После завтрака он посчитал: нужно было перестелить крышу, заделать щели в стенах, укрепить двери, отделить Наташин угол фанерной стенкой от детей, замазать щели в окнах.

Но сначала он пошел в ПОХ – Пушноохотничье хозяйство – и подал заявление о приеме. Потом он закупил инструменты и всецело занялся домом. В подобных обстоятельствах деньги стоило пустить на Наташу. И все свое выходное пособие он отдал ей на хозяйство и приобретение строительных материалов.

На починку жилья ушло больше недели. После этого он повторно навестил председателя местного ПОХ.

Как бывшего пехотинца, его оформили без проблем. Он получил участок горной тайги для присмотра и охоты в центральной части хребта Сынныр. Выдали оружие, задаток для приобретения приспособлений и необходимых запасов. Вместе с другими охотниками ему нужно было построить новое зимовье, доставить туда припасы для будущей зимней охоты на соболей... Теперь он снова стал при деньгах.

Вечером, третьего дня дверь распахнулась, и Наташа ахнула, а дети закричали «Ура!» – Леша привел двух собак. Это были две молодые восточносибирские лайки – кобель и сука. Через несколько дней предстояло уйти в тайгу – поставить охотничий домик, чтобы с установлением зимы начать охоту на соболя.

– Давай я с тобой пойду. Ребят оставлю тетке. Буду днем варить, а ночью тебя греть, – заявила Наташа.

– Не стоит, ты кушаешь много – припасы быстро закончатся, – засмеялся Леша.

– А если медведь?

– Какие зимой медведи? К тому же у меня оружие – карабин и малопулька! Да еще две собаки. Так что спи спокойно...

Охотники, целый отряд на лошадях, отправились

через день в тайгу. Ушли строить зимовья и налаживать приманки. Почти месяц – ни слуху, ни духу...

Наташа напряженно ждала. Лешу напоминало все: новые пальтишки у детей, заделанные дыры между бревнами, фанерная стенка, стук дождевых капель по новой железной крыше. Бессонными стали длинные предзимние ночи. Слава богу, мальчишки не болели...

Леша явился вдруг, хотя к празднику. Вместе с собаками. Обнял Наташу, потрепал малышкой. Радостный:

– Мне достался отличный участок. Белки, зайцы, полно мышей, бурундуков. Есть что кушать соболям. Я одного даже руками поймал. Он спрятался от собак в сквозной каменной щели. Огрызается. Так я его руками сзади, как кошку, схватил. То-то он пытался меня зубами достать. Потом я его отпустил. Он еще не поменял шубку...

Наташа упивалась живой Лешиной речью и внутренне цвела.

– Я даже не успела сделать обед, – проговорила она.

Леша встрепенулся:

– Да-да, Вот целый рюкзак вкуснятины – грибы, зайчатина, говяжья тушенка. Припасы, конечно, остались в построенном доме на Теплом Ключе...

Пока, с голодухи, можно вскрыть тушенку. Так, пацаны? Будущим летом повезу вас на Теплый Ключ!

– Ура! – закричали дети, они тоже проголодались...

Леша еще никогда не чувствовал такой сладости от своей собственной мужской нужности, которая светилась в глазах малышкой и в сдержанной признательности Наташи. И ночи теперь, за фанерной стенкой, стали еще слаще...

Зима настала внезапно, и Леша засобирился на свой Теплый Ключ на весь охотничий сезон. Охотники, как и прежде, организовались так, чтобы всем вместе добраться до центрального склада, а потом поодиночке уйти на лыжах на свои участки.

За день до отправления Леша передал Наташе договор его с Пушноохотничьим хозяйством. В нем оговаривались условия его работы и обязанности охотничьего хозяйства.

– А теперь, Наталья, я предлагаю пойти в Райсовет

зарегистрироваться.

– Ты, что, спятил?

– Да нет, просто я хочу, чтобы и ты, и мальчишки перестали бояться.

– Чего это?

– Знаю чего, в особенности неизвестности. Давай, собирайся...

Вот так они и стали мужем и женой. Без свадьбы, без жениховства...

Затем он ушел в тайгу.

Несколько раз он связывался с Наташей через ПОХ, через кустовую рацию. Рассказал, что охота идет отлично. Он добыл двадцать соболей и полсотни белок. А еще он завалил изюбря, пообещал привезти мяса навалом...

За неделю до Нового года он перестал выходить на связь. Но Наташа не беспокоилась. Еще неделя, еще две, и она стала готовиться к встрече с ним...

Встретились... Но не так, как мечталось – привезли его замороженного и уже уложенного в гроб...

Лешу нашли после нескольких дней поисков. Он столкнулся с шатуном. Собаки не смогли защитить хозяина, однако отогнали медведя от тела. Нашли его, обезображенного, возле отброшенной малокалиберки и возле него – двух собак: сытого кобеля и исхудавшей суки. Кобеля, видно, попробовавшего хозяина, убили, а суку привели к Наташе.

Хоронили охотника со всеми почестями: холостыми залпами из винтовок, памятной тризной в клубе.

– Хороший человек был, только начал жить, а не повезло – нарвался на шатуна. Кроме могилки, теперь ничего от него не осталось, – выразился председатель хозяйства.

– Ну нет, – перебила его Наташа, – он жив, и будет долго жить! Он со мной! И она расстегнула пальто и показала округлившийся живот...

ПОХ рассчитался с Наташей по-честному: возместил стоимость соболей и белок, добытых Лешей, привез заготовленное Лешей мясо изюбря. Получила Наташа и пенсию за потерю кормильца.

И Наташа изменилась. Никого теперь она не пускала к себе в дом на ночевку, стала жить для детей. А от Леши родилась у нее отрада – дочка Люся.

На Лешиной могиле, по весне, Наташа посадила молоденькую сосну, выкопанную в любимой им тайге.

Сосну эту она ежегодно в день рождения Леши вместе с детьми украшала ленточками и поминала его – единственного законного мужа, согласно традициям своих далеких эвенкийских предков...

Маалот, Галилея. 2020 год, июль.

Диана Беребицкая

Стихи

Попытка бегства

В камерке у судьбы кургузой
На помощь звать
Забытым Робинзоном Крузо.
Искать слова,

Где и молчания довольно,
Чтоб ранить влет;
Где чайка купол колокольный
Крылом качнет –

И он рассыпется на сотни
Кривых зеркал,
Безропотно, бесповоротно;
Где языка

Закон беспомощен и спутан,
Где ложь – блесной,
И даже сон бежит в испуге
От судных снов;

Где зеркала паденья множат, –
И стыд, и гнев,
Нежна шагреневая кожа,
Полуистлев...

И я укроюсь от позора,
Уйду в бега.
Взлетаю в стремя – впору, впору! –
Но мой Пегас,

Как будто бес чистопородный
Под плетью слов:
Страхнул за первым поворотом –
И был таков.

По контуру

*Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошедшее тлеет...*
А. Ахматова. Поэма без героя.

Сквозь осень – контуром – зима,
А в снежном скрипе мантры марта
Мерещатся, и дышит май
Дрожаньем августовских марев.

И ум бесславной жертвой пал
Подспудных связей и вибраций.
Морозные узоры пальм
На черном небе серебрятся,

И просо звезд блеснет в просвет –
Узор на ножнах янычара.
Метельно-снежный суховей.
Как дно бутылки непочатой,

Недостижимо-далеко,
Моей полуразмытой детской
Стекло протаяло окон-
ное. Поблек рисунок дерзкий.

Он, вызревая, намекал,
Предсказывал – почти серьезно –
Судьбу. А я, не вняв угрозе,
Спешила вдоль его лекал.

Ca' d'Oro¹

Выскользнет
Из перламутровой слизи дождя,
Высолы –
Контурной картой над гибким стеклом.
В комнате
Смеха – дрожит, извивается клон,
Корчится.
Плеск на ступенях. Но взгляд, восходя,

Плавится,
Чудо подхватит порывисто за
Лацканы:
Плотью моллюсковой – теплые льды –
Космосы
Непостижимые. Черствый кадык –

¹ Ca' d'Oro – один из красивейших дворцов Венеции.

Косточкой.

Острой соринкой уколёт слеза:

Ветрено.

Арки на воздухе влажном висят

Веером

Полураскрытым слоновой кости.

Иволгой,

Возликовавшим альтом травести,

Иглами

Капель рассеянных вспыхнул фасад.

Круглое,

Словно горошина, имя во рту.

Рупором

Руки раскрою – тревожит гортань

Рокотом,

Эхом в ракушку упрятанных тайн.

Бронзовый

Солнечный след – поцелуй в наготу...

Не сладить

Проснись и прикоснись.

Что может быть прекрасней:

Из темной неги снов всплывать к твоим губам?

... Кажался ты вчера и властным, и опасным.

Насмешлив. И ладонь шершава и груба.

Одернешь, отсечешь забывшуюся нежность,

Чтоб отстоять в боях сиротство и броню.

Пусть трепет и восторг в моем дыханье брезжат,

Ты будешь слеп, и глух, и холоден к огню.

И будь. И черт с тобой!

... Медлительная сладость
Расходится от губ – кругами по воде.
Ты знаешь, что тебе со мной уже не сладить,
И рук не отпустить.
И далее – везде.

Морская пена

По лезвиям травы. Покуда между
Закатом и зарей чернеет скол.
Пусть жалит боль. Пусть выкрикнет насмешку
Морская ведьма чистым голоском.

Прикосновенье призрачного принца
Пускай грозит неведомой бедой.
Пусть принц тебе булыжник тяжким призом
Опустит на раскрытую ладонь¹.

(Так, раяя плоть, жемчужину затеплит
Песчинка.) Среди зыбких лепестков
Прибоя пусть измученное тело,
Расплывшись, станет пеною морской.

Но бурею в утробе моря зрея,
Но с душ срывая маски – до кости,
Упрямо поднимаешься на гребень,
Чтоб свой бессмертный голос обрести.

¹ «– Я полюблю того, кто подарит мне самый красивый камень.

– Нет, все будет иначе. Сначала ты полюбишь его, а после он вложит в твою руку обыкновенный булыжник, и ты назовешь его самым красивым камнем...»

Из разговора юной М. Цветаевой и М. Волошина.

* * *

В ожиданье скорого суда
Две ладони – яликом.
Надкусив, швырнула нас судьба,
Как ребенок – яблоко.

Запах меда в воздухе иссяк,
Позабылась трапеза.
Лист сухой стружкой завился,
Край – каймою траурной.

Гордость навсегда уязвлена –
Изнывает, бесится.
Силы убывают, как луна
На исходе месяца.

В неводе неба

Трепещу
В неводе неба
Среди прочей мелкой рыбешки.
Ах, жребий брошен!
Из чаши, сросшей-
Ся у леса на переносице,
Между озер,
Доносятся
Не арфы,
Не ангелово пенье,
А пени,
Упреки
И что-то там о Роке
Тяжелом...

Жестяной желоб.

Надтреснутые мониста
Чешуи.
Там чистят!
Рядом
Все в рыбной ряби
До жертвенного прилавка.

Взгляд тугоплавкий
Нынче слезоточив,
И нет причин
Обольщаться
Счастьем,
Растущим где-то в проталинах,
Умильным,
Приталенным.

Теперь так не носят:
Осень!

Смолчать

Не прожигая, только проживая
Пустую жизнь, наматывая годы
На локоть, как лассо, и забывая,
Какую цель намерен подчинить;

Не допуская сердце до биения,
До мыслей – ум, до наслажденья – тело
(Оно уже допущено до боли,
чтобы себя живым осознавать);

Не допуская губы до молитвы:
Ведь от нее порой до богохульства
Лишь полнадежды шаткого смиренья;
Не допуская руки до пера;

Себя не допуская до безумья,
(Томясь в преддверье); легкие – до вдоха;
Глаза – до слез; гортань – до крика; зубы –
До искушенья вены перегрызть!

Так жить, не допустив себя до срыва:
Невыносимо, тесно, нестерпимо,—
И в час урочный просто задохнуться,
Не допуская шею до петли.

М. Врубель. Демон сидящий

Самоцветами закат
Застывает в гранях острых.
Ледяной надмирный остров.
Воспаленная тоска.

Там, где ангельская гладь,
В нестерпимом стройном хоре,
Злая сталь под сердце входит,
Ядовитая игла.

Жар сомненья – не тепло:
Им силен и им же сломан.
Истекло, иссякло слово,
Порченный, порочный плод.

И тяжелая вода
Блики медленно качает.
Тень паденья за плечами
Прорастает навсегда.

Мыльные пузыри

Прикрой ресницы –
но не смыкая век! –
вот так, щекотно,
чтоб нерестился свет
янтарной пылью,
чтобы – приснишь/проснишь –
качнуть сиянье
кончиками ресниц,
и явь просеять,
и золотым песком
наполнить память –
чудо-калейдоскоп.

Теснятся блики,
льют изо всех щелей
и оседают.
И через толщу лет
растут кристаллы,
радугами щедрь,
вокруг раскинут
солнечные шатры.

Прозрачный купол,
вечные миражи.
Пожалуй, только
так и возможно жить.
... Потом – тихонько
в пригоршню собери
скорлупки радуг
– мыльные пузыри.

Леонид Дынкин

Московский романс

Иосифу Бродскому

Идет в тоске сентиментальной,
торжественно посеребрённый,
октябрь по площади вокзальной
неугомонной.

И сеет дождиком тщедушным
от Курского до Маросейки...
И астра с шариком воздушным
на дне скамейки.

И призрак молодого лета
в витринах Сретенки бессонной,
как из библейского сюжета
прах воскрешенный.

Там продувная подворотня,

и двор, и пахнет голубями,
застиранные в дым полотна
под облаками.

И, как в манере театральной,
в непрочном мареве вечернем,
фонарь над колесей трамвайной
у Чистопрудного модерна
горит лампадкой поминальной.

И Грибоедов величавый
в тоске своей исповедальной
под листопад золотоалый
у входа в мир иллюзионный.
За липами и тополями
Гетеры, Нимфы, Аполлоны –
над временами.

И тот театр, и эти двери,
букет ромашек с васильками
свечами веры и доверья
в пресветлом Храме.

А память – вечным диссонансом...
И лебедей мотив прощальный,
как вздох старинного ромansa –
сентиментальный.

И тот же зонтик одинокий
у телефона-автомата.
И дождь нашептывает строки
сюжетом незамысловатым.

И так же тленьем безнадежным

исходит россыпь золотая
под ветхой, как туман, одеждой,
изнемогая...

И сиротой озябшей осень
в бесплотный кутается иней,
и морось ветреную носит
по ночи длинной...

А музыка – иного сорта
А грусть светла и покаянна –
об октябре, пришедшем в *forte*,
ушедшем в *piano*.

Борис Годин

Два маршала

Введение

События, побудившие автора взяться за перо (или, точнее, начать стучать по клавишам домашнего компьютера), разделяют 130 лет.

Событие первое. В сентябре 1815 года (во исполнение решений Парижского мирного договора 1815 года) для частичной оккупации во Францию были введены воинские контингенты из Англии, России, Австрии, Пруссии, Баварии, Саксонии, Дании, Бадена, Гессена, Вюртемберга, Швейцарии и Сардинии. Русский экспедиционный корпус насчитывал 36 334 человека, включая и невоеннообязанных. Командующим корпусом был назначен 33-хлетний генерал-адъютант граф **Михаил Семенович Воронцов**.

Событие второе. 6 июня 1945 года, по соглашению четырех союзных держав (СССР, Великобритания, США и Франция), территория побежденной Германии была разделена на четыре зоны оккупации. На территории восточной, советской, зоны оккупации находилась Группа Советских Оккупационных Войск в Германии (ГСОВГ) численностью 2 900 000 человек. Главкомандующим ГСОВГ и одновременно Главой Советской Военной администрации был назначен 49-тилетний Маршал Советского Союза **Георгий Константинович Жуков**

Почему именно они

Граф М. С. Воронцов, 1782 г. р., крестник Екатерины II, получил отменное домашнее воспитание и образование, которыми руководил его отец, дипломат граф С. Р. Воронцов. Военная карьера молодого графа

складывалась прекрасно. Будучи пожалован в 1798 году в чин камергера (чин 4-го класса в Табели о рангах) и имея право претендовать на чин генерал-майора, М. С. Воронцов предпочел начать службу со скромного чина поручика. С 1803 по 1815 год граф воевал против персов, против турок и против французов, успешно противостоял самому Наполеону в битве при Краоне. В битве при Бородино Воронцов получил штыковую рану. Выказавший храбрость, распорядительность и военные таланты, молодой генерал-лейтенант был пожалован в генерал-адъютанты и награжден высокими российскими и иностранными орденами, среди которых орден Св. Георгия 4-й, 3-й и 2-й степеней. Вескими причинами, побудившими императора Александра I остановить свой выбор на М. С. Воронцове, были, кроме всего прочего, прекрасные отношения, сложившиеся у графа с герцогом Веллингтоном, главнокомандующим всех оккупационных сил Коалиции во Франции, а также с бывшим наполеоновским маршалом и будущим королем Швеции кронпринцем Бернадотом.

Маршал Г. К. Жуков, 1896 г. р., начал свою военную карьеру в октябре 1916 года в качестве кавалерийского унтер-офицера на Юго-Западном фронте, был контужен и дважды ранен, награжден Знаками отличия военного ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. С 1918 г. в Красной Армии, где прошел путь от командира взвода до Маршала Советского Союза. Войну с нацистами начинал Начальником Генерального Штаба РККА, затем командовал фронтами, был членом Ставки Верховного Главнокомандующего, Заместителем Верховного Главнокомандующего – Первым Заместителем Наркома обороны СССР. На момент назначения Главнокомандующим ГСОВГ был трижды Героем Советского Союза, кавалером двух орденов «Победа», а также многих других советских и иностранных орденов.

Как это было

Частичная оккупация Франции продолжалась 3 года, с 1815 по 1818 год. Русским достался сравнительно небольшой (длиной 120 км, шириной от 20 до 60 км) участок вдоль северной границы Франции. Население этих территорий традиционно симпатизировало Наполеону Бонапарту. Пребыванию Российского экспедиционного корпуса посвящены обильные и разнообразные исследования, как на русском, так и на французском языках. **Особенностью всех этих публикаций является практически полное единодушие в оценке личности и деятельности командующего корпусом.** Молодой генерал-адъютант смог сохранить о себе во Франции долгую и добрую память. Граф М. С. Воронцов проявил, в дополнение к полководческим талантам, недюжинные административные способности, рачительно распоряжался выделенными ему денежными средствами.

Перед уходом Российского экспедиционного корпуса из Франции граф Воронцов **из личных средств** оплатил долги местным жителям (по распискам) всех солдат и офицеров вверенных ему воинских частей. Общая сумма долгов составила **1.5 миллиона рублей.** Графу даже пришлось продать имение Круглое, полученное по наследству от родной тетки – княгини Екатерины Дашковой.

За умелое командование Русским экспедиционным корпусом генерал-адъютант Воронцов был награжден российским орденом Св. Владимира 1-й степени и английским Орденом Бани. Вернувшись в Россию, с 1819 по 1823 год граф командовал 3-м пехотным корпусом.

Изынявив желание посвятить свои таланты гражданской службе, граф Воронцов в 1823 году был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области.

Группа Советских Оккупационных Войск в Германии (ГСОВГ), впоследствии преобразованная в ГСВГ, а еще позднее – в Западную Группу Войск (ЗГВ), находилась на территории Германии с мая 1945 по 31

августа 1994 года.

В 1950 году Институт общественного мнения в Алленсбахе (нем. *Institut für Demoskopie Allensbach*) провел социологическое обследование населения, задав единственный вопрос: «Каковы ваши впечатления о поведении оккупационных войск держав-победительниц?»

Негативно о поведении Советских оккупационных войск на территории Германии высказались 95% опрошенных.

Маршал Жуков был полновластным хозяином на оккупированной части Германии с 6 июня 1945 года по март 1946 года, когда он был назначен на пост Главнокомандующего Сухопутными Войсками СССР – Заместителем Министра Обороны СССР. Впрочем, на этом посту маршал Жуков долго не удержался. После Военного Совета с 6 июня 1946 года он был переведен на должность Командующего Одесским Военным Округом.

А 23 августа 1946 года на стол Сталина легла телеграмма от Министра Обороны СССР:

Товарищу Сталину

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью. При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит маршалу Жукову.

Булганин.

По личному указанию Сталина «разработкой» Жукова занялся Министр Государственной Безопасности СССР В. С. Абакумов. Вот первый результат разработки (документ цитируется в извлечениях).

Совершенно секретно

Совет Министров СССР

Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с Вашим указанием 5 января с. г. на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате.

В шкатулке находилось:

Часов – 24 штуки, в том числе золотых – 17 и с камнями – 3;

золотых кулонов и колец – 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями; золотой брелок с большим количеством драгоценных камней; другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.)...

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведен негласный обыск на даче Жукова, находящейся в поселке Рублево под Москвой. В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов – всего свыше 4 000 метров;

мехов – собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчовых, каракулевых – всего 323 шкуры;

шевро высшего качества – 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, – всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе; особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках – всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) – 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов – 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой – 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других – всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения...

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат. **Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, – заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.**

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии...

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов.

10 января 1948 года.

Рыба гниет с головы. Следуя примеру старшего начальника, офицеры всех рангов тянули из Германии все, что плохо лежало. По итогам «Трофейного дела» маршал Жуков исключен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и переведен на пост командующего Уральским

военным округом, которым и командовал до марта 1953 года.

Дальнейшая карьера наших героев

Граф М. С. Воронцов прослужил Отечеству еще 31 год – с 1823 по 1854 год. В годы своей гражданской службы М. С. Воронцов несколько раз принимал участие также и в военных действиях.

В мае 1825 года графу Воронцову был пожалован чин генерала от инфантерии.

В 1828 году, в очередной русско-турецкой войне, граф принял командование над войсками при осаде Варны, заменив раненого князя Меншикова.

В 1844 году Воронцов (с оставлением в прежних должностях) был назначен главнокомандующим Отдельным Кавказским Корпусом, принял участие в нескольких сражениях с войсками Шамиля.

6 августа 1845 года М. С. Воронцов был «возведен в княжеское Российской империи достоинство».

В 1852 году указом императора Николая I князь М. С. Воронцов, главнокомандующий Отдельным Кавказским Корпусом, Наместник Кавказский и Новороссийский, Бессарабский генерал-губернатор, получил титул «его светлость».

Трудами светлейшего князя М. С. Воронцова Одесса была превращена в третий город Российской империи, основан портовый город Ейск, установлено пароходство по Черному морю, основан Кавказский учебный округ и так далее и так далее.

Совершенно особенным было отношение князя Воронцова к еврейскому населению. Доротея Атлас в книге «Старая Одесса. Ее друзья и недруги» пишет: Желая оживить торговлю края, граф Воронцов принял евреев под свое покровительство. Он обратил внимание на поднятие умственного и нравственного уровня одесских евреев. Были открыты еврейские общественные школы для детей обоого пола, главная синагога, молитвенные дома и

больница. Воронцов одобрял «все меры для изыскания средств»; «по высокому эстетическому вкусу начертил план синагоги»; «прилагал особенное попечение о больнице» и лично экзаменовал мальчиков в общественном училище. Стараясь поднять значение еврейского населения в глазах русского общества, он добился посещения синагоги императрицею Александрой Федоровной; по его же предложению император Николай с наследником престола «осматривал в подробности» еврейские школы и больницу.

В начале 1845 года в петербургских канцеляриях созрел план разделения евреев на «полезных» и «бесполезных» с последующим переселением «бесполезных» в крупные города без права выезда и обложением тройной рекрутской повинностью. Граф Воронцов, преодолевая сопротивление жены и многих чиновников, обратился с письмом к Николаю I и добился отмены антисемитского и губительного для евреев решения.

В 1852 году слепнувший 70-ти летний светлейший князь М. С. Воронцов испросил у императора разрешения на отпуск для лечения и поправления здоровья. Окончательная отставка последовала в октябре 1854 года, причем Николай I сохранил за князем чин генерал-адъютанта и пост члена Государственного Совета.

Маршал Г. К. Жуков в октябре 1952 года на XIX съезде КПСС был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. В марте 1953 года, после смерти Сталина Жуков (по одним сведениям – с подачи Берия, по другим – по настоянию Хрущева) назначен Первым Заместителем Министра Обороны СССР. Участвовал в аресте Берия. В июне 1953 года переведен в члены ЦК КПСС.

14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне Южно-Уральского военного округа под руководством Маршала Жукова были проведены тактические учения с **применением ядерного оружия**. После воздушного ядерного взрыва в зону поражения с различными боевыми задачами были введены, по разным сведениям, от 45 000 до 60 000 военнослужащих, получивших в итоге различные

дозы радиации. Данные о радиоактивном поражении участников учений и гражданского населения были засекречены, что исключало оказание пораженным своевременной и квалифицированной медицинской помощи. **Отдаленные последствия радиоактивного поражения сказываются на участниках этих событий и их потомках до сего времени.**

В ноябре 1956 года маршал Г. К. Жуков вместе с маршалом Коневым руководил подавлением антикоммунистического восстания в Венгрии. 1 декабря 1956 года Маршал Жуков к своему шестидесятилетию стал Четырежды Героем Советского Союза, открыв длинную череду советских партийных и государственных деятелей, получавших высшие государственные награды, как подарок ко дню рождения.

В июне 1957 года Г. К. Жуков поддержал Хрущева во внутрипартийной борьбе и стал членом Президиума ЦК КПСС. В октябре 1957 года маршал Жуков был снят с поста Министра Обороны СССР и выведен из состава ЦК КПСС.

27 февраля 1958 года маршал Жуков был отправлен в отставку. Он оказался единственным маршалом, не включенным в Группу генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР, куда входили все видные военачальники, вышедшие в отставку по возрасту или состоянию здоровья.

Последние годы жизни

Светлейший князь М. С. Воронцов после длительного лечения прибыл в Санкт-Петербург в 1855 году. Император Александр II оказал князю достойный прием и, в знак особого благоволения, приказал отсылать М. С. Воронцову подлинные донесения с театра военных действий на Кавказе.

В августе 1856 года Воронцов прибыл в Москву на коронацию Александра II, но, по состоянию здоровья, принять участия в торжествах не смог. В самый день

коронации князь был пожалован чином генерал-фельдмаршала.

6 ноября 1856 года генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, член Государственного Совета, светлейший князь М. С. Воронцов скончался в Одессе, будучи 74-х лет от роду.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не появлялся на публике до 1965 года. 8 мая 1965 года полководец был приглашен в Кремлевский дворец съездов на торжественное заседание в честь двадцатилетия Победы. С 1966 по 1969 год Жуков консультирует различные документальные фильмы, работает над мемуарами. Первое издание мемуаров «Воспоминания и размышления» выходит в марте 1969 года, Жуков работает над вторым изданием. В 1966 и 1968 гг. Жуков был (по юбилейным поводам) награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков скончался в Москве, в Центральной Клинической больнице, 18 июня 1974 года, будучи 78 лет от роду.

После смерти

М. С. Воронцову принадлежат слова: «Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство».

Похороны генерал-фельдмаршала проходили согласно воинскому церемониалу, с орудийным и ружейным салютом. Проводить Михаила Семеновича в последний путь пришла вся Одесса. Останки Воронцова были помещены в специальную свинцовую капсулу, затем в гроб и захоронены в Спасо-Преображенском соборе. В главной синагоге Одессы при огромном стечении молящихся было проведено специальное богослужение, нищим была роздана щедрая милостыня.

Вдова генерал-фельдмаршала, светлейшая княгиня Елизавета Ксаверьевна, урожденная графиня Браницкая, пережила мужа на 24 года. Как и ее покойный супруг,

княгиня широко занималась благотворительностью, потратив на это **более трех миллионов рублей личных денег**. Е. К. Воронцова скончалась в 1880 году, будучи 87 лет от роду. С разрешения церковных властей и по высочайшему согласию покойная была захоронена в соборе рядом с могилой мужа, что в Российской империи допускалось только для членов царской фамилии.

В Одессе и Тифлисе были установлены памятники светлейшему князю, сооруженные на добровольные пожертвования со всех концов империи. Император Александр II из личных средств внес по 3 000 рублей на каждый памятник.

Простота в обращении, доступность и отзывчивость князя вошли в поговорку. Еще долго после его смерти в Кавказских войсках говорили: «До Б-га высоко, до царя далеко, а Воронцов умер.»

Грянул Октябрьский переворот, большевики начали бороться с религией, и Спасо-Преображенский собор был взорван. Могилы четы Воронцовых были осквернены, ордена и золотое оружие князя, а также драгоценности княгини, бывшие в гробах, похищены, а останки просто выброшены. Сейчас уже невозможно установить, кто перезахоронил эти останки на самом бедном из городских кладбищ.

Памятник Воронцову снести не удалось, и новая власть заменила табличку посвящения на известное четверостишие «Полумилорд, полукупец...», сочиненное Солнцем русской поэзии. Этим пасквилем и ограничивалось знакомство подавляющего большинства граждан СССР с одним из выдающихся персонажей истории России первой половины XIX века.

Правда, те, кто бывал в Новгороде, могли еще видеть обоих – Воронцова и Пушкина – на памятнике «Тысячелетие России».

Наступил конец XX века, а за ним и начало века XXI.

Введенные в информационное пространство документы позволили очистить от налипшей грязи светлый образ героя войны 1812 года, выдающегося по любым

меркам администратора и государственного деятеля, щедрого благотворителя, высококультурного и высокопорядочного человека светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова.

Был восстановлен Кафедральный Спасо-Преображенский собор, и 10 ноября 2005 года состоялось перезахоронение останков М. С. и Е. К. Воронцовых в нижнем храме церковного сооружения.

Похороны светлейшего князя проходили по полному воинскому ритуалу. А пасквильную надпись на памятнике заменили на исходную:

«Светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову. Благодарные соотечественники. 1863 г.»

Г. К. Жукова, вопреки воле покойного и просьбам его родственников, кремировали, и урну с прахом захоронили в Кремлевской стене. Далее пошло переиздание мемуаров, причем каждое последующее посмертное издание было исправленное и дополненное. Несгибаемый полководец был обильно воплощен на экране (Михаил Ульянов здесь – абсолютный рекордсмен) и увековечен в бронзе и мраморе (в частности, на Манежной площади в Москве). Были учреждены орден Жукова и медаль Жукова, причем по статуту орден Жукова старше ордена Кутузова, но младше ордена Ушакова (!).

В обстановке глубокого патриотического победобесия, в условиях, когда Российская Федерация объявляется победителем Гитлера, пропагандистская машина РФ старается игнорировать неудобные для нового идола факты. Но в эпоху Интернета это сделать становится все труднее и труднее.

Действительность являет миру портрет героя, весьма далекий от хрестоматийного глянца. Вот, например, выдержка из мемуаров Дуайта Эйзенхауэра: *«... Во время нескольких часов, проведенных в самолете, маршал Жуков и я часто обсуждали военные операции... Большим откровением оказалось для меня его описание русского метода наступления через минные поля. Немецкие минные поля, прикрытые оборонительным огнем противника, были тактическим препятствием, принеся нам*

многочисленные потери и вызвавшим многие задержки. Пробиваться сквозь них было всегда трудным, несмотря на то, что наши инженеры изобрели все воображимые механические устройства для безопасного уничтожения мин. Маршал Жуков буднично заметил мне: "Существует два вида мин: противопехотные и против машин и танков. Когда мы упираемся в минное поле, наша пехота продолжает наступление так, словно бы его там не было. Мы рассматриваем потери, понесенные от противопехотных мин как равные тем, которые мы бы понесли, если б немцы решили защищать данный участок плотным сосредоточением сил вместо минных полей. Наступающая пехота не детонирует противомашинных и противотанковых мин, поэтому после того как она проходит минное поле и укрепляется на противоположной стороне, за ними идут саперы и боронят проходы, по которым могут пройти машины..."

Мне представилась отчетливая картина того, что произошло бы с любым американским или британским командующим, который попытался бы прибегнуть к подобной тактике, и еще более яркая картина того, что заявили бы люди в любой из наших дивизий, если б мы попытались сделать подобную практику частью нашей тактической доктрины...

Американцы измеряют цену войны человеческими жизнями, а русские – общими расходами нации.»

Без комментариев. Достаточно перечитать книги Виктора Суворова, Марка Солонина, отдельные места из мемуаров Рокоссовского, Голованова, Конева, чтобы в прах рассыпался образ гениального и непобедимого полководца, а взамен показался облик типичного выдвигенца сталинской эпохи.

Наш рассказ подошел к концу. Не стоит извлекать из него никакой морали. Прежде всего, потому, что это бесполезно. Для государства, самосознание подданных которого представляет собой непостижимую смесь имперской спеси и врожденного комплекса неполноценности, это бесполезно вдвойне.

Закончим цитатой из Иосифа Бродского. «Разве не

легче распределять просвещение и культуру в централизованном государстве? Правителю, теоретически, доступнее совершенство (которое он и так провозглашает), чем парламентарии. Руссо был против. И, увы, в России никогда так не получалось. Эта страна с ее великолепно гибким языком, способным выражать тончайшие нюансы в человеческой психологии, с ее невероятной нравственной чуткостью (положительный результат трагической истории) обладает всем необходимым, чтобы стать культурным, духовным раем, подлинным оплотом цивилизации. Вместо этого она превратилась в сероватый ад, с занюханной материалистической догмой и патетическими порывами к потребительству.»

Хайфа, 2021 год.

Постскриптум. То, не слишком короткое, повествование, которое было предложено Вам, уважаемые читатели, не претендует ни на научность, ни на историческую полноту. Посему автор почел излишним приводить внушительный список использованной литературы, которая в изобилии, подчас избыточном, может в любое мгновение быть перенесена на экраны Ваших компьютеров с виртуальных просторов Мировой Сети.

Об авторах, художниках и редакторах

Сергей Аврутин. Родился и вырос в Ленинграде. Окончил Политехнический институт по специальности техника высоких напряжений. В 1987 году эмигрировал в США и продолжил свое образование, но уже в другой области: психолингвистика. Получил степень бакалавра (с отличием) в университете Брэндаиз и степень PhD в Массачусетском технологическом институте (факультет мозга и когнитивных наук.) Преподавал в Йельском университете, где был удостоен стипендии Fulbright правительства США. В 2000 году получил грант Нидерландской академии наук на проведение международного исследовательского проекта, в результате чего переехал в Нидерланды, где до 2021 года являлся заведующим кафедрой лингвистики Утрехтского университета. В настоящий момент занимает должность профессора сравнительной психолингвистики в том же университете. Живет в Бельгии.

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство».

Анатолий Анимица. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен. Живет в Мариуполе.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992-го года в Израиле: пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Стихосложением занимается всю жизнь. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле.

Йонатан Видгоп. Писатель и режиссер. Создатель израильского Института науки и наследия еврейского народа «Am haZikaron», награжден премией «Zeiti Yerushalaim» и медалью «За вклад в развитие национального духовного наследия еврейского народа». Печатается в Израиле и США (на английском). Победитель ежегодного конкурса прозы журнала «Meridian» Университета Вирджинии за 2021 год.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 г. доброволец в Яд ва-Шем.

Леонид Дынкин. Родился в московской коммунальной квартире образца 1937 года. Послевоенная разруха. Средняя школа. 50-е годы – техникум. Служба в армии.

60-е – Семья. МИСИ им. В. В. Куйбышева – вечернее отделение (специальность – сейсмостойкие конструкции).

70-е – студенческая поэтическая студия Игоря Волгина – МГУ им. М. В. Ломоносова; творческая мастерская Григория Львовича Рошаля – Центральный Дом кино.

90-е годы – Репатриация в Израиль. Главные приобретения – Друзья, Дом, Отечество. Работа в Тель-Авивском инженерном объединении.

Публикации – Израиль, Россия, Германия, Финляндия, США. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Призер Международных поэтических конкурсов.

Живет в г. Ашкелон, Израиль. Автор 4-х книг

стихов.

Ирина Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор художественных рассказов, мемуаров и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Мастер нейролингвистического программирования. Хобби – художественная керамика. По основной специальности – химик-технолог в области биомедицинских полимерных материалов. Доктор технических наук. 56 научных публикаций и патентов. Репатриировалась из Москвы в апреле 1991 года. Выпускница Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Израильском технологическом институте Технион, в хай-теке и в химической промышленности. Живет в Хайфе.

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-дилогию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер, и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Соруководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Елена Текс. Родилась и жила в Украине, г. Кривой Рог. По специальности инженер-химик. В Израиле с 1994 г. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор четырех сборников авторских стихов и книги переводов с украинского на русский стихов Лины Костенко. Публика-

ции в коллективных сборниках Израиля, России, Германии, США.

Светлана Ткаченко. Родилась в Украине (Кривой Рог). Там же окончила школу и получила среднетехническое образование.

По воле случая переехала жить в Ташкент, где окончила Ташкентский политехнический институт, получив специальность инженер-электрик.

С 1999 г. живет в Германии в Бремене.

В 2013 году из-за сложившихся в жизни сложных обстоятельств, ранее этому не учась, неожиданно начала писать картины.

Михаил Язмир. Родился в 1931 г. в Витебске, в семье рабочих. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения, и надежда сочинять стала мечтой жизни. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. Через 12 дней после начала войны (и за 5 дней до входа немцев в Витебск) предприятия, на которых работали родители, были эвакуированы в тыл, в город Саратов. Там Мейер испытал весь набор радостей, печалей и горя суровой тыловой, а временами и прифронтовой, жизни, превратился в Михаила, приобрел навыки сопротивляемости голоду, холоду, недоброжелательности некоторых аборигенов к эвакуированным, но в то же время нашел надежных приятелей и влюбился в Волгу.

В 1954-м г. окончил Саратовский Гос. университет им. Н. Г. Чернышевского, получив специальность геолога, и работал по специальности до отъезда в Израиль в 1995 г.

Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это за время жизни в Израиле превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

Галерея (((СОНАР)))

Светлана Ткаченко

Скрипачка, 70x80, масло.

Айва, 50x80, масло.

Груши, 100x60, масло.

Балеринки, 90x60, масло.

Виноград, 130x80, масло.

Танцовщица, 100х60, масло.

Балерина, 90x80, масло.

Лебединое озеро, 120x100, масло.

Виолончелистка, 100x70, масло.

Цветы в вазе, 120x100, масло.

Леопард, 120x100, масло.

Розы в вазе, 50x70, масло.

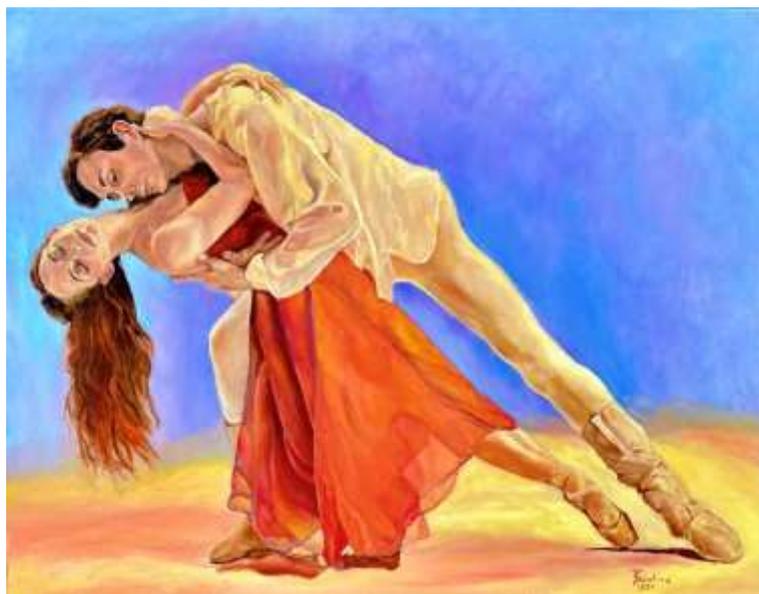
Роза, 50x50, масло.

Розы, 50x50, масло.

Тыква, 50x80, масло.

Ромео и Джульетта, 120х100, масло.

Литературно-публицистический журнал

((СОНАР))) № 4, 2022 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль